

Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«Тульский государственный музей оружия»

МИР ОРУЖИЯ: ИСТОРИЯ, ГЕРОИ, КОЛЛЕКЦИИ

**Материалы
Международной научно-практической конференции,
29 ноября – 1 декабря 2017 г.**

Тула – 2017

УДК 069.7 + 930.2

М63 **Мир оружия: история, герои, коллекции.** Материалы Международной научно-практической конференции, 29 ноября – 1 декабря 2017 г. / Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Тульский государственный музей оружия». – Тула, 2017. – с.

ISBN 978-5-9906363-6-1

Сборник материалов (тезисов) Международной научно-практической конференции «Мир оружия: история, герои, коллекции» содержит статьи, подготовленные рядом участников конференции. Среди авторов – представители России, США, Афганистана, Йемена, Черногории. Статьи опубликованы в алфавитном порядке (по фамилии первого автора).

Ответственность за содержание и оформление статей, достоверность приводимых фактов несут авторы публикаций.

© Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«Тульский государственный музей оружия»

© Авторы докладов.

Аль Селви Емад Номан Муршед
КИНЖАЛ ДЖАМБИЯ
Al Selwi Emad Noman Murshed
DZHAMBIA DAGGER 16

Баженов А.М.
ОРУЖИЕ И ОХОТА КАК ОБРАЗ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
Bajenov A.M.
WEAPON AND HUNTIG AS IMAGE ARTISTIC LITERATURE 20

Барчевский С.В.
ВВЕДЕНИЕ В ТИПОЛОГИЮ ПЛАСТИНЧАТЫХ ГАРД
ВОСТОЧНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ
Barczewski S. V.
INTRODUCTION TO THE TYPOLOGY OF THE PLATE-LIKE
GUARDS OF EAST AND SOUTH-EAST ASIA 24

Башмаков М.Б.
ИЗ ИСТОРИИ ВОЕННО-ПОЛЕВЫХ ЛАГЕРЕЙ КАДЕТСКИХ
КОРПУСОВ В СЕЛЕ КОЛОМЕНСКОМ
Bashmakov M.B.
MOSCOW CADET CORPS IN THE VILLAGE OF KOLOMENSKOYE ... 27

Выпряжкин А.В.
КОЛЛЕКЦИЯ ОРУЖИЯ МАЛОЯРОСЛАВЕЦКОГО
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ 1812 года
Vypryazhkin A.V.
COLLECTION OF WEAPONS OF MALOYAROSLAVETS
WAR AND HISTORY MUSEUM 1812. THE PROBLEMS OF
COLLECTING AND EXHIBITING 31

Гладина А.Ю.
«МЫ СНАБДИЛИ ТОТ ЗАВОД ПОЛОЖЕНИЕМ НАШИМ...»:
К 235-летию ПРИНЯТИЯ «ПОЛОЖЕНИЯ ОБ УПРАВЛЕНИИ
ТУЛЬСКИМ ОРУЖЕЙНЫМ ЗАВОДОМ»
Gladina A.Y.
«WE SUPPLIED THE PLANT WITH OUR POSITION...»: THE 235TH
ANNIVERSARY OF THE ADOPTION OF THE «REGULATIONS ON
THE ADMINISTRATION OF THE TULA ARMS PLANT» 34

Головнин П.А. МАСОНСКИЙ САКСОНСКИЙ ТОПОР 1733 года Golovnin P. A. MASONIC SAXON AXE 1733	38
Гриценко Е.П. ТОЛСТЫЕ – ЗАЩИТНИКИ ОТЕЧЕСТВА Grisenko E.P. THE TOLSTOYS – DEFENDERS OF FATHERLAND	40
Гуров С.В. ГЕННАДИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ДЕНЕЖКИН. МОМЕНТЫ БИОГРАФИИ. ВОСПОМИНАНИЯ ОЧЕВИДЦЕВ. (Часть 2) Gurov S.V. GENNADIY ALEKSEEVICH DENEZHKIN. MOMENTS OF BIOGRAPHY. MEMOIRS OF EYEWITNESSES. (PART 2)	44
Гуров С.В. РЕАКТИВНАЯ АРТИЛЛЕРИЯ В АФГАНСКОЙ ВОЙНЕ. 25.12.1979 г.–15.02.1989 г. (НА ОСНОВЕ МАТЕРИАЛОВ ЭЛЕКТРОННОГО ФОТОАРХИВА ФОТОСТУДИИ “ШУРАВИ-2003-ТУЛА” (Россия, г. Тула) Gurov S.V. ROCKET ARTILLERY DURING THE AFGHAN WAR. 25.12.1979–15.02.1989. (BASED ON THE ELECTRONIC PHOTO ARCHIVE MATERIAL OF THE SHURAVI-2003-TULA PHOTO STUDIO (Tula, Russia)	48
Дёмушкин М.С. СИГНАЛЬНОЕ ОРУЖИЕ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX века В СОБРАНИИ ТУЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ОРУЖИЯ Demushkin M. S. FLARE GUNS OF THE FIRST QUARTER OF XX CENTURY IN THE COLLECTION OF THE TULA STATE MUSEUM OF ARMS	52
Дергачев А.С. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Ф.В. ТОКАРЕВА ПО СОЗДАНИЮ РУЧНОГО ПУЛЕМЕТА В 20-х гг. XX в. (по материалам собрания Тульского государственного музея оружия) Dergachev A. S. ACTIVITY F.V. TOKAREVA ON THE CREATION OF THE HAND-MADE GUNSHIP IN THE 20TH YEARS XX	

CENTURY (ON MATERIALS of the COLLECTION of the TULA STATE ARMS MUSEUM).....	56
--	-----------

Дзиговская Л.Н. «СТАРИННЫЕ ОРУЖЕЙНИКИ» ЛЯЛИНЫ Dzigoyskaya L.N. «ANCIENT GUNSMITH» LYALIN’S	60
---	-----------

Дранишников А.А. ДАЛЬНИЙ БОМБАРДИРОВЩИК ДБ-3Ф (Ил-4) И ЕГО ПРИМЕНЕНИЕ ДЛЯ НАЗЕМНОЙ ПОДДЕРЖКИ ВОЙСК КРАСНОЙ АРМИИ Dranishnikov A.A. LONG-RANGE BOMBER DB-3F (IL-4) AND ITS APPLICATION FOR GROUND SUPPORT FOR THE RED ARMY’S TROOPS	64
---	-----------

Ермаков А.А. ВЫПУСК ПНЕВМАТИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ В ИЖЕВСКЕ В 30-60 годах XX века Ermakov A.A. PRODUCTION OF PNEUMATIC WEAPON IN IZHEVSK IN 30-60ies YEARS OF THE 20th CENTURY	68
--	-----------

Зливко А.В. ЛИЧНЫЙ ФОНД ГЕРОЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА ТУЛЬСКОГО ОРУЖЕЙНОГО ЗАВОДА И.В. ЩЕРБИНО В СОБРАНИИ ТУЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ОРУЖИЯ Zlivko A.V. PERSONAL FUND OF HERO OF SOCIALIST LABOR OF THE TULA ARMS FACTORY, I.V. SHCHERBINO IN THE COLLECTION OF THE TULA STATE ARMS MUSEUM	70
---	-----------

Зубарев А.В. ФРОНТОВЫЕ НОЖИ ПЕРИОДА ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ МИРОВЫХ ВОЙН В СОБРАНИИ ТУЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ОРУЖИЯ Zubarev A.V. FRONT KNIVES OF THE PERIOD OF THE FIRST AND THE SECOND WORLD WAR IN THE COLLECTION OF THE TULA STATE ARMS MUSEUM	73
--	-----------

Иванов Н.М. СТАЛИНСКАЯ СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ И ПЕРЕВООРУЖЕНИЕ КРАСНОЙ АРМИИ СТРЕЛКОВЫМ ОРУЖИЕМ НАКАНУНЕ ВОЙНЫ	
--	--

Ivanov N.M. STALIN'S MANAGEMENT SYSTEM IN THE SPHERE OF THE RETREATMENT OF THE RED ARMY WITH SMALL ARMS ON THE EVE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR	78
Касатикова Г.Е. ДЕМИДОВЫ НА УРАЛЕ. К 315-летию ПЕРЕДАЧИ ДЕМИДОВЫМ НЕВЬЯНСКОГО ЗАВОДА Kasatikova G.E. DEMIDOV AND URALS. TO THE 315TH ANNIVERSARY OF THE TRANSFER OF THE NEVYANSKY PLANT TO DEMIDOV.....	81
Киличенков А.А. КРАСНАЯ АРМИЯ В 1930-е гг.: ВЫБОР ПРОТОТИПА ТАНКА БУДУЩЕЙ ВОЙНЫ Kilichenkov A.A. RED ARMY IN 1930's: CHOOSING THE TANK PROTOTYPE FOR THE FUTURE WAR	84
Кищенко В.В. К ВОПРОСУ О МАТЕРИАЛЕ ДРЕВОК СТРЕЛ ДРЕВНИХ КУЛЬТУР ЕВРАЗИИ Kishchenko V.V. TO THE QUESTION ABOUT MATERIAL OF STAFF OF ARROWS OF ANCIENT CULTURES OF EURASIA	88
Кладов И.О. ОСНАЩЕНИЕ ТУЛЬСКОГО ОРУЖЕЙНОГО ЗАВОДА НЕФТЯНЫМИ ДВИГАТЕЛЯМИ ДИЗЕЛЯ Kladov I.O. EQUIPMENT OF THE TULA ARMS PLANT WITH DIESEL'S OIL ENGINES	90
Колоколов А.М. СЕРИЯ ОРУЖЕЙНЫХ КРЕМНЕВЫХ МИКРОЛИТОВ ИЗ РАСКОПОК В ИСТОРИЧЕСКОМ ЦЕНТРЕ г. ТУЛА Kolokolov A.M. A SERIES OF GUN FLINT MICROLITHS FROM ARCHEOLOGICAL RESEARCH IN THE HISTORICAL CENTER OF TULA CITY	93
Кондратенко С.Ю. Артиллерия Советской Армии в первые	

ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1945–1953 гг.) Kondratenko S.Y. ARTILLERY OF THE SOVIET ARMY IN THE EARLY POSTWAR YEARS (1945–1953).	97
Корнеева Н.П., Ескина Ю.С., Корнеев С.П. НЕКОТОРЫЕ КОНСТРУКТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ «ПИСТОЛЕТА ГРАЖДАНСКОГО ТИПА» (дипломный проект И.Я. Стечкина) Korneyeva N.P., Yeskina Yu.S., Korneyev S.P. CONSTRUCTIVE FEATURES OF "CIVILIAN PISTOL" (I.YA. STECHKIN'S GRADUATE WORK)	99
Корнеева Н.П., Ескина Ю.С., Фуфаев А.Н. ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУКЦИИ МАГАЗИННОЙ ВИНТОВКИ СИСТЕМЫ ШПИТАЛЬСКОГО Korneyev S.P., Yeskina Yu.S., Fufayev A.N. CONSTRUCTIVE FEATURES OF SPITALSKY REPEATING RIFLE	102
Крамарева И.В. ДУЭЛЬНЫЕ ГАРНИТУРЫ В КОЛЛЕКЦИИ ОРУЖИЯ САМАРСКОГО ОБЛАСТНОГО ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ ИМ. П.В. АЛАБИНА»: ИЗ ИСТОРИИ АТРИБУЦИИ Kramareva I.V. DUELING HEADSET IN THE COLLECTION OF WEAPONS SAMARA MUSEUM OF HISTORY AND REGIONAL STUDIES NAMED AFTER P.V. ALABIN: FROM THE HISTORY OF ATTRIBUTION	105
Крапивенцева М.Б. ВОЕННЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ В АДМИНИСТРАЦИИ ТУЛЬСКОГО ОРУЖЕЙНОГО ЗАВОДА В 1917–1920-е гг. Krapiventseva M.B. MILITARY SPECIALISTS IN THE ADMINISTRATION OF THE TULA ARMS FACTORY IN 1917–20-ies OF XX c.	109
Кротова М.В. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОПК И ТЭК: НЕКОТОРЫЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ, КОНВЕРСИИ И НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ Krotova M.V. THE INTERACTION OF MILITARY-INDUSTRIAL AND FUEL AND ENERGY COMPLEXES IN RUSSIAN ECONOMY: ENERGY SECURITY,	

IMPORT SUBSTITUTION, CONVERSION AND TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT. INSTITUTIONAL ASPECTS .. 112

Кузнецова Е.И.
НАЧАЛЬНИК ТУЛЬСКОГО ОРУЖЕЙНОГО ЗАВОДА
ИЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВИЧ БИБИКОВ
Kuznetsova E.I.
THE CHIEF OF THE TULA ARMS FACTORY
ILYA ALEXANDROVICH BIBIKOV 116

Купцова Н.Е.
«НА ДРЕВНЕЙ СТЕНЕ ИХ НАСЛЕДСТВЕННЫЙ ЩИТ И
ЗАРЖАВЛЕННЫЙ МЕЧ ИХ ВИСИТ». ОРУЖИЕ В ИНТЕРЬЕРАХ
РУССКИХ ДВОРЯНСКИХ УСАДЕБ
Kuptsova N.E.
«WHERE SHIELDS OF MY KINSMEN AND THE GLORIOUS SWORD
STILL HANG ON THE WALL». WEAPON IN THE INTERIORS OF
RUSSIAN ARISTOCRATIC ESTATES 119

Курочкин А.Ю.
ЗАФАР-ТАКИЕ: ОТ ПОДСТАВКИ АСКЕТА ДО АТРИБУТА
ПРАВИТЕЛЯ
Kurochkin A.Y.
ZAFAR-TAKIEN: FROM THE FAKIR'S CRUTCH
TO THE RULER'S INSIGNIA 123

Манько С.П., Климчук В.А.
ОРУЖИЕ УЧАСТНИКОВ ОБОРОНЫ АДЖИМУШКАЙСКИХ
КАМЕНОЛОМЕН (май–октябрь 1942 г.)
Manko S. P., Klimchuk V. A.
THE WEAPON OF PARTICIPANTS OF THE DEFENCE OF THE
ADZHIMUSHKAY KAMPelman (may–october 1942) 125

Махель Д.А.
ВЕНЁВСКИЕ МЕЛЬНИКИ НА ТУЛЬСКОМ ОРУЖЕЙНОМ ЗАВОДЕ
XVIII – начала XIX века.
Makhel D.A.
VENYOV MILLERS AT THE TULA WEAPON PLANT
OF THE XVIII-BEGINNING OF THE XIX CENTURY 127

Мезенцев Е.В.
ИЗ ИСТОРИИ РУССКОГО СТРЕЛКОВОГО ОРУЖИЯ начала XIX века
Mezentsev E.V.

FROM THE HISTORY OF RUSSIAN SMALL ARMS
OF THE EARLY 19TH CENTURY 130

Милосердов Д.Ю.
КУКРИ ДЛЯ АФГАНСКОЙ АРМИИ В КОНЦЕ XIX – начале XX века
Miloserdov D.Y.
KHUKURI FOR THE AFGHANIAN ARMY THE END
OF THE XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURY 134

Милосердов Д.Ю.
ПОРОХОВНИЦЫ ИЗ ФОНДОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО
ДАРВИНОВСКОГО МУЗЕЯ
Miloserdov D.Y.
POWDER FLASK OF THE COLLECTION
OF THE STATE DARVIN MUSEUM 139

Мошонкина Е.О.
МУЗЕЙНЫЕ И ЧАСТНЫЕ СОБРАНИЯ ОРУЖИЯ.
Moshonkina E.O.
MUSEUM AND PRIVATE COLLECTIONS OF WEAPONS..... 145

Николаев А.В., Питьева М.В., Дектярева Н.А.
ТРИ ПРЕДМЕТА ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО ЗАЩИТНОГО
ООРУЖЕНИЯ ИЗ СОБРАНИЯ МБУ «КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
Г.О. СЫЗРАНЬ»
Nikolaev A. V., Pityova M. V., Dektyareva N. A.
THREE PARTS OF THE WESTERN EUROPEAN ARMOURS FROM
THE COLLECTION MUSEUM CITY DISTRICT SYZRAN..... 147

Оводков Н.А.
НЕИЗВЕСТНЫЙ ОРУЖЕЙНИК Н.В. ЛУТКОВСКИЙ: К ИСТОРИИ
РАЗРАБОТКИ И ИСПЫТАНИЙ МАГАЗИННЫХ ПЕРЕДЕЛОЧНЫХ
ВИНТОВОК СИСТЕМЫ БЕРДАНА-ЛУТКОВСКОГО РАЗЛИЧНЫХ
МОДЕЛЕЙ В 1880-е годы В РОССИИ
Ovodkov N.A.
UNKNOWN ARMSDESIGNER N.V. LUTKOVSKIY: CREATION
AND TRIALS OF BERDAN-LUTKOVSKIY EXPERIMENTAL RIFLES
IN 1880-th IN RUSSIA 151

Панин А.С.
КРИВОНОГОВ – ОРУЖЕЙНИК, КРАЕВЕД, ИЗЫСКАТЕЛЬ
Panin A.S.
KRIVONOGOV – GUNSMITH, LOCAL HISTORIAN,
PROSPECTOR 155

Перхавко В.Б. ХОЛОДНОЕ ОРУЖИЕ ГЕРОЕВ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ Perkhavko Valeriy WEAPON BELONGING TO THE HEROES OF THE TIME OF TROUDLES	159
Петраков Т.В. БРОНЕПОЕЗД «ТУЛЬСКИЙ РАБОЧИЙ», БОЕВОЙ ПУТЬ Petrakov T.V. «TULA WORKER» ARMORED TRAIN. OPERATIONAL RECORD	163
Петрухин И.Н. ЛАТНАЯ ЗАЩИТА КОРПУСА У ПЕХОТЫ В СВЯЩЕННОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVI в. К ВОПРОСУ О МОРФОЛОГИИ И КОНСТРУКЦИИ Petrukhin I.N. PLATE ARMOR OF TORSO PROTECTION OF HOLY'S ROMAN EMPIRE INFANTRY AT THE FIRST THIRD OF XVI c. TO QUESTION OF MORPHOLOGY AND DESIGN	168
Пинк И.Б. ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ОПЫТНЫЕ МАГАЗИННЫЕ ВИНТОВКИ 20-30 х годов XX века В СОБРАНИИ ТУЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ОРУЖИЯ Pink I.B. RUSSIAN EXPERIMENTAL MAGAZIN RIFLES of the 20's–30's of the XX CENTURY IN the COLLECTION of the TULA STATE ARMS MUSEUM	170
Полозов Е.М., Немова С.Н. ВЫСТАВКА «МАСТЕР КРАСОТЫ. К 110-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ТУЛЬСКОГО ХУДОЖНИКА-ОРУЖЕЙНИКА М.И. ГЛАГОЛЕВА (20.4.1907–2.9.1992)» В ТУЛЬСКОМ ОБЛАСТНОМ КРАЕВЕДЧЕСКОМ МУЗЕЕ Polozov E. M., Nemova S. N. THE EXHIBITION «MASTER OF BEAUTY. TO THE 110th ANNIVERSARY OF TULA PAINTER AND ARMOURER M.I. GLAGOLEV (20.04.1907–02.09.1992)» IN TULA REGIONAL MUSEUM	173
Полчанинов В.Р. ВОЕННАЯ КОЛЛЕКЦИЯ В. Р. ПОЛЧАНИНОВА Polchaninov V.R. MILITARY COLLECTION OF V. R. POLCHANINOV	176

Полчанинов Р.В. НАША ИГРА БУМАЖНЫМИ СОЛДАТИКАМИ (К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ БОРИСА МАРТИНО) Polchaninov R.V. OUR GAME PAPER SOLDIERS (TO THE CENTURY OF THE BIRTH OF BORIS MARTINO)	178
Полчанинов Р.В. ПСКОВ В ГОДЫ ОККУПАЦИИ 1941–1944 (КАК ПСКОВИЧИ ПОМОГАЛИ СВОИМ ПЛЕННЫМ) Polchaninov R. V. PSKOV IN THE YEARS OF OCCUPATIONS 1941–1944 (AS RESIDENTS OF PSKOV HELPED THE PRISONERS).....	182
Распопович Радослав НИКОЛАЙ МИХАИЛОВИЧ ПОТАПОВ: СОСТОЯНИЕ ЧЕРНОГОР- СКОЙ АРМИИ С НАЧАЛА XX века. И ЕЕ РЕОРГАНИЗАЦИЯ Raspopovic Radoslav NIKOLAI MIKHAILOVICH POTAPOV: ON THE STATE OF MONTENEGRIN ARMY FROM THE BEGINNING OF XX AND ITS REORGANIZATION	186
Ремизова М.А. ОБЗОР ВИЗИТОВ ЧЛЕНОВ ИМПЕРАТОРСКОЙ СЕМЬИ НА ТУЛЬСКИЙ ОРУЖЕЙНЫЙ ЗАВОД В 1850–1890 гг. Remizova M.A. AN OVERVIEW OF THE VISITS OF MEMBERS OF THE IMPERIAL FAMILY OF THE TULA ARMS FACTORY IN THE 1850–1890's.	193
Романов О.А. ХРАНЕНИЕ И ЭКСПОНИРОВАНИЕ ОРУЖИЯ ЗАМКА МОНСЕЛИЧЕ (ИТАЛИЯ) Romanov O.A. STORAGE AND EXHIBITING OF WEAPONS OF THE CASTLE OF MONCELISE (ITALY)	196
Сабуров Л.Д. ХОЛОДНОЕ И СТРЕЛКОВОЕ ОРУЖИЕ, ИМЕЮЩЕЕ МЕМОРИАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ, В ЭКСПОЗИЦИИ ЦМВС РФ Saburov L.D. COLD ARMS AND SMALL ARMS, WHICH HAVE MEMORIAL VALUE, IN THE EXPOSITION OF CENTRAL NUSEUM OF ARMED FORCES OF THE RUSSION FEDERATION	201

Самарцева Е.И. ПОЛКОВНИК ПЕХОТНОГО АРХАНГЕЛОГОРОДСКОГО ПОЛКА Т. П. БОЛОТОВ Samartseva E.I. COLONEL OF AN INFANTRY REGIMENT T.P. BOLOTOV (ARKHANGELOGORODSK REGIMENT)	205
Самарцева М.С. «РАССКАЗ ТУЛЬСКИХ ОРУЖЕЙНИКОВ И МЕЩАН О ВОЛШЕБНИКЕ ДЕМИДЕ» И ДРУГОЙ ФОЛЬКЛОР (по материалам Тульских епархиальных ведомостей) Samartseva M. S. «THE STORY OF TULA ARMOURERS AND WARSHEADS ABOUT THE MAGIC DEMID» AND ANOTHER FOLKLORE (Based on the materials of the Tula Diocesan Gazette)	208
Сергиевский И.А. К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ ПРИЕМНОЙ КОМИССИИ НА ТУЛЬСКОМ ОРУЖЕЙНОМ ЗАВОДЕ В ХОДЕ ВОЕННОЙ РЕФОРМЫ Д.А. МИЛЮТИНА Sergievskiy I.A. THE QUESTION OF THE ESTABLISHMENT OF THE ACCEPTANCE COMMISSION AT THE TULA ARMS FACTORY IN THE COURSE OF MILITARY REFORM OF DMITRY MILYUTIN	211
Серова М.А. ТЕМА ОХОТЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЖИВОПИСИ, СКУЛЬПТУРЫ И ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ТУЛЬСКОГО ОБЛАСТНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ Serova M.A. HUNTING TOPIC IN THE WORKS OF PAINTING, SCULPTURE AND DECORATIVE AND APPLIED ART FROM THE TULA MUSEUM OF FINE ARTS COLLECTION	215
Скворцова Е.С. ГОД КОРЕННОГО ПЕРЕЛОМА В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ Skvortsova E.S. YEAR OF FUNDAMENTAL CHANGE IN THE GREAT PATRIOTIC WAR	219

Смирнов Б.Е. КОРТИКИ В СОБРАНИИ ЦЕНТРАЛЬНОГО ВОЕННО-МОРСКОГО МУЗЕЯ Smirnov B.E. DIRK IN THE CENTRAL NAVAL MUSEUM	222
Хасибулла Абдулла НАЦИОНАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ ГЕРАТА Hasib Qayoomi NATIONAL MUSEUM OF HERAT	227
Хаткевич А.А. МИХАИЛ ТИМОФЕЕВИЧ КАЛАШНИКОВ: СИБИРЯК С АЛТАЯ, ЧЕЛОВЕК-ЛЕГЕНДА Khatkevich A.A. MIKHAIL T. KALASHNIKOV: SIBERIAN FROM ALTAI, THE MAN IS A LEGENDARY PERSON	229
Хотко С.Х. КОПЬЕ ЧЕСТНЕЕ СТРЕЛЫ, СТРЕЛА ЧЕСТНЕЕ ПУЛИ. ОРУЖИЕ КАК СИМВОЛ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ И СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА В ЧЕРКЕСИИ Khotko S.Kh. SPEAR IS MORE HONEST THAN ARROW, ARROW IS MORE HONEST THAN BULLET. COLD STEEL ARMS AS A SYMBOL OF THE CULTURAL TRADITION AND THE SOCIAL STATUS IN CIRCASSIA	232
Чубинский А.Н. «ОРУЖЕЙНЫЕ ЧЕХЛЫ» В РУССКОМ ВОИНСКОМ СНАРЯЖЕНИИ XVI–XVII ВВ. Chubinsky A.N. «THE WEAPON CASES» IN RUSSIAN MILITARY EQUIPMENT OF THE XVI–XVII	235
Чумак Р.Н. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КОНСТРУКТОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С.И. МОСИНА ПО СОЗДАНИЮ МАГАЗИННЫХ ВИНТОВОК В 1882–1890 гг. Chumak R.N. SOME ASPECTS OF THE DESIGN ACTIVITES OF S.I. MOSIN ON THE CREATION OF MAGAZINE RIFLES IN 1882–1890	240

Шапиро Б.Л. КИРАСИРСКИЙ ПАЛАШ ОБРАЗЦА 1826 ГОДА: ПАМЯТНАЯ БРОШЬ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ФЕДОРОВНЫ Shapiro B.L. PALASH CUIRASSIER SAMPLE 1826: MEMORY BROOCH OF THE EMPRESS OF MARIA FEODOROVNA	243
Шаповал О.В. СОВРЕМЕННАЯ ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О СОВЕТСКО-ЯПОНСКИХ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТАХ НА ОЗЕРЕ ХАСАН И РЕКЕ ХАЛХИН-ГОЛ Schapoval O.V. CONTEMPORARY HISTORIOGRAPHY OF SOVIET-JAPANESE MILITARY CONFLICTS ON LAKE KHASAN AND THE KHALKHIN-GOL RIVER	247
Шепарев Р.М. ОРУЖИЕ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК. ПРОБЛЕМЫ ДОСТОВЕРНОСТИ Sheparev R.M. THE WEAPON AS HISTORICAL SOURCES. VERIFICATION PROBLEMS	251
Шумкин Г.Н. ПРОИЗВОДСТВО ФЕХТОВАЛЬНОГО ОРУЖИЯ ЗЛАТОУСТОВСКОЙ ОРУЖЕЙНОЙ ФАБРИКОЙ В 1860–1870-х гг. Shumkin G.N. MANUFACTURE THE FENCING WEAPONS ON ZLATOUST ARMS FACTORY IN 1860-1870-IES.	255
Щепотьев А.В., Гетманцев Л.В. РОЛЬ ПОИСКОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ Shchepotev A.V., Getmantsev L.V. THE ROLE OF SEARCH ACTIVITIES IN PATRIOTIC EDUCATION	259
Щепотьев А.В., Чередниченко О.В. СОВЕТСКИЙ АС ПОГИБ ПРИ ИСПЫТАНИИ АВИАЦИОННОЙ ТЕХНИКИ (Биография военного летчика Конищева Николая Александровича) Shchepotev A.V., Cherednichenko O.V.	

SOVIET ACE DIED IN THE TESTING OF AVIATION TECHNOLOGY (Biography of a military pilot Konishchev Nicholas Alexandrovich).....	263
--	-----

Щепотьев А.В., Щепотьев В.И. ДЕТСКАЯ ШАЛОСТЬ–МАЛЕНЬКИЙ «КИРПИЧИК» ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ. Shchepotev A.V., Shchepotev V.I. A CHILDISH PRANK–THE LITTLE «BRICK» OF THE GREAT VICTORY	266
--	-----

АЛЬ СЕЛВИ ЕМАД НОМАН МУРШЕД
Тулльский государственный Университет

AL SELWI EMAD NOMAN MURSHED
Tula State University

КИНЖАЛ ДЖАМБИЯ (АРАБ. **دابة بنج**) DZHAMBIA DAGGE

Джамбия – восточный кинжал с широким загнутым клинком без гарды, является важным элементом национального мужского костюма йеменцев. На севере Йемена редко на улице встретишь мужчину без огромного кривого кинжала, засунутого за специальный ремень из дублёной кожи или очень плотной красиво вышитой ткани.

Джамбия не меняет свой вид вот уже несколько тысячелетий. С древнейших времён кинжалы с широким обоюдоострым изогнутым лезвием были широко распространены у народов Ближнего и Среднего Востока, а также в Индии. В связи с традициями и запретами ислама, на арабских кинжалах не допускалось изображение животных, птиц и людей. До нашего времени Джамбия сохранилась только в Северном Йемене.

Джамбия до сих пор считается грозным оружием. Его широкое и тяжёлое лезвие способно наносить очень глубокие раны. Иногда люди применяли этот кинжал как аргумент во время спора. Однако есть общественные и исламские нормы, которые не позволяют использовать его неправильно. Джамбию можно доставать из ножен только в самых крайних случаях, когда в опасности находится жизнь человека.

Чаще всего Джамбию, как непременный элемент народного костюма, можно увидеть на йеменской свадьбе, на традиционных праздничных шествиях и при исполнении мужских танцев. Во время танца принято по очереди метать кинжал с целью вонзить его в деревянный пол.

Название «Джамбия» происходит от арабского слова «Джанб», что означает «бок, сторона». Поэтому и носить его принято за поясом немного сбоку.

Кинжал обычно изготавливают из дамасской стали. К нему делают специальные ножны, конец которых изогнут. Считается, это сделано для того, чтобы ножны не выпадали из-за пояса, если из них быстро достать клинок. Ножны вырезают из определенного сорта древесины, украшаются резьбой и узорами из золотой или серебряной проволоки. Джамбия часто указывает на социальный статус человека, который его носит. Самые престижные кинжалы имеют рукоятки, изготовленные из рога африканского носорога.

Немного дешевле стоят ручки из слоновой кости, а также рога буйвола. Производители получают сырьё через контрабандистов из-за международного запрета на отстрел носорогов и слонов. Рог носорога считается самым ценным материалом. Он имеет желтоватый цвет с перламутровым блеском. Цвет слоновой кости с возрастом желтеет, а иногда превращается в зеленовато-жёлтый.

Рукоятки из рога носорога и слоновой кости можно видеть у большинства мужчин Северного Йемена, так как они указывают на самый высокий социальный статус их владельца. В Южном Йемене, а особенно в городе Адене, большинство людей отказались от применения кинжала Джамбия.

Джамбия не предназначен для конкретного человека, но самые ценные из них могут быть именными, то есть принадлежать известным лицам: судьям, купцам и предпринимателям. Обычный

человек вряд ли может купить такой кинжал, так как цены на них в Йемене очень высоки. Джамбия может быть получен только по наследству от именитых родственников. Старинный Джамбия, который принадлежал историческому лицу, может иметь непомерную цену. Так, кинжал «Шейх Аль-Шаиг», который принадлежал имаму Яхья Хамид Алдину, был приобретён в 2008 году за 1 000 000 \$ США.

А.М. БАЖЕНОВ
Тульский государственный университет

A.M. BAJENOV
Tula State University

ОРУЖИЕ И ОХОТА КАК ОБРАЗ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

WEAPON AND HUNTING AS IMAGE ARTISTIC LITERATURE

В русской и зарубежной литературе имеются произведения, в которых изображены сцены охоты на диких животных и птиц. Авторы, как правило, владели стрелковым оружием. Обычно приобщение к охоте и процесс овладения оружием начинается с детских лет.

Вот фрагмент рассказа известного художника К. Коровина по этому поводу. «Возвращаясь от тетки, я говорил отцу:

Как бы мне хотелось уйти в дремучий лес. Только ружье у меня, конечно, не настоящее, горохом стреляет, ерунда. Купи мне, пожалуйста, настоящее ружье, я буду охотничать.

Отец слушал меня, и вот однажды утром я вижу на столике около меня лежит настоящее ружье. Небольшая одностволка. Курок новый. Я схватил – как оно пахнет, какие замки, стволы какие-то в полосках. Я бросился отцу на шею благодарить, а он говорит:

Костя, это – настоящее ружье. И вот коробочка пистонов. Только пороху не дам тебе – еще рано. Смотри-ка, ствол-то – дамасский» [Константин Коровин вспоминает...М.: Изобразительное искусство, 1990. С. 34].

Впоследствии в жизни К. Коровина охота займет важное место, о чем он повествует в ряде рассказов. Охота стала для художника средством приобщения к прекрасному миру русской природы. Это нашло отражение в таких его картинах, как «Последний снег», «Зимой», «Ранняя весна», «Весна», «Речка Воря. Абрамцево», «Неудача», «Ручей св. Трифона в Печенге».

Последние шестнадцать лет жизни К. Коровин был в эмиграции, где он часто вспоминал свои лучшие годы в России. Они были связаны с охотой и картинами русской природы. Художник пишет: «Охотники народ особенный. Привлекает их к охоте не одна до-

быча, а страсть быть в природе, ожидание неожиданных случаев и приключений. А потом разговоры – разговоры эти услышишь только на охоте» [Там же. С. 455].

Одним из лучших произведений в русской литературе, посвященных охоте и оружию, являются «Записки охотника» И.С. Тургенева. Особенно эта тема раскрыта в рассказе «Ермолай и Мельничиха». С полным знанием дела, с «натурой» И.С. Тургенев рисует в Ермолае характерный тип охотника, тщательно отмечая все особенности и детали охотничьей профессии, используя и слова охотничьего жаргона. Верные детали ремесла сочетаются в произведении с тонкой передачей переживаний охотника. Писателя увлекает поэзия охоты, как одно из наслаждений живого общения с природой.

Думается, лучшей оценкой содержания рассказа «Ермолай и Мельничиха» являются слова охотника А. Дубинина, друга и спутника художника, которые приводит К. Коровин. «Да, вот я слышал от господ охотников, что есть такой Тургенев. Любил он нашего брата, охотников простых – читали мне, Ермолай был такой. Про нас книжку составил Тургенев-то. Я плакал, когда читали, хороша книжка, – сказал Дубинин и задумался», – записал художник [Константин Коровин вспоминает...М.: Изобразительное искусство, 1990. С. 440].

Особое место в «Записках охотника» И.С. Тургенева занимает рассказ «Бежин луг». Здесь картины природы являются сценой действия, средством создания местного колорита. Писатель замечает: «Был прекрасный июльский день, один из тех дней, которые случаются только тогда, когда погода установилась надолго... В такой точно день охотился я однажды за тетеревами в Чернском уезде Тульской губернии. Я нашел и настрелял довольно много дичи; наполненный ягдташ немилосердно резал мне плечо, но уже вечерняя заря погасла и в воздухе, еще светлом, хотя не озаренном более лучами закатившегося солнца, начинали густеть и разливаться холодные тени, когда я решился наконец вернуться к себе домой» [Тургенев И.С. Бежин луг // И.С. Тургенев. Записки охотника. Собр. соч. Т. 1. С. 75-76]. Теперь в этом месте летом ежегодно проводится фестиваль «Песни Бежина луга».

Сцены охоты на диких животных мастерски изображены в романе Л.Н. Толстого «Война и мир». Писатель предваряет изображение охоты в имении графа Ростова «Отрадное» описанием осеннего пейзажа. Он пишет: «Уже были зазимки, утренние морозы заковывали смоченную осенними дождями землю, уже зеленыя уклочились и ярко-зелено отделялись от полос буреющего, выбитого скотом, озимого и светло-желтого ярового жнивья с красными полосами

гречихи. Вершины и леса, в конце августа еще бывшими зелеными островами между черными полями озимей и жнивами, стали золотистыми и ярко-красными островами посреди ярко-зеленых озимей. Русак уже до половины затерся (перелинял), лисьи выводки начинали разбредаться, и молодые волки были больше собаки. Было лучшее охотничье время» [Толстой Л.Н. Война и мир. Собр. соч. в двадцати томах. Том пятый. М.: Художественная литература, 1962. С. 270-271].

В русской литературе имеется произведение, которое непосредственно связано с изображением охоты на диких животных на фоне картин природы и жизни Дальнего Востока. Этим произведением является повесть В.К. Арсеньева «Дерсу Узала». В качестве главного героя произведения писатель представляет гольда Дерсу Узала. Этот человек наделен особыми качествами характера, которые проявляются в общении его с окружающим миром. Дерсу мастерски владеет охотничьим оружием, знает повадки диких животных, умеет определять явления природы сурового региона.

В.К. Арсеньев отмечает, что охота на диких животных сопряжена с опасностью. Дерсу Узала умел достойно выйти из самых сложных ситуаций. «Вечером мы с Дерсу долго разговаривали об охоте, о зверях, о лесных пожарах и т.д. У него были интересные и тонкие наблюдения», – замечает писатель. В подтверждение своих слов он рассказывает об одном эпизоде в жизни охотника. «Раньше я несколько раз пытался расспрашивать Дерсу, при каких обстоятельствах он убил тигра, но гольд упорно отмалчивался и старался перевести разговор на другую тему, но сегодня мне удалось выпытать от него, как это случилось» [Арсеньев В.К. Дерсу Узала: Повесть. Тула: Приок. кн. изд-во, 1984. С. 64].

В зарубежной литературе тема охоты и оружия представлена в разных аспектах. Американский писатель Эрнест Хемингуэй в рассказе «Недолгое счастье Фрэнсиса Макомбера» анализирует эту тему через призму семейной трагедии. Богатая супружеская пара отправляется на сафари в Кению. Во время охоты на льва супруг проявляет себя не с лучшей стороны. Чувство страха берет верх над героем. «Вот он, - услышал он шепот Уилсона. – Впереди, справа. Выходите и стреляйте. Лев замечательный.

Теперь и Макомбер увидел льва. Он стоял боком, подняв и повернув к ним массивную голову. Утренний ветерок, дувший в их сторону, чуть шевелил его темную гриву, и в сером свете утра, резко выделяясь на склоне берега, лев казался огромным, с невероятно широкой грудью и гладким, лоснящимся туловищем» [Хемингуэй Э. Недолгое счастье Фрэнсиса Макомбера // Э. Хемингуэй. Рассказы.

Прощай оружие! Пятая колонна. Старик и море. М.: Художественная литература, 1972. С. 226].

Фрэнсис Макомбер отличился во время охоты на буйволов. Но в последний момент жена с автомобиля выстрелила из манлихера калибра 6,5 в буйвола и попала своему мужу в череп, дюйма на два выше основания, немного сбоку. Этот карабин производился в Италии и обозначался как «Манлихер-Каркано» M91/41.

Итак, владение оружием и охота – это особый вид деятельности человека. Такое занятие требует от охотника профессиональных навыков, целеустремленности, мужества и в то же время благородства. У охотника должны проявляться сопричастность с окружающим миром, умение видеть красоту природы и любовь к родной земле. Многие русские и зарубежные писатели посвятили лучшие страницы своих произведений теме оружия и охоты.

С.В. БАРЧЕВСКИЙ
Независимый исследователь (Москва)

S.V. BARCZEWSKI
Independent researcher (Moscow)

ВВЕДЕНИЕ В ТИПОЛОГИЮ ПЛАСТИНЧАТЫХ ГАРД ВОСТОЧНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

INTRODUCTION TO THE TYPOLOGY OF THE PLATE-LIKE GUARDS OF EAST AND SOUTH-EAST ASIA

Гарды в виде плоской либо изогнутой пластины, перпендикулярной плоскости клинка, были распространены от Сахалина до Бирмы и являлись основным типом вплоть до второй половины XIX в., когда традиционные виды холодного оружия Восточной и Юго-Восточной Азии оказались частично вытеснены европейскими армейскими образцами.

В XVII-XIX вв. многочисленные семейные школы японских оружейников и ювелиров превратили изготовление гарды «цуба» в отдельный вид прикладного искусства. Сегодня превосходные музейные и частные коллекции «цуба» имеются не только в Японии, но и далеко за её пределами, им посвящено множество публикаций на разных языках, включая русский. Аналогичные по конструкции детали оружия других стран региона пока не получили такой известности ни среди оружейников, ни среди коллекционеров – на текущий момент автору не известно ни одной работы специально посвящённой данной теме. По этой причине в рамках своего доклада позволю себе оставить в стороне известную и вполне доступную информацию, касающуюся японских предметов, и обратить внимание коллег на менее распространённые в настоящее время сведения об артефактах из других стран Восточной и Юго-Восточной Азии.

В современных оружейно-ведческих публикациях – и отечественных, и зарубежных – термин «цуба» или выражение «гарда типа цуба» нередко используется для обозначения любой пластинчатой гарды. По мнению автора, подобный терминологический подход к предмету исследования вольно или невольно отдаёт приоритет авторства японским оружейникам, концентрирует внимание на их

изделиях и заранее ограничивает область поисков. Таким образом, взгляд сквозь призму японской оружейной традиции неизбежно искажает значительно более обширную и разнообразную общую региональную картину.

Здесь необходимо особо оговорить, что такой подход вполне допустим по отношению к оружию стран и народов в определённый период времени находившихся под сильным влиянием японской оружейной культуры. Например, юго-восточный Китай в XVI в., а также восточный Индокитай или народы Нижнего Амура и Сахалина в XVII столетии.

Гарда имела две основных функции – защищать от оружия противника и препятствовать соскальзыванию руки владельца на лезвие. Появившиеся позднее образцы с глубокой отбортовкой приобрели и третье, дополнительное назначение – они закрывали устье ножен от попадания влаги и грязи. Дискуссии по поводу того, какая из двух основных функций являлась приоритетной, продолжаются и по сей день. По мнению автора, косвенно о назначении гарды можно судить по размеру – чем она больше, тем важнее стояла задача защиты от оружия противника. Также необходимо отметить, что такие детали использовались в регионе не только в конструкции клинкового, но и древкового оружия.

Сам элемент в виде поперечной пластины появился в эпоху развитой бронзы почти одновременно на территории Вьетнама, Кореи и Японии. Первоначально пластина была полностью интегрирована в конструкцию бронзовых кинжалов. Позднее, ко II-I вв. до н.э., клинки, гарды и рукояти стали отливать в виде отдельных деталей с последующей монтировкой.

Начиная с эпохи раннего железного века направления развития этого типа гарды отличались в корейско-японском и индокитайском ареалах. Изначально преобладающий тип рукояти бронзовых кинжалов имел сужение в средней части и плавно расширялся к клинку и навершию. Такая конструкция, иногда называемая катушечной, обладала исключительной надёжностью при удержании – соскальзывание кисти руки на лезвие было практически невозможно при ударах любой силы.

Но при переходе от бронзы к железу данная форма оказалась неудачной – доступные в то время технологии делали её изготовление чрезвычайно затратным. Корейцы, японцы и их ближайшие соседи отказались от элемента конструкции с плавным расширением и ограничились простым прямым тяжёлым кольцом, а опасность соскальзывания на клинок компенсировали увеличением размеров гарды.

В Индокитае пошли иным путём – там железные и стальные клинки получали бронзовые рукояти с коническим либо полусферическим расширением и лишь немного выступающей за его габариты интегрированной гардой. Данная конструкция оказалась настолько удачной, что у горных народов центрального Вьетнама и Лаоса с очень незначительными изменениями дожила до наших дней. Прекрасным образцом этой непрерывной двухтысячелетней оружейной традиции является короткая сабля из Музея искусств Метрополитен, которая датирована V-II вв. до н.э. [Pyhrr S.W., LaRocca D. J., Ogawa M. Arms and Armor: Notable Acquisitions, 1991–2002. N.Y.: The Metropolitan Museum of Art, 2002. P. 53]. Однако следует отметить, что подобная типологическая близость на протяжении столь длительного временного периода вызывает сегодня существенные сложности при атрибуции случайных находок происходящих из Индокитая.

М.Б. БАШМАКОВ

Московский государственный объединенный художественный историко-архитектурный и природно-ландшафтный музей-заповедник

M.B. BASHMAKOV

The Moscow State Integrated Art and Historical Architectural and Natural Landscape Museum-Reserve

**ИЗ ИСТОРИИ ВОЕННО-ПОЛЕВЫХ ЛАГЕРЕЙ
КАДЕТСКИХ КОРПУСОВ В СЕЛЕ КОЛОМЕНСКОМ
FROM THE HISTORY OF MILITARY CAMPS MOSCOW
CADET CORPS IN THE VILLAGE OF KOLOMENSKOYE**

Коломенское – бывшая летняя резиденция или вотчина царей российского государства XVII – XVIII веков. С середины XIX до 1917 г. часть этой территории – место летних военно-полевых лагерей кадетских корпусов. В настоящее время – одна из территорий Московского государственного объединенного художественного историко-архитектурного и природно-ландшафтного музея-заповедника.

Новизна темы исследования заключается в том, в ней освещается круг малоизученных вопросов и проблем, относящихся к военной истории середины XIX – начала XX веков села Коломенского. В предшествующих опубликованных научных исследованиях, справочно-информационных и популярных исторических изданиях [«Кадет». Литературно-научный журнал 3-го Московского Императора Александра II кадетского корпуса. М., 1910; «Пятидесятилетие 2-го Московского Императора Николая I кадетского корпуса», исторический очерк, составленный А.Н.Поливановым – М., 1899 г. – 121 с.; Греков Ф.В. Краткий исторический очерк военно-учебных заведений. М., 1910; Захава Б.Е. «Кадетский корпус», М., 2000; Исторический очерк образования и развития первого Московского кадетского корпуса... – 1878. Исторический очерк образования первого Московского кадетского корпуса, что ныне Первая Московская военная гимназия, 1778-1878 / Сост. по офиц. источникам и издан под ред. М. С. Лалаева. – СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1878. – VI, 208 с.;

Корсаков А.К. Воспоминания московского кадета // Русский архив. 1879. Кн. 2. 7. С. 304–326; 1880. Кн. 1. № 2. С. 449–473; 1882. № 2. С. 358–376; Куприн А. «Юнкера». Собрание сочинений, т.6, М., 1982; Плеханов А.М., Попов А.А. «Наследники Суворова», «Русаки», М., 2001 г., – 280 с.; Поливанов А.Н. Пятидесятилетие 2-го Московского кадетского корпуса: Альбом. М., 1900г. – 31 с.] были кратко освещены сведения по истории размещения на этой территории военизированных структур и формирований. Вследствие этого, целый ряд архивных источников и других документальных исторических материалов, связанных с функциональным предназначением села Коломенского в рассматриваемый период времени остался неохваченным. Важно отметить, что именно в этот период времени переформировывалась историко-культурная строительная среда, развивалась ее архитектурно-инженерная, дорожно-транспортная инфраструктура и водопроводная коммуникация.

Благодаря проведенному анализу ранее не введенных в научный оборот архивных источников и документальных материалов, планам, чертежам и сметам, составленным для устройства всех лагерных строений [РГВИА. Ф. 405. Оп. 5. Д. 8310. «По отношению Его Высочества главного начальника Военно-учебных заведений, о разрешении помещать в каменном дворце, на время лагеря и ремонта зданий 1-го Московского Корпуса и неранжированные роты 1-го и 2-го Московского корпуса»; Ф. 725. Оп. 7. Д. 540. «По Высочайшему повелению об отводе в селе Коломенском во флигели тамошнего дворца помещения для лазарета Московского кадетского корпуса». Там же. Оп. 56. Т. 5. Д. 3104. «О назначении по высочайшему повелению флигеля Коломенского дворца, для помещения лагерного лазарета 1-го Московского кадетского корпуса»; Там же. Д. 3027. «Об отводе под лагерь для 1-го Московского кадетского корпуса места, в саду Коломенского дворца»; Там же. Д. 3270. «О помещении неранжированных рот 1-го и 2-го Московский кадетских корпусов, в продолжении ремонта корпусных зданий в Коломенском дворце и о назначении в нижнем, особого небольшого помещения для директора 1-го Московского кадетского корпуса»; Там же. Д. 3447. «Об устройстве общего лагеря для корпусов 1-го, 2-го Московских кадетских корпусов и Александровского сиротского и о безвозмездном приобретении земли принадлежащей крестьянам села Коломенского»; Там же. Д. 5913. «Приказы по лагерю Московского кадетского корпуса расположенного в селе Коломенском (Сформировано из россыпи) 14 июня 1854 г. Август 1858 г.], можно точно определить их место размещения, а по многочисленным письменным свидетельствам можно уточнить хронологию и описать орга-

низацию военно-полевых сборов. Таким образом, ранее известные сведения о военной истории села Коломенское представляется возможным дополнить и обобщить.

В данном исследовании говорится, что начиная с середины XIX и заканчивая началом XX века, летние военно-полевые сборы двух Московских, а также Александринского-Сиротского и Александровского Брестского кадетских корпусов проходили в селе Коломенском.

В архивных документах значится, что в 1838-м году по приказу имп. Николая I лагерное место для 1-го и 2-го Московских кадетских корпусов было оборудовано на юго-восточной границе деревни Нагатино и садом Коломенского Дворца. Однако занимаемая под летний лагерь территория была неудобной, из-за того что она находилась на низкой луговой земле. Весной от таяния снежного покрова и обильного количества осадков, в виде дождя, а также из-за того что р. Москва, русло которой находилось рядом, разливалась и частично затапливала все строения лагеря.

Вследствие такого территориально-географического признака и природно-климатического фактора, казарменные строения барачного типа, а также многочисленные хозяйственные и административные здания – т.е. кухня, погреб, сарай и навесы кадетского лагеря в рассматриваемый период времени постоянно подвергались порче.

Следствием этого всего было то, что в продолжении почти целого лета ощущалась сырость, которая по замечанию штатных врачей корпусов имела вредное влияние на здоровье воспитанников кадетских корпусов.

Поэтому руководство кадетских корпусов, в переписке с главным начальником военно-учебных заведений, ходатайствовало на имя императора рассмотреть возможность подобрать наиболее выгодное место для размещения летнего лагеря, а также предлагало использовать никем не занятые помещения здания Коломенского дворца. Просьба была одобрена и удовлетворена, часть помещений Коломенского дворца была передана.

В 1854 году под учебное место кадетских корпусов была отдана дополнительная часть земли – 10 десятин земли, которая находилась рядом с Савкиной роцей (Савиным оврагом). Эта земля принадлежала крестьянам села Коломенского, приписанным к Удельному ведомству и была приобретена для лагеря кадетских корпусов на особых условиях, безвозмездно.

Важно отметить то, что во время летних лагерных сборов, воспитанники кадетских корпусов жили и учились в специально

построенных и оборудованных бараках, а на строевом плацу отработывали учебную программу, в которую входили фронтные упражнения. Эти строевые занятия, включали в себя маршировку различными темпами, ружейные приемы, церемониальные марши, ломку строя и всевозможные тактические построения, исполняемые по сигналам труб и барабанов. В особые, праздничные, а также в выходные дни воспитанники кадетских корпусов в обязательном порядке посещали богослужения в расположенных рядом с лагерем церкви (Церковь Вознесения Господня, церковь Казанской Божией матери и церковь Георгия Победоносца).

Таким образом, в докладе рассматривается идея, связанная с предпосылками и условиями формирования (сер. XIX – нач. XX веков), на территории с. Коломенского, летнего лагеря кадетских корпусов. В итоговой части доклада говорится о том, что в результате Октябрьского переворота 1917 г., сменой исторической формации, статус села Коломенского изменился, а последующая была неразрывно связана с идеей создания музея.

А.В. ВЫПРЯЖКИН

Малоярославецкий военно-исторический музей 1812 года

A.V. VYPRYAZHKIN

Maloyaroslavets War and History Museum 1812

**КОЛЛЕКЦИЯ ОРУЖИЯ МАЛОЯРОСЛАВЕЦКОГО
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ 1812 ГОДА.
ПРОБЛЕМЫ КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЯ И
ЭКСПОНИРОВАНИЯ**

**COLLECTION OF WEAPONS OF MALOYAROSLAVETS WAR
AND HISTORY MUSEUM 1812.**

THE PROBLEMS OF COLLECTING AND EXHIBITING

1. Обзор коллекции оружия. Классификация и систематизация

Коллекция оружия Малоярославецкого военно-исторического музея 1812 года, как и большинство видов вооружения европейских полевых армий эпохи Наполеоновских войн, делится на тяжелое огнестрельное, ручное огнестрельное, холодное клинковое и холодное древковое оружие.

Тяжелое огнестрельное оружие представлено двумя стволами австрийских 3-х фунтовых орудий. Подобные орудия использовались в армии Наполеона в качестве полковой артиллерии, которая маневрировала непосредственно с пехотными батальонами, оказывая им огневую поддержку.

Ручное огнестрельное оружие представлено:

- французским пехотным ружьем Charleville 1777/1801 гг. (AN IX) (?) – самым массовым ручным огнестрельным оружием пехотных частей Бонапарта и его союзников;

- российским пехотным ружьем обр. 1808 г, произведенном в Сестрорецке в 1814 г. Ружья этого образца, заимствовавшие лучшие черты у французского Charleville, начали поступать на вооружение российской армии в рамках военной реформы 1808 г.

Оба ружья дают представление о ручном огнестрельном оружии пехоты в эпоху Наполеоновских войн.

- британским кавалерийским пистолетом New Land Pattern обр. 1796 г.

- двумя произвольными пистолетами производства Западной Европы и Балкан.

Данные образцы дают представление о ручном огнестрельном вооружении кавалерии эпохи Наполеоновских войн.

Не относятся к изучаемой нами эпохе ружье переделочное охотничье с затвором от русской 6 - линейной винтовки обр.1869 (системы Крнка), карабином системы Мосина обр. 1938 года.

Холодное древковое оружие представлено:

- тремя французскими пиками шеволежер-уланов обр.1812 и обр. 1816 гг.,

-российской уланской пикой обр. 1862 г.

Холодное клинковое оружие представлено:

- разновидностями французских кавалерийских сабель/палашей обр.1784 г. для линейной кавалерии;

- британской, баварской и прусской саблями XVIII-XIX в. для легкой кавалерии;

- российскими пехотными тесаками обр. 1763/1807 и обр. 1817 гг.

Данные образцы дают представление о клинковом оружии кавалерии и пехоты эпохи Наполеоновских войн.

Также в коллекции присутствует холодное оружие посленаполеоновской эпохи: кавалерийские и пехотные сабли российского, французского и германского производства XIX–XX вв., российские пехотные тесаки обр.1848 г., шашка драгунская обр. 1881 г., кинжал–бебут обр. 1907 г.

2. Проблемы коллекционирования

Первым источником поступления предметов коллекции оружия был Бородинский музей – заповедник, в виде филиала которого был открыт Малоярославецкий музей в 1939 г. Информация о переданных экспонатах не сохранилась по причине разорения музея во время немецкой оккупации Малоярославца в 1941 г.

Немалое количество экспонатов закупалось на средства музея, в период с 2013 по 2016 гг. Однако особенности законодательства, особенно в отношении хранения и экспонирования оружия, ограниченные финансовые средства музея сузили возможности приобретения предметов.

Несколько улучшил положение выигранный в 2014 г. федеральный грант на создание экспозиции «Дети Марса».

Часть предметов были переданы в дар со стороны частных лиц, в частности крупным коллекционером С. Арсентьевым.

3. Проблемы экспонирования.

В связи с необходимостью создавать у посетителей представ-

ление об эпохе и по причине нехватки необходимых антикварных экспонатов, Малоярославецкий музей в разные периоды прибегал к использованию как не соответствующих эпохе предметов вооружения, так и изготовлению реплик/муляжей.

В послевоенный период, музей дополнял коллекцию муляжами вооружения отрядов гражданской самообороны 1812 г. Делались они преимущественно из сельскохозяйственного инвентаря.

В первое десятилетие XXI в., для повышения аттрактивности экспозиции, музей занимался массовой закупкой реплик и копий вооружения эпохи 1812 года.

В данное время в экспозиции представлены исключительно подлинные предметы, соответствующие эпохе. Реплики, муляжи и копии выведены в интерактивную экспозицию «Дети Марса», либо используются как часть снаряжения манекенов в основной экспозиции.

4. Выводы

Несмотря на большие сложности в финансировании и ограничениях в законодательстве Малоярославецкий военно–исторический музей 1812 года продолжает комплектование коллекции оружия в соответствии со своим профилем.

А.Ю. ГЛАДИНА
Тульский государственный музей оружия

A.Y. GLADINA
Tula State Arms Museum

«МЫ СНАБДИЛИ ТОТ ЗАВОД ПОЛОЖЕНИЕМ НАШИМ...»: К 235-ЛЕТИЮ ПРИНЯТИЯ «ПОЛОЖЕНИЯ ОБ УПРАВЛЕНИИ ТУЛЬСКИМ ОРУЖЕЙНЫМ ЗАВОДОМ»

«WE SUPPLIED THE PLANT WITH OUR POSITION...»: THE 235TH ANNIVERSARY OF THE ADOPTION OF THE «REGULATIONS ON THE ADMINISTRATION OF THE TULA ARMS PLANT»

В России, начиная с XVIII в. с ростом промышленности мощный импульс к своему развитию получило заводское законодательство. Регулирование организационной структуры на предприятиях происходило посредством особых нормативно-правовых актов. К таким документам относится и фундаментальное по своему значению «Положение об управлении Тульским оружейным заводом» (1782 г.). Оно неоднократно становилось предметом исследования в работах историков. Ценный фактический материал накоплен И.Н. Юркиным [Тульские оружейники: Сборник документов / Отв. ред. И.Н. Юркин. – М.: РОССПЭН, 2003]. Значимой для изучения «Положения...» является статья Н.Ф. Фирсановой [Фирсанова Н.В. К истории сословия тульских оружейников в XVIII в. («Положение о Тульском оружейном заводе 1782 г.») // Вопросы социально-экономической истории СССР: сборник научных трудов / ТГПУ им. Л.Н. Толстого; отв. ред. В.Н. Ашурков. – Тула, 1976. С. 87–96].

Однако отдельно роль данного яркого документа фабрично-заводского законодательства в формировании социальной политики Тульского оружейного завода (далее – ТОЗ) не рассматривалась.

Обратимся к истории этого нормативно-правового акта. В 1737 г. кабинет министров обследовал ТОЗ. После инспекции был сделан вывод о необходимости изменения заводского управления для успешного развития оружейного дела. 22 сентября 1737 г. было утверждено положение об оружейных заводах [Юркин И.Н. Перед

Алтаем (Андрей Безр и Иоганн Улих в 1740 г.) // Ползуновский альманах. № 2. 2004. С. 89].

К XVIII в. мастерство тульских оружейников, которые приобрели мировую известность под именем «златокузнецов», высоко ценилось в России. Это подтверждают многочисленные визиты высочайших особ в оружейную столицу. Так, 13 декабря 1775 г., по окончании празднеств Куйчук-Канарджицкого мира Екатерины II прибыла в Тулу. У нее был особый интерес к городу мастеровых людей, к оружейному заводу [Будаева Л.П. Царские ружья из собрания Тульского государственного музея оружия (к визитам членов царской семьи на Тульский оружейный завод) // Тульский краеведческий альманах. Выпуск № 2. Тула: «ИНФРА», 2004. С. 29]. Императрица осмотрела ТОЗ и признала его «необходимым для государственной пользы», но в то же время состояние завода и положение оружейников требовали существенного улучшения. Поэтому 31 мая 1778 г. была учреждена особая комиссия для выяснения состояния ТОЗ и разработки предложений для его лучшего устройства. В своей деятельности новый орган руководствовался наказом Екатерины II.

Комиссия окончила свою работу к началу 1782 г. На основе ее выводов было составлено новое «Положение об управлении оружейным заводом», которое приобрело силу 25 июня того же года. Документ, с одной стороны, устанавливал «образ управления заводом и распоряжение работ, с другой же, утверждающим выгоды оружейников и прочих к ТОЗ принадлежащих людей» [ГАТО. Ф. 18. Оп. 2. Д. 2-а. Л. 1].

«Проект Положения...» состоял из 10 частей, 481 статьи (нумерация статей сплошная) и рассматривал все стороны деятельности завода. Так, 6-ю часть (57 статей) можно оценивать как основу для социальной политики, проводимой на ТОЗ. Она предполагала «устроение при Тульском оружейном заводе полезного». [Фирсанова Н. В. ... С. 92]. Предусматривалось создание социальных учреждений на ТОЗ при участии Приказа общественного призрения: школ для детей оружейников, богаделен для престарелых и увечных оружейников, больниц. В школе было организовано бесплатное обучение для бедных, а состоятельных обучали за незначительную плату: «...могли бы быть обучаемы всему, что по их состоянию и ремеслу знать прилично в соответствии с Уставом о народных, городских, средних школах» [Дзиговская Л.Н. Наставничество и образование на Тульском оружейном заводе в XVIII — первой половине XIX вв. / Л.Н. Дзиговская // Тульский краеведческий альманах. 2014. Вып. 11. С.24–29]. Согласно Положению, надлежало масте-

рам-оружейникам раздать для обучения ремеслу уже 200 человек солдатских детей [ГАТО. Ф. 187. Оп. 2. Д. 2-а. Л. 12-об.].

По новому положению на ТОЗ предполагалось:

- введение новых должностей и значительного усложнения канцелярско-бюрократического аппарата;
- создание административного устройства, сходного с городским населением (учреждение специальной ратуши с 2-мя бургомистрами и 4-мя их помощниками-ратманами);
- дарование новых привилегий (умеренные пошлыны, разрешение выходить в купечество);
- учреждение особого фонда (25 тыс. рублей) для выдачи ссуд оружейникам с целью строительства утраченных в ходе пожаров жилищ;
- строительство заводских строений только из камня [ГАТО. Ф. 187. Оп. 2. Д. 2-а].

Новое положение значительно расширило права командира завода. Он мог теперь всецело распоряжаться судьбой оружейника, подвергать его всевозможным наказаниям вплоть до придания военному суду [ГАТО. Ф. 187. Оп. 2. Д. 2-а].

К началу XIX в. в России наряду с ТОЗ существовало два других государственных оружейных завода – в Сестрорецке и Ижевске. Однако льготы, предоставленные тульским оружейникам, не были распространены на мастеровых других государственных оружейных заводов. Например, прерогативой туляков являлось право на ведение торговли и частные промыслы [История Сестрорецкого оружейного завода// Оружейный сборник. 1900. № 1. Отд. 1. С. 49].

«Положение о заводе» 1782 г., предоставившее оружейникам «права и выгоды мещанские», заставило вновь вернуться к вопросу о взимании подушных денег с оружейников. По «Положению» управление заводом перешло в ведение тульской казенной палаты, а сбор подушных денег непосредственно к оружейной ратуше [Фирсанова Н.В. ... С. 68].

«Положение» 1782 г. просуществовало без изменений до нового «Положения» о заводе 1823 г. Александр I утвердил новое, уже пятое по счету. Общее руководство поручалось командиру, который председательствовал во вновь учреждаемом заводском правлении. Последнее состояло из трех отделений, ведавших административно-хозяйственными, финансовыми и техническими делами. Руководство самим производством поручалось помощнику командира по искусственной (технической) части. В каждый цех назначался цеховой офицер-смотритель, подчиненный помощнику командира

по искусственной части. Выборные старшины теперь подчинялись офицерам-смотрителям.

Значение «Положения..» 1782 г. трудно переоценить. Впервые правительство в едином законодательном акте регламентировало управление тульским оружейным производством. Регулярное обращение к данному нормативно-правовому акту необходимо для устранения существующих лагун в изучении социально-экономической истории ТОЗ, начиная с расцвета оружейного производства в XVIII в. и заканчивая рубежом XIX–XX вв.

П.А. ГОЛОВНИН

Ассоциация «Русско-Японский центр по науке и культуре»

P.A. GOLOVNIN

Association «Russian-Japanese center for science and culture»

МАСОНСКИЙ САКСОНСКИЙ ТОПОР 1733 ГОДА

MASONIC SAXON AXE 1733

Вот уже около 300 лет в нашей семье хранится реликвия – ритуальный масонский топор, инкрустированный вставками из слоновой кости с изображениями граждан средневековой Европы; на древке изображены скрещенные молотки, дата «1733» и буквы «J.G.F.P.», а на другой стороне изображен герб, здесь присутствует шпага, циркуль, определенные полосы. Из литературных источников стало известно, что именно в 1733 году организовались масонские ложи в Гамбурге, Флоренции и Бостоне. Возможно, в семью Головниных этот топор попал от Николая Григорьевича Головнина, «который в 1793 году был капитаном армии, впоследствии подполковником и Кавалером Мальтийского Ордена» [См.: «Собрание фамильных актов дворян Головниных», СПб, 1854, л.9].

Масонский топор хранился в семье доктора искусствоведения, крупного специалиста по древнерусской архитектуре и литературе Георгия Карловича Вагнера (1908–1997), который незадолго до кончины передал этот топор автору этой статьи. Георгий Карлович всегда интересовался историей своего рода и родственных фамилий и также, как и автор статьи, является потомком новгородского боярина Никиты «Головни», который упоминается в летописи попа

Иоанна в 1401 году. Прадед Георгия Карловича – контр-адмирал Николай Викулович Головнин (1797–1850) – «поступил в Морской Кадетский корпус кадетом в 1815 году, был начальником Иркутского Адмиралтейства и порта в Охотске. Скончался в 1850 году в Петербурге, в чине контр-адмирала и похоронен на православном Смоленском кладбище.» [См.: «Собрание фамильных актов дворян Головниных», СПб, 1851].

История возникновения в Европе и России масонского движения, политические события 1733 года, а также расшифровка букв и герба на древке топора – входят в сферу исследовательских интересов автора.

Е.П. ГРИЦЕНКО
ФГБУК ГМПЗ «Музей-усадьба «Л.Н. Толстого „Ясная Поляна”»

Е.Р. GRISENKO
The State Memorial and Natural Preserve «Museum-estate of Leo
Tolstoy „Jasnaya Polyana”»

ТОЛСТЫЕ – ЗАЩИТНИКИ ОТЕЧЕСТВА THE TOLSTOYS – DEFENDERS OF FATHERLAND

Следование идее деятельного добра, к чему всегда призывал писатель, являлось примечательной особенностью уклада семьи Л.Н. Толстого. Активно трудилась на этом поприще его младшая дочь Александра Львовна Толстая. Вся её жизнь была направлена на выполнение духовных заветов отца – служение страждущим. Героическая судьба А.Л. Толстой стала примером несгибаемой воли, твердости русского характера.

В 1914 году, окончив краткие курсы медицинской сестры и проработав несколько месяцев в Звенигородском госпитале, она ушла добровольцем на Северо-западный фронт, став сестрой милосердия.

Как уполномоченный Всероссийского Союза помощи больным и раненым в 1915–1917 годах, А. Толстая организовывала передвижные отряды, задачей которых являлось оказание первой медицинской помощи тяжелораненым, доставляемым с передовой.

В эту организацию в те годы входил Красный Крест, активной деятельницей которого являлась Софья Николаевна Толстая, невестка писателя, мать внучек писателя Веры и Анны Ильиничны Толстых. Они вместе с А.Толстой трудилась в госпитале Красного Креста, оказывая посильную помощь в уходе за больными.

А.Л. Толстая и её племянница Вера, обладая незаурядным музыкальным талантом, не только ухаживали за ранеными, но и давали им концерты. Музыка, пение двух молодых женщин, помогали раненым выздороветь, поднимали им дух. «Тётя Саша мне рассказывала, что бывало до 4-х, 5-ти утра пели они раненым без перерыва, – а в семь утра – опять на передовые...», – вспоминала

В.И. Толстая [Кторова А. Потерянные россияне. Тверь: Альба, 1996. С. 50-51].

В 1915 году на Турецком фронте младшая дочь писателя выхаживала больных тифом, подвергала себя опасности заразиться. В 1916 году она переболела тропической малярией, и едва оправившись от болезни, получила назначение на Западный фронт. Здесь по поручению Земского Союза Александра Львовна занималась организацией школ-столовых для детей, оказавшихся в прифронтовой полосе. Важной задачей, вставшей перед ней в то время, являлось подбор учителей для временных детских образовательных учреждений и налаживание в них учебно-воспитательного процесса.

Всего тогда Толстой было привлечено к работе шестьдесят учителей и медицинских работников [Толстая А.Л. Дочь. М.: Книга и бизнес, 1992, С. 60]. Практическая деятельность А.Л. Толстой состояла также в нахождении и устройстве помещений для детских школ-столовых, обеспечение их продуктами и учебными пособиями. Мene чем за год Александрой Львовной и её помощниками для обездоленных детей было открыто шестнадцать тысяч школ-столовых [Азарова Н.И. Деятель по страсти // Независимая газета, 8 сент. 2000, С. 9-16]. Закончив организацию школ, она передала их своей невестке, жене брата Ильи, С.Н. Толстой.

В 1916 году при непосредственном участии младшей дочери писателя открылся госпиталь на 40 человек. В десятидневный срок А. Толстой были привлечены к работе 80 рабочих и 30 сестёр милосердия [Толстая А.Л. Дочь. М.: Книга и бизнес, 1992. С.64]. Прифронтовой лазарет, где она находилась, не раз подвергался немецкой газовой атаке. А.Л. Толстая, показывая пример стойкости, спасала раненных от гибели, раздавали им защитные маски, выводила людей на безопасные территории. За героическое поведение в бою она была награждена Георгиевской медалью второй степени. В декабре 1917 года, в звании полковника и с тремя георгиевскими медалями, Александра вернулась в Ясную Поляну.

Внук писателя Михаил Ильич Толстой, старший брат Веры Ильиничны, после окончания реального училища также воевал на фронтах империалистической войны, попал в плен, сумел бежать.

Второй по старшинству брат В.И. Толстой Андрей, учился в Высшем Техническом Училище в Москве. После того, как отец уехал в Америку, он полностью взял на себя заботу о матери и младших детях. В чине штаб-ротмистра лейб-гвардии драгунского полка служил в Белой Армии у Деникина. Андрей был человеком высочайшей чести, смелым воином, награждён золотым оружием за храбрость, командовал сводным полком у Врангеля. По расска-

зам В.И. Толстой Андрей сразу понял, что революция надолго, что народ одурманен обещаниями большевиков дать всем волю, землю, принести свободу и мир. Когда А.И. Деникин захотел присвоить А.Л. Толстому следующий чин, тот сказал: «Государь произвел меня в штаб-ротмистры, им я и умру» [Кторов А. Потерянные россияне. Тверь: Альба, 1996. С. 79]. Внучка писателя убили под Перекопом.

Новые испытания уготовила для потомков Л.Н. Толстого Вторая Мировая война. Внучка Толстого В.И. Толстая встретила её в Париже, где она находилась в вынужденной эмиграции. С ужасом вспоминая о том времени, Вера Ильинична писала: «И вот, вошли в Париж немцы, красивые, сволочи, чистые. И хорошо сделал Пэтэн, что сдал немцам город, а то бы от Париже ничего не осталось. Пэтэн заключил с немцами договор, а французы, вся армия, офицеры, солдаты, все сбегали, как трусы, а теперь говорят, что они герои...» [Там же С. 95].

Жизнь для В.И. Толстой в период немецкой оккупации была сложной. Чтобы выжить, нужно было где-то работать. Из парижского ресторана «Шехерезада», где она ещё до войны подрабатывала певицей, Вера перешла в ресторан герцога Лихтенбергского, там можно было не работать ночью. Кроме того, территориально он был ближе к её дому. В городе тогда ввели комендантский час, и возвращаться в ночное время домой было опасно. В оккупационном Париже Вере повезло, немцы её не тронули. Но ей никогда в те страшные годы не приходила мысль сотрудничать с немцами.

Остался верен гуманистическим идеалам и внук писателя Владимир Ильич Толстой. В 1941 году, находясь в городе Новый Бечей в Югославии, он в свои 42 года стал участником партизанского движения. Среди русских эмигрантов В.И. Толстой открыто вёл пропаганду, призывал их к защите Родины. За это в 1943 году его арестовали и отправили в концентрационный лагерь югославского городка Бечкерек, где он находился до прихода нашей армии.

В 1944 году, когда 34 гвардейская краснознамённая ордена Кутузова стрелковая дивизия освобождала Новый Бечей, В.И. Толстой участвовал в боях за формирование реки Тисы.

В то же время с просьбой встать в ряды бойцов дивизии обратился и Никита Ильич Толстой, сын Ильи Ильича Толстого. В 1941–1944 годы он принимал участие в партизанском движении в Югославии, а с 1944 по 1945 годы воевал в составе Красной Армии.

Владимир Ильич Толстой с сыновьями Олегом и Ильёй и группой югославских партизан оказывал помощь передовым частям дивизии, организовывал для них горячее питание, участвовал в строительстве паромов для переправы артиллерии и наших военных.

В городской школе при помощи местных врачей им был организован временный госпиталь, где раненым оказывали первую помощь.

Во время ожесточённых боёв В.И. Толстой находился на передовых позициях, ходил в опасные разведки совместно с партизанами, сообщал командованию ценные сведения о группировке сил противника и их передвижении. Во всех этих операциях участвовал и его семнадцатилетний старший сын Олег.

Возвращение в 1945 году Владимира Ильича Толстого на Родину состоялось только благодаря его непримиримому отношению к фашизму и полному размежеванию с той частью эмиграции, которая встала на сторону Гитлера.

На основании изложенных фактов из жизни семьи Л.Н. Толстого, возможно, сделать вывод о том, что члены писателя занимали активную гражданскую позицию, оставались верны духовным заветам своего предка. В центре их деятельности находился человек, защита его права на жизнь.

С.В. ГУРОВ
АО “НПО “СПЛАВ”

S.V. GUROV
Joint-Stock Company “Splav Scientific Production Association”

**ГЕННАДИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ДЕНЕЖКИН.
МОМЕНТЫ БИОГРАФИИ.
ВОСПОМИНАНИЯ ОЧЕВИДЦЕВ. (ЧАСТЬ 2)**

**GENNADIY ALEKSEEVICH DENEZHKIN.
MOMENTS OF BIOGRAPHY. MEMOIRS OF EYEWITNESSES.
(PART 2)**

В данных материалах представлены воспоминания сотрудников АО “НПО “СПЛАВ” (Россия, г.Тула) об известном конструкторе-оружейнике Геннадии Алексеевиче Денежкине, собранные автором. Первая часть материалов о нём опубликована в материалах конференции «Война и оружие» (2017 год) [Гуров С.В. Геннадий Алексеевич Денежкин. Моменты биографии. Воспоминания очевидцев // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Восьмой Международной научно-практической конференции, 17-19 мая 2017 г. В четырех частях. Часть 2. СПб.: ФГБУ “ВИМАИВиВС” МО РФ, 2017. С. 98-124].

Захаренко Юрий Иванович – главный специалист

“С (первых шагов) начала своей трудовой деятельности Денежкин зарекомендовал себя вдумчивым и серьёзным специалистом, безраздельно преданным выполнению поставленной задачи. ... Скромность, интеллигентность, эрудиция с одной стороны и твёрдость отстаивания принятых решений снискали громадное уважение к Денежкину как со стороны сослуживцев, так и представителей смежных организаций и заводов. ...”

Теплов Владимир Михайлович – начальник сектора

“...Чем бы он не занимался, он занимался серьёзно. Часто ездил с ним в командировки в Москву. Ездили в Дзержинск. Когда велись работы по “Смерчу”, то он устроил так, чтобы заводской автобус возил сотрудников в столицу два раза в неделю. Бывало возвращались с анекдотами, бывало с песнями. Всегда он был добродушный. ...”

Янов Сергей Иванович – главный инженер

“Благодарю судьбу, что мне выпал шанс работать и набраться опыта у одного из известнейших конструкторов нашей эпохи – Геннадия Алексеевича Денежкина. ... Геннадий Алексеевич был прост и доходчив в общении, скромно, интеллигентно, умен, мог подвести на дежурной машине, когда задерживались, давал советы и наставления для улучшения работы. Геннадий Алексеевич внес значительный вклад в развитие оборонно-промышленного комплекса страны. Он был не просто главным конструктором, он был целой эпохой. Созданные с его неоценимым участием РСЗО служат до сих пор надёжным щитом Родины. ...”

Козлов Валерий Иванович – начальник научно-исследовательского сектора, доктор технических наук

“...Творческие конструкторские способности, умение четко формулировать технические задачи и находить пути их решения позволяли Геннадию Алексеевичу побеждать все трудности и успешно завершать разработку высокоэффективных систем залпового огня. Во многом этому способствовали добросовестное отношение к порученному делу, трудолюбие и замечательные человеческие качества. Доброжелательность, простота и корректность в общении всегда привлекали собеседников и поэтому вызывали большое уважение как сотрудников «Сплава», так и работников смежных предприятий. ...”

Авотынь Борис Андреевич – начальник лаборатории

“...Мне посчастливилось сопровождать Г. А. Денежкина на 50 Военно-историческую конференцию в Санкт-Петербург 07.12.2015 г. и наблюдать, как к “пиджаку” (правда со Звездой Героя Труда) подошли почти все 40 генералов, присутствующих на конференции, со словами удовлетворения от характеристик стоящих на вооружении реактивных систем и предложениями о путях дальнейшего их развития. ...”

Ашевский Юрий Леонидович – заместитель начальника отдела

“Знаком был с Геннадием Алексеевичем Денежкиным по работе. Технически грамотный руководитель. Просто общался, как с человеком. Он не орал, не кричал. В этом плане был молодец.

И в неформальной обстановке не проявлял себя как начальник. В коллективе был членом коллектива.”

Рисков Георгий Георгиевич – начальник лаборатории № 44

“Что меня поражало – это умение терпеть и «держат удар». Без проявления эмоций и каких-либо своих слабостей. Он всегда держался позиции: «убеждений не меняю и своих не предаю»...”

Жалнина Ольга Дмитриевна – ведущий инженер лаборатории № 44

“В моей памяти осталась картинка как я захожу с документами в кабинет Главного конструктора, где Геннадий Алексеевич сидит со склоненной, над изучаемой технической документацией, головой и каждый раз слышу негромкое, но твёрдое: “Садитесь, пожалуйста!”. Пояснения к тому или иному документу он выслушивал не торопясь, не перебивая; так же спокойно задавал уточняющие вопросы. Он олицетворял собой эпоху крайней вежливости, интеллигентности, тактичности. ...”.

Романченко Юрий Иванович – бывший начальник Первого отдела

“С Геннадием Алексеевичем Денежкиным мне хорошо работало в течение 24 лет (с июня 1988 г. по июль 2012 г.). С первой встречи в его кабинете я понял, что Геннадий Алексеевич очень серьёзно относится к режиму секретности и в том числе к секретному делу-производству и поэтому всегда находил его поддержку в решении всех задач и возникающих вопросов. В этом деле он всегда был примером грамотного и принципиального руководителя. В тоже время с ним было легко общаться, что говорило о его характере, умении слушать и слышать собеседника. Не могу припомнить ни одного примера, когда был бы обижен на Геннадия Алексеевича. Вот таким он мне и запомнился”.

Кобылин Рудольф Анатольевич – советник генерального директора

“Впервые бок о бок с Геннадием Алексеевичем мне пришлось работать в период освоения изделий НПО «Сплав» на предприятиях отрасли. Отличительной чертой работы Геннадия Алексеевича было осторожно-аккуратное восприятие информации от заводских работников, тщательное изучение возникшего производственного события и принятие согласованного с конструкторскими и технологическими подразделениями окончательного решения.

Только спокойная, последовательная работа Геннадия Алексеевича на заводе «Сибсельмаш» при катастрофическом положении с планом завода и всего Министерства по изделию «Град» привела к выявлению причин неудовлетворительных испытаний партий изделий и наметила пути выправления сложившегося положения.

Авторитет Геннадия Алексеевича на серийных заводах был непререкаем.”

Зувен Денис Вячеславович – начальник отдела

“...Кто бы мог подумать, что шедший из своего гаража на ул. Лейтейзена домой с «авоськой» с соленьями человек был лауре-

атом всевозможных Ленинских и Государственных премий, Герой Соцтруда, академик и доктор технических наук. При этом от предложений помощи Г.А. Денежкин мягко отказывался.

А его способность быстро осваивать возможности современных телефонов, гаджетов и банкоматов – в его 80 лет, просто восхищала!

В общем, талант и скромность – незабываемые качества Главного конструктора ФГУП «ГНПП «СПЛАВ» (ныне АО «НПО «СПЛАВ») Г.А. Денежкина, которыми, как мне кажется, просто обязан обладать любой руководитель любого уровня в современном предприятии!”.

Окороков Владимир Николаевич – слесарь-сборщик механо-сборочных работ

“...Он (Геннадий Алексеевич) ответственный товарищ. Добросовестно относился к работе. Всё было отлично по его работе. Настоящий мужик”.

Представители участка сборки, пожелавшие остаться неизвестными.

“Он был равным в коллективе. Не грубил. Был прост, не выделялся (не ходил Гоголем) при нахождении на участке сборки.

На полигоне, помню, послал меня за раками, которых мы затем употребили с пивом, – вспомнил один из рабочих, сомневаясь стоит ли писать об этом.

Отличный мужик, так и напиши, Отличный мужик.”

Продолжение следует.

С.В. ГУРОВ
АО “НПО “СПЛАВ”

S.V. GUROV
Joint-Stock Company “Splav Scientific Production Association”

**РЕАКТИВНАЯ АРТИЛЛЕРИЯ В АФГАНСКОЙ ВОЙНЕ
(25.12.1979 г. – 15.02.1989 г. [Военно-политическая
спецоперация СССР в Афганистане
(25 декабря 1979 – 15 февраля 1989 гг.).**

**Словарь-справочник. – 2-е издание, переработанное и
дополненное. – К.: Межрегиональный издательский центр
“Мединформ”, 2007. 452 с.]**

**(НА ОСНОВЕ МАТЕРИАЛОВ ЭЛЕКТРОННОГО
ФОТОАРХИВА ФОТОСТУДИИ «ШУРАВИ-2003-ТУЛА»
(РОССИЯ, Г. ТУЛА)**

**ROCKET ARTILLERY DURING THE AFGHAN WAR
(25.12.1979 – 15.02.1989)
(BASED ON THE ELECTRONIC PHOTO ARCHIVE MATERIAL
OF THE SHURAVI-2003-TULA PHOTO STUDIO
(TULA, RUSSIA)**

В данных материалах представлены результаты исследования электронных обликот фотографий электронного фотоархива фотостудии “Шурави-2003-Тула” (Россия, г. Тула) на которых запечатлены образцы реактивной артиллерии (РА), частично, данные о которых имеются и в других источниках. Данные их этих источников будут полноценно освещены в материалах конференции.

Электронные облики фотографий, связанных с Афганской войной, собирал бывший руководитель фотостудии, боевой офицер, член Тульской областной организации Общероссийской общественной организации “Российский союз ветеранов Афганистана” (ТОО ООО РСВА) Пузанков Владимир Михайлович [Официальный сайт ТОО ООО РСВА [Электронный ресурс] // [\[administracii_tuls/\]\(http://administracii_tuls/\) \(дата обращения: 13.05.2017 г.\)\] \(29.10.1947 г. \[Там же. // <http://www.rsva-tula.ru/about/> \(дата обращения: 14.05.2017 г.\)\] – 30.11.2015 г. \[Там же. // \[http://www.rsva-tula.ru/srochnye_objavlenija/\]\(http://www.rsva-tula.ru/srochnye_objavlenija/\) \(дата обращения: 14.05.2017 г.\)\]\).](http://rsva-tula.ru/patriotic/2011_2013_gg/nagrazhdenie_pochetnoy_gramotoy_</p></div><div data-bbox=)

В электронном фотоархиве фотостудии электронные облики фотографий частично рассортированы по папкам с указанием фамилий людей, наиболее вероятно, их предоставивших. Благодаря этим фотоданным находит фотографическое подтверждение советской (российской) стороной наличие образцов реактивной артиллерии, как у военнослужащих Советской армии, так и у афганской стороны.

Эти фотоданные, в частности, ценны тем, что являются открытыми источниками для исследования афганской войны, документальные данные о которой (действиях 40 армии) секретны в Центральном Архиве Министерства Обороны Российской Федерации (Россия, г. Подольск).

В результате анализа электронных обликот фотографий установлены образцы реактивной артиллерии, находившиеся у афганской стороны.

1. Реактивная пусковая установка (РПУ) Туре 63 или её облегчённый вариант для стрельбы турбореактивными снарядами (ТРС) калибра 107 мм [Электронный архив фотостудии “Шурави-2003-Тула”. Папка Бондарев. Имя файла: 66], [Там же. Папка Оружие Душманы. Имя файла: васати0005], [Там же. васати0006], [Там же. васати0012] китайской разработки [Гуров С.В. Реактивные системы залпового огня. Обзор. Тула: Изд. дом “Пересвет”, 2006. С. 241,242].

2. Лёгкая переносная реактивная система для стрельбы ТРС калибра 107 мм [Электронный архив фотостудии “Шурави-2003-Тула”. Папка Оружие Душманы. Имя файла: 107-мм ПУРС] (130 мм) китайской разработки [Jane’s Armour and Artillery 2005–2006. P. 937,938. Предположительно, в источнике неправильно указано значение калибра реактивного снаряда – 130 мм], [Гуров С.В. Реактивные системы залпового огня. Обзор. Тула: Изд. дом “Пересвет”, 2006. С. 241]. Один образец был захвачен представителями 668 ооСпН (668 отдельного отряда Специального назначения) [Шурави-2003-Тула. Папка Оружие Душманы. Имя файла: БО-75 трофей 668 ооСпН], [Сабуров Л.Д. Музейное собрание оружия в войнах и сражениях // Мир оружия: история, герои, коллекции. Материалы Международной научно-практической конференции 21–22 октября 2016 г. / Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Тульский государственный музей оружия». Тула, 2016. С. 393].

3. Лёгкая переносная реактивная система “Град-П” советской разработки или её вариант “Партизан” для стрельбы неуправляемыми реактивными снарядами (НУРС) калибра 122 мм [Шурави-2003-Тула. Папка Оружие Душманы. Имя файла: 122-мм ПУРС Партизан], [Там же. заменить стр.80], [Гуров С.В. Легкая переносная реактивная система “Град-П”. [Электронный ресурс] // http://rbase.new-factoria.ru/missile/wobb/grad_p/grad_p.shtml (дата обращения: 16.05.2017 г.).]

4. Самодельная Лёгкая переносная реактивная система для стрельбы ТРС, предположительно, калибра 107 мм китайской разработки [Электронный архив фотостудии “Шурави-2003-Тула”. Папка Оружие Душманы. Имя файла: 512НАЛЕТ]. Пусковая установка представляла собой примитивную конструкцию, состоящую из двуноги в сборе с приваренным на ней ложементом (или без него), предназначенным для укладки снаряда. На каждой опоре (ноге) крепилось по одному ограничителю, которые препятствовали опусканию двуноги в грунт ниже определённого уровня.

Выше приведённая информация об образцах реактивной артиллерии у афганской стороны свидетельствует о том, что, в основном, это были образцы китайской разработки и образцы, захваченные у советской стороны или, возможно, полученные из других стран.

В результате анализа электронных фотографий установлены образцы РА, находившиеся у советской стороны.

1. Полевая реактивная система М-21 (РСЗО “Град”) для стрельбы НУРС калибра 122 мм советской разработки. Зафиксированы моменты стрельбы [Электронный архив фотостудии “Шурави-2003-Тула”. Папка Фото. Имя файла: фото (64)], [Там же. 335], [Гуров С.В. Реактивные системы залпового огня. Обзор. Тула: Изд. дом “Пересвет”, 2006. С. 75-76].

2. Реактивная система залпового огня “Град-1” для стрельбы неуправляемыми реактивными снарядами калибра 122 мм советской разработки. Зафиксирован момент стрельбы [Электронный архив фотостудии “Шурави-2003-Тула”. Фото из общей папки. Имя файла: Архив 127. (точка в конце)], [Гуров С.В. Реактивные системы залпового огня. Обзор. Тула: Изд. дом “Пересвет”, 2006. С. 80].

3. Реактивная система залпового огня “Ураган” для стрельбы неуправляемыми реактивными снарядами калибра 220 мм советской разработки. Зафиксирован момент нахождения боевых машин РСЗО “Град” и “Ураган” с поднятыми пакетами направляющих, направленными в разные стороны [Электронный архив фотостудии “Шурави-2003-Тула”. Фото из общей папки. Имя файла: 301], [Гу-

ров С.В. Реактивные системы залпового огня. Обзор. Тула: Изд. дом “Пересвет”, 2006. С. 81,82].

4. Самодельная подземно-надземная установка с 4-мя блоками для неуправляемых авиационных ракет [Шурави-2003-Тула. Фото из общей папки. Имя файла: 266] (НАР) серий С-5 (по крайней мере, три блока) советской разработки [Вооружение вертолетов АО “Камов” // История вооружения авиации России. Под редакцией академика Е.А. Федосова. – Москва. – Издательский дом “Столичная энциклопедия”, 2015. С. 456], Горшунова Е.В., Яблонский Е.В. Модельный ряд вертолетов ОАО “МВЗ им. М.Л.Миля”, оснащённых вооружением // История вооружения авиации России. Под редакцией академика Е.А. Федосова. – Москва. – Издательский дом “Столичная энциклопедия”, 2015. С. 445]. Основанием для монтажа служил корпус бронемашин, частично закопанный в грунт в горной, малолесистой местности. Эти фотоданные подтверждают неархивные данные о работах по созданию самодельных образцов с блоками для НАР советской стороной [Ермаков В.Ф. Афганский зной. М.: Эксмо, 2014. С. 174, 175], [Влодавский Ю. Александр Метла и его автомобили [Электронный ресурс] // URL: <http://adt.by/aleksandr-metla-i-ego-avtomobili/> (дата обращения: 15.05.2017 г.)], Кулибины афганской войны. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 20.12.2016 г. // URL: <http://chert-poberi.ru/interestnoe/kulibiny-afganskoj-vojni-2.html> (дата обращения: 24.05.2017 г.)].

Выше приведённая информация об образцах РА у советской стороны свидетельствует о том, что это были образцы советской разработки.

Пополняемая галерея фотографий о ракетной технике в целом в Афганской войне опубликована автором на сайте “Ракетная техника” [Гуров С.В. Ракетная техника в войне в Афганистане (25.12.1979 г. - 15.02.1989 г.). [Электронный ресурс] // URL: <http://rbase.new-factoria.ru/gallery/afgan> (дата обращения: 16.05.2017 г.)].

М.С. ДЁМУШКИН
Тульский Государственный Музей оружия

M.S. DEMUSHKIN
Tula State Arms Museum

**СИГНАЛЬНОЕ ОРУЖИЕ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА
В СОБРАНИИ ТУЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
МУЗЕЯ ОРУЖИЯ**

**FLARE GUNS OF THE FIRST QUARTER OF XX CENTURY IN
THE COLLECTION OF THE TULA STATE MUSEUM OF ARMS**

Сигнальный пистолет – гладкоствольное ручное огнестрельное оружие, предназначенное для стрельбы сигнальными и осветительными патронами в целях оповещения, передачи команд и донесений и кратковременного освещения отдельных участков местности.

В собрании Тульского государственного музея оружия хранится 19 образцов осветительно-сигнального оружия, изготовленных в России, Германии, Великобритании, Франции, Австро-Венгрии в первой четверти XX в.

Первой российской моделью в коллекции является сигнальный пистолет, разработанный начальником Охотничьей мастерской Тульского оружейного завода (далее – ТОЗ) полковником С.А. Зыбиным с использованием деталей охотничьего ружья – замка, ствольной коробки и затвора [Пинк, И.Б. Производство сигнальных пистолетов в Туле в 1910-х годах / И.Б. Пинк // Война и оружие: новые исследования и материалы: материалы Второй Международной научно-практической конференции, 18-20 мая 2011 года. – СПб.: ВИМАИВиВС, 2011. – Ч. 2. – С. 249–250].

Образец был утвержден в конце 1910 г. как «пистолет для стрельбы осветительными патронами». Это были патроны центрального воспламенения с латунной или картонной гильзой, снаряженные пиротехнической осветительной шашкой.

Для всесторонних испытаний пистолетов в войсковых частях, военных учебных заведениях и снабжения крепостей в охотничьей мастерской ТОЗ в 1910–1911 гг. было сделано 400 единиц. В октябре 1914 года все имеющиеся пистолеты обр. 1910 г. были переданы на

фронт. Одновременно с этим российские оружейники приступили к разработке упрощенного варианта сигнального пистолета для его массового производства в условиях войны.

В музее имеется четыре пистолета обр. 1910 г., три из которых (ТГМО КП-1689, ТГМО КП-1690, ТГМО КП-1703) работы Тульского оружейного завода и один (ТГМО КП-1702), чье изготовление сложно установить по причине отсутствия клейм. Это позволяет предположить, что он является опытным или образцовым экземпляром.

Во время Первой мировой войны к производству сигнальных пистолетов привлекли тульского оружейника А.И. Кузнецова, на фабрике которого 1915–1917 гг. переделывали револьверов Смит-Вессон в сигнальные пистолеты. Данный вариант был предложен начальником ТОЗ генерал-лейтенантом А.В. Куном в конце 1914 г. Для этого с артиллерийских складов в Тулу направили 10347 неисправных армейских револьверов. [Глазков В.В. Оружие Великой войны. Ручное и станковое автоматическое оружие Российской армии. Пулеметы. Автоматические винтовки. Револьверы и пистолеты. – СПб.: Гангут, 2015, С. 330, 366].

При переделке ствол револьвера заменяли новым, рассчитанным на стрельбу сигнальным патроном, устанавливали экстрактор ружейного типа. Рамка револьвера, рукоятка ударно-спусковой механизм и система запирания оставались без изменений.

В музейном собрании имеется три таких образца (ТГМО КП-1695, ТГМО КП-1696, ТГМО КП-1699) фабрики А.И. Кузнецова. Два пистолета (ТГМО КП-1695, ТГМО КП-1696) изготовлены из револьверов обр. 1880 г., третий на основе револьвера обр. 1871 г. (ТГМО КП-1699). Следует отметить, что из-за дефицита специальных сталей специалисты Тульского оружейного завода отливали стволы для А.И. Кузнецова из пушечной бронзы.

Данную модель сигнального пистолета, но со стальным стволом изготавливали на Ижевском оружейном заводе, а также на фабрике корабельных фонарей в г. Таллине [Суханов И.П., Федоров Б. Взлетает красная ракета... часть 3// Калашников. 2002. № 2. С. 30–31].

Надо отметить, что идея создания сигнальных пистолетов на базе боевых револьверов нашла применение не только в России. Так, в собрании музея есть два английских сигнальных пистолета Веблей-Скотт Марк 1 № 1 (ТГМО КП-1697) и № 2 (ТГМО КП-1701), изготовленных на базе армейского револьвера Веблей Марк VI. Пистолет Mk 1 № 1, сделанный в 1916 г., снабжен стволом длиной 25,4 см и деревянным прикладом на стальном креплении. Позднее подобные образцы использовали в армии и полиции как ручные гра-

натометы, а на флоте как линеметы. Пистолет Mk 1 № 2 1918 года выпуска имеет ствол длиной 10,5 см.

Особенностью данных сигнальных пистолетов является калибр ствола 37 мм, позволявший отстреливать сразу несколько осветительных шашек, а также мощные осветительные парашютные ракеты. [Федосеев С. Пушечное мясо первой мировой. Пехота в бою. – М.: Яуза: Эксмо, 2009 – С. 235–236] Пистолетов Mk 1 было выпущено 48300 единиц (№ 1–26665 и № 2–21635). [<http://www.thedentedhelmet.com/f20/miscellaneous-webley-scott-flare-gun-information-49494/>].

На вооружении немецкой армии состояли осветительные (саперные) пистолеты системы Хебель обр. 1894 г., производство которых было налажено на предприятиях в Зуле, Целла-Мелисе, Франкфурте на Одере, Вене, Гааге и Льеже. [Kern D. Les pistoles lance-fusees Modele Hebel M 1894//Gazette des Armes. 2005. No 363. С. 39]. Особенностью конструкции является способ запирания ствола нижним рычагом по типу Дау, заимствованным у охотничьего оружия.

Музейные экземпляры данной модели (ТГМО КП-1687, ТГМО КП-1698) сделаны на венской фабрике артиллерии и железнодорожного транспорта в 1915 и 1916 гг.

Отдельную группу представляют три сигнальных пистолета (ТГМО КП-1692, ТГМО КП-1693, ТГМО КП-1694). Их стволы и рамки сделаны из медного сплава. Такие пистолеты использовали в основном на флоте.

Германский двуствольный пистолет (ТГМО КП-1692) обр. 1889 г. «model submarine» не имеет клейм изготовителя. Однако известно, что данную модель изготавливали в мастерских флотского арсенала в г. Киле и г. Вильгельмсхафене [<http://jamesdjulia.com/item/lot-3358-rare-model-1889-double-barrel-navy-signal-pistol-52720/>].

Французский пистолет обр. 1917 г. (ТГМО КП-1694) был разработан парижской фирмой Шобера и изготовлен на предприятии «Манюфактур Француз д'арме э сикль» в г. Сент-Этьене. Заводской номер 2771. На казенной части ствола справа выбита эмблема французских войск связи: пятиконечная звезда и шесть молний в овале. Данную модель, которую делали двух калибров – 25 и 35 мм, в 1918 г. сняли с производства и заменили новым образцом [Bottreau M. Les pistoles lance-fusees Francais de la Grande guerre//Gazette des Armes. 1985. No 139. С. 30-33] и [<http://www.littlegun.info/arme%20francaise/artisans%20c%20d/a%20chobert%20gb.htm>].

Во время Первой мировой войны переделке в осветительно-сигнальные средства подвергались не только револьверы, но и охотничьи ружья, и армейские винтовки. Так, в фондах музея имеется

французская винтовка Гра обр. 1874 г. (ТГМО КП-309), снабженная гладким стволом калибра 26 мм. Ствол стальной, съемный, с нижним крюком и экстрактором; откидывается вниз для заряжания. В итоге данный образец сочетает в себе конструкцию одноствольного ружья-«переломки» с продольно-скользящим затвором. Такие сигнальные устройства Шобера обр. 1916 г., вероятно, поставлялись союзникам из Франции вместе с винтовками системы Гра [Богданович Б. Стрелковое оружие Франции в годы Первой мировой войны// Оружие. 2002. N 2. С. 10].

В то же время изготавливали и упрощенные устройства для стрельбы осветительными и сигнальными патронами. В коллекции ТГМО имеются два прибора Бирнштейна и ручная «ракетница». Эти устройства имеют схожую конструкцию и состоят из деревянного корпуса, ствола и ударного механизма, запирающего ствол с казенной части. Для производства выстрела достаточно ударить по шляпке подпружиненного бойка.

Таким образом, коллекция сигнальных пистолетов ТГМО, несмотря на ее незначительное количество, отражает основные европейские конструкции данного типа оружия в первой четверти XX века.

А.С. ДЕРГАЧЕВ
Тульский государственный музей оружия

A.S. DERGACHEV
Tula State Arms Museum

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Ф.В. ТОКАРЕВА ПО СОЗДАНИЮ
РУЧНОГО ПУЛЕМЕТА В 20-х гг. XX в.
(ПО МАТЕРИАЛАМ СОБРАНИЯ ТУЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ОРУЖИЯ)**

**ACTIVITY F.V. TOKAREVA ON THE CREATION OF THE
HAND-MADE GUNSHIP IN THE 20TH YEARS XX CENTURY
(ON MATERIALS of the COLLECTION of the TULA STATE
ARMS MUSEUM)**

История создания и особенности конструкции пулемета МТ рассмотрены в контексте истории советского стрелкового оружия такими исследователями, как В.Г. Федоров, Д.Н. Болотин, С.Л. Федосеев, В. Шунков. Отдельных работ, посвященных данному образцу нет. Возможное объяснение этому: пулемет МТ был переходным образцом и выпускался очень короткое время. Тем не менее он представляет определенный этап в развитии отечественной оружейной мысли, как первый серийный ручной пулемет советской разработки.

Цель данного выступления состоит в ознакомлении специалистов с образцами пулемета Максима-Токарева, хранящимися в ТГМО через описание их конструкции и отличительных особенностей каждой модели.

В фондах ТГМО имеется три образца ручного пулемета, разработанных Ф.В. Токаревым на базе станкового пулемета системы Х.С. Максима. Целью их создания было быстрое и экономически выгодное обеспечение Красной Армии ручным пулеметом в соответствии с доктриной применения данного вида оружия. Наличие иностранных систем, при небольшом количестве и дефиците боеприпасов к ним не решало проблемы. Образец ручного пулемета, созданный В.Г. Федоровым и В.А. Дегтяревым в начале двадцатых на базе автомата Федоров использовал 6,5-мм патроны

и после решения в 1924 году создавать новое оружие только под отечественные патроны 7,62 x 54 мм также не мог использоваться. Единственным приемлемым методом быстрого оснащения армии необходимым количеством ручных пулеметов была разработка на основе существующих образцов, из которых наиболее подходящим прототипом был станковый пулемет Максима, к этому времени прочно занявший место основного автоматического оружия в армии и находившегося в валовом производстве. Вопрос о переделке существующих систем в новые довольно части применялся в оружейном деле как в России, так и за рубежом. Например, аналогичное решение было достаточно успешно реализовано в годы Первой мировой войны в Германии, где на базе станкового пулемета МГ. 08 выпускали ручной пулемет МГ. 08/15, а затем МГ. 08/18.

Первый образец ручного пулемета разработан Токаревым на базе станкового пулемета «Виккерс» в 1922 г. [Чумак Р.Н. Я буду работать, пока дышу...//Калашников. 2011. №6. С. 34]. Возможно, это объясняется двумя причинами: во-первых, английский пулемет, благодаря своей конструкции более легкий и компактный, чем отечественный «Максим» обр. 1910 г. «Виккерс» также был более прост в производстве, имел меньшее количество деталей; в нем отсутствовала гильзо отводная трубка, что в дальнейшем стало одним из требований специальной комиссии. [Подробнее см.: Благоднаров А.А. Материальная часть стрелкового оружия. Кн. 2. М. 1946. С.295]; во-вторых, в это время обсуждался вопрос о постановке производства «легких» станковых пулеметов Виккерса на Тульском оружейном заводе. Учитывая, что вопрос о разработке ручного пулемета для Красной Армии был поставлен Артиллерийским комитетом в 1923 г., можно сказать, что Ф.В. Токарев предвосхитил это решение своей инициативой.

Следующие образцы, разработаны на базе отечественной модели. Был изучен опыт и учтены конструктивные решения германского пулемета МГ. 08/18 [Федосеев С.Л. Пулеметы в Первой мировой войне 1914-1918 гг. //Техника и вооружения № 2 2003. С. 28; Федоров В.Г. Эволюция стрелкового оружия. Ч.2. М.: Воениздат, 1939. С. 226]. В соответствии с требованиями специальной комиссии Реввоенсовета СССР под председательством С.М. Буденного в исходную конструкцию при сохранении основных принципов должны были внесены определенные изменения.

Так, применены, как и у пулемета «Максим» автоматика с отдачей ствола при его коротком ходе, система запираания ствола, ленточное питание.

Наибольшее внимание было уделено уменьшению веса базового образца. Например, вместо прямоугольного, был применен короб ступенчатой формы с выфрезерованными выемками на боковых сторонах. Кроме того, новая конструкция ударно-спускового механизма позволила уменьшить длину тела пулемета. Следует отметить и тот факт, что проводились работы по применению алюминия, но они, как и в случае с авиационным пулеметом, также разрабатывавшемся на ТОЗе, не дали положительных результатов.

Модель получила более легкий укороченный ствол, который помещался в кожух, представляющий собой трубу небольшого диаметра с овальными вентиляционными отверстиями. Ствол, как и кожух при необходимости могли сниматься. Выполняя требования военных, Токарев предусмотрел возможность замены ствола без снятия кожуха.

На съемной задней стенке короба пулемета МТ крепился ружейный приклад с полупистолетной шейкой. Это позволяло вести огонь с сошек, упирая приклад в плечо. Спусковой крючок помещался под шейкой приклада и имел предохранительную скобу. Здесь же располагался рычажный предохранитель.

Пулемет МТ получил открытую мушку, установленную на высокой стойке на передней части кожуха ствола. Секторный прицел располагался на задней части крышки короба. Рядом с мушкой находилось кольцо крепления с двуногой сошкой, которая служила для повышения точности и кучности стрельбы с упора.

Ручной пулемет Максима-Токарева имел общую длину 1330 мм и весил 12,9 кг. Таким образом, за счет ряда доработок конструкции удалось облегчить более чем на 7 кг.

Для питания оружия предлагалось использовать холщовые ленты на 100 или 250 патронов, которые помещались в металлические коробки, крепившиеся на пулемете. В фондах ТГМО имеется две такие коробки, переданные Ф.В. Токаревым.

Один из образцов в коллекции ТГМО имеет разъемный приемник, что также было предусмотрено рекомендациями военных специалистов. Применение разъемного приемника облегчало снятие и постановку не полностью снаряженной ленты.

Развертывание серийного производства МТ на Тульском оружейном заводе было начато 1 июля 1925 г. При этом в дополнение к уже имевшимся на заводе инструментам и приспособлениям пришлось изготовить 2080 рабочих и 944 поверочных лекала, 1158 комплектов инструмента и 400 приспособлений [В. Шунков. Боевое и служебное оружие России. М.: ЭКСМО. 2012. С. 346]. К 1 июля 1926 г., т.е. за год, было изготовлено 50 пулеметов. Все это говорит о том,

что пулемет МТ сильно отличался от прототипа, т.е. практически речь идет о конструкции нового пулемета. В 1926 г. Ф.В. Токаревым была предпринята еще одна, более глубокая попытка переделки станкового пулемета в ручной, но она была признана нецелесообразной, хотя новый образец хоть и был легче и лучше прежнего МТ [Подробнее см.: Болотин Д.Н. История советского стрелкового оружия и патронов. СПб.: Полигон, 1995. С. 168]. В ходе массового производства, к концу 1927 г. было изготовлено 2500 единиц.

Следует отметить, что в целом система Максима-Токарева, несмотря на все внесенные в конструкцию изменения, сохранил главные недостатки станкового пулемета, а коренная модернизация ряда деталей лишала смысла саму идею переделки с сохранением унификации с пулеметом Максима. С принятием на вооружение ручного пулемета Дегтярева (ДП-27), производство МТ постепенно сворачивается. Тем не менее, в 1927 и 1928 гг. для РККА изготавливались оба образца. Такое положение потребовало принять соответствующее решение о выборе системы. 2 февраля 1928 г. было принято постановление о постепенном прекращении производства МТ ввиду обнаруженных многочисленных недостатков системы. Тем не менее пулемет Максима-Токарева продолжал состоять на вооружении РККА, о чем свидетельствуют фотографии 1932 г., приведенные в работах С.Л. Федосеева [Пулеметы России. Шквальный огонь. С. 131; Все о пулемете Максим. Оружие. Специальный выпуск. С 52, 53]. Также известно о применении МТ во время гражданской войны в Испании, в Китае в ходе отражения японской агрессии, о вооружении им московского ополчения на начальном этапе Великой Отечественной войны.

«СТАРИННЫЕ ОРУЖЕЙНИКИ» ЛЯЛИНЫ
«ANCIENT GUNSMITH» LYALIN'S

О тульских оружейниках Лялиных написано много исследований, справки можно найти в Тульском биографическом словаре. Новым направлением в исследовании старой темы стало составление генеалогических схем семей Лялиных. Исследование проведено на основе документов, хранящихся в фондах Государственного архива Тульской области: ревизий Тульского оружейного завода, приходской переписи 1865 г., административной переписке ТОЗ. На основании перечисленных источников выявлено, что в оружейниках Лялины значатся ранее первой ревизии, т. е. до 1723 г. Коренными тулянами не были. Семьи Лялиных с годами росли и множилось, к концу XIX века сформировался клан.

Жили в приходе ц. во имя Рождества Христова в Оружейной слободе, ц. Георгия в Оружейной слободе, ц. Вознесения в Оружейной слободе, ц. во имя иконы Казанской Божией Матери на посаде, Рождества Христова в Чулково. По специальностям были станочными, замочными, ложевыми мастерами, молотобойцами. Уже в 1729 г. Анисим Лялин создал мануфактуру – имел домну, в ней четыре горна и кузницу. [Ф. 187. Оп. 1. Д. 17. Л. 10].

Лялиных охотно избирали на общественные должности. Например, в 1757 г. избраны: старостой при ножевом мастерстве Макар Лялин, станочного мастерства надзиратель Яков Лялин, пятидесятник по оружейной слободе Иван меньшей Игнатов Лялин. «На 1758 г. выбраны к браковке и смотрению ложевых дерев из станочных мастеров Д. В. Лисицын, Иван большой Игнатов Лялин, которые в ложевых деревьях доброту знают, и положиться на них в оном деле можно». [Ф. 187. Оп. 1. Д. 69. Л. 37; Д. 103. Л. 3об., 34–36].

Согласно ведомостям за 1835 г. о выборах в общественные должности значатся: Василий [Максимов] Лялин был бургомистром в 1818–24 гг.; Евграф Лялин избирался вахтером материалов

и гидравлических работ в 1819–25 гг.; Родион Лялин был угольного отделения вахтером в 1822–27 гг., ратманом в 1827–30 гг., сотенным; в 1828–29 гг. Василий Лялин избирался старостой при оружейной сумме, был сотенным.

В начале XIX века многое из Лялиных имели мануфактуры. В 1816 г. Михаил, Алексей, Василий Максимовы Лялины и умершего Якова Лялина дети – Родион, Иван Алексей – вышли в купечество. Изначально находились в оружейном обществе. Алексей Максимов числился в цехе белого оружия шомпольным ковщиком. Остальные делу оружия не были обучены, в заводе писаны к кузнецам в молотобойцы, «а сами с малолетства в торговых промыслах: рогатым скотом, строительным лесом. Тем и приобрели капитал, позволяющий вступить в купечество 3-й гильдии».

Согласно ведомости от 22 февраля 1825 г. о находившихся в г. Туле фабриках и заводах, оружейник Родион Лялин, основал кафельную фабрику.

В 1829 г. Высочайше утверждено положение кабинета министров от 16 июля об увольнении оружейников, не занимающихся делом оружия, в другие сословия. В купцы и мещане просились:

- Алексей Максимов Лялин, (жена Акулина Иванова), штыковой молотобоец, за себя нанимает рабочего, платит в год 70 р., торгует, имеет фабрику по производству палатных замков, самоваров, столовой посуды, уборки ружей. Имеет капитал до 25000 р. Его сыновья не производят оружие, нанимают по 50 р. в год;
- его брат Василий Максимов (жена Анна Петрова), шпажный молотобоец, не работает, за себя нанимает. Его сыновья, молотобойцы, нанимают за себя по 40 и 50 руб. в год;
- Евграф Васильев Лялин (жена Пелагея Иванова), молотобоец, нанимает за себя по 70 руб. в год;
- Родион Яковлев Лялин (жена Прасковья Яковлева), штыковой молотобоец, за себя нанимает по 50 р. в год, с братом Иваном Яковлевым имеют фабрику самоваров и палатных замков, торгуют, капитал до 8000 р.;
- Михаил Максимов Лялин и сыновья, шпажные молотобойцы, приборный цех, нанимают по 50 руб. в год, имеют кирпичную фабрику, капитал 8000 р.;
- Алексей Яковлев Лялин (жена Елизавета Петрова), штыковой молотобоец, нанимает за себя по 70 руб. в год, торгует рогатым скотом, капитал 8000 р.;
- Василий Васильев Лялин и сыновья, нанимают за себя рабочих по 40 р. в год, имеют фабрику экипажных приборов, капитал до 8000 р.;

• Василий Андреев Лялин (жена Матрена), нанимает за себя за 90 р. в год, занимается уборкой, торговлей ружьями, имеет капитал до 8000 р. [Ф. 187. Оп. 1. Д. 932. Л. 337об.-338, 344об., 345об., 347, 349об.].

В 1877 г. тульские 2-й гильдии купцы Лялины Николай и Михаил Павловичи учредили торговый дом на правах полного товарищества под фирмой «Николай и Михаил братья Лялины» [Ф. 174. Оп. 1. Т. 2. Д. 3888. Л. 1].

Представителей семьи Лялиных неоднократно награждали знаками отличия и ценными подарками. В 1857 г. Максим Васильев Лялин находился в командировке в переделочной мастерской при Киевском арсенале. Пожалован золотой медалью с надписью «За полезное» на Аннинской ленте, кафтаном, 15 р. серебром. Иван Нестеров Лялин, староста ложевого цеха, пожалован кафтаном с золотым галуном. [Ф. 187. Оп. 1. Д. 1575. Л. 14, 16].

Не последним делом для Лялиных была благотворительность. В 1854 г. оружейники Максим Васильев и Иван Васильев Лялины ввиду военных действий просили позволить оружейному обществу и мастерам сделать без платы 2 тыс. нарезных ружей в виде пожертвования на пользу Отечества. [Ф. 187. Оп. 1. Д. 1525. Л. 10-11].

В 1856-60 гг. Максим Васильев Лялин подарил 2-х этажный каменный дом оружейному обществу для богадельни престарелым и немощным оружейникам. Обязался жертвовать ежегодно по 500 р. на бытовые нужды. После реконструкции в доме сделали богадельню на 45 оружейников.

Лялины были не лишены амбиций, они подавали прошение в Тульскую городскую Думу о присвоении им звания почетных граждан. Но в конце 50-х годов XIX в. тульские оружейники не могли претендовать на столь высокое звание и Лялиным ответили отказом.

Изложенные факты о мастерстве и характере оружейников и предпринимателей Лялиных развенчивают надуманные концепции о нищих и обездоленных оружейниках, страдающих под гнётом капитализма. Наглядным примером служит история Ивана Нестерова Лялина. В 1833 г. вдова Наталья Кузмина Лялина обратилась в оружейное общество с просьбой перевести в мещанское сословие своего болезненного 16-ти летнего сына Ивана Нестерова. Сын был приписан к оружейникам, но оружие не делал – торговал. Пока шла административная переписка, юноша обучился оружейному мастерству, и вскоре вдова писала другое прошение: о невыходе из оружейного сословия, т.к. сын уже «два ствола сделал и совсем

стал мастером». Несколько лет спустя Иван Нестеров стал старостой ложевого цеха и был пожалован кафтаном с золотым галуном.

Вниманию читателей предлагается одна из десяти генеалогических схем семей Лялины. Схемы разные по количеству представителей. Предлагаемая схема включает 309 человек, из них 128 лиц мужского пола.

А.А. ДРАНИШНИКОВ
Тульский государственный университет

A.A. DRANISHNIKOV
Tula State University

ДАЛЬНИЙ БОМБАРДИРОВЩИК ДБ-3Ф (Ил-4) И ЕГО ПРИМЕНЕНИЕ ДЛЯ НАЗЕМНОЙ ПОДДЕРЖКИ ВОЙСК КРАСНОЙ АРМИИ

LONG-RANGE BOMBER DB-3F (IL-4) AND ITS APPLICATION FOR GROUND SUPPORT FOR THE RED ARMY'S TROOPS

У дальнего бомбардировщика ДБ-3Ф (Ил-4) конструкции Сергея Владимировича Ильюшина при грамотном его использовании были все технические данные для того, чтобы успешно противостоять не только истребительной авиации Люфтваффе Германии, но и зенитной артиллерии. По отзывам лётчиков и штурманов, он не имел себе равных и сразу пришёлся им по душе.

В августе – сентябре 1936 года предшественник знаменитого Ил-4 – ЦКБ-26 под пилотированием лётчика-испытателя В.К. Коккинаки установил три мировых рекорда – груз в 500 кг был поднят на высоту 12 816 м, груз 1000 кг на высоту 12 102 м и груз 2000 кг – на 11 005 м. ЦКБ-26 стал первым в целой серии дальних бомбардировщиков. Серийный первый из них, названный ДБ-3, был принят на вооружение ВВС Красной Армии в 1936 году. Бомбардировщик целиком строился из металла: авиаконструкторы, применив новые методы прочностных расчётов, сделали дюралевую обшивку гладкой и отказались от гофра.

В 1938 году появилась модификация машины – ДБ-3Ф, а в 1940 году ещё одна – Ил-4 – с установленными на нём более мощными двигателями воздушного охлаждения М-88Б [Костенко И. Боевые взлёты. – М.: Молодая гвардия, 1976. С. 77].

Топливо (бензин, его количество достигало 27 % полётного веса) располагалось в фюзеляжных и крыльевых баках. Заправка в крыльевые баки бензина осуществлялась прямо в герметичные отсеки плоскостей, которые перед полётом дальнего бомбардировщика к линии фронта заполнялись инертным газом. Основное

количество топлива было в фюзеляжных протектированных баках – при простреле резина набухла и закрывала пробоину. Всё это намного увеличивало живучесть бомбардировщика в бою.

Экипаж состоял из лётчика, штурмана и воздушного стрелка-радиста, который во время полёта стоял за турельной установкой. Позднее появляется четвёртый член экипажа – лёжа за пулемётом, следил за пространством внизу.

Стрелковое оружие бомбардировщика, предназначенное в основном для отражения атак истребителей, состояло сначала из трёх пулемётов ШКАС конструкции инженеров Б.Г. Шпитального и И.А. Комарицкого: носового, турельного и нижнего хвостового. Позднее два пулемёта ШКАС и один пулемёт БС или пулемёт УБТ (на турели) с 500 патронами [Сытин Л.Е. Всё об авиации. – М.: Астрель; СПб.: Полигон, 2010. С. 331].

Дальний бомбардировщик мог нести бомбовую нагрузку до 2700 кг. Скорость самолёта на большой высоте доходила до 463 км/час. По тому времени был высотным – мог набрать более восьми тысяч метров, но это приходилось делать лишь при полёте в глубокий тыл противника. В таких условиях дальность полёта достигала 2600 км. Имелась возможность подвески двух подвесных топливных баков для увеличения дальности полёта.

Было ещё одно удобство в кабине штурмана – второе управление. От пуль и снарядов при атаках фашистских истребителей рабочие места лётчика со штурманом и стрелка – радиста были защищены с задней полусферы пуленепробиваемыми бронеспинками (бронеплитами), которые не раз спасали экипаж.

Таким и начал воевать ильюшинский бомбардировщик ДБ-3Ф (Ил-4). Он стал основой советской авиации дальнего действия (АДД), подчинённой непосредственно Государственному Комитету Обороны.

ДБА ГК включала пять авиакорпусов, три отдельных авиадивизии и один отдельный авиаполк. Это около 1500 самолётов (13,5 % от общего самолётного парка ВВС КА) и почти 1000 боеготовых экипажей.

На начало Великой Отечественной войны, 22 июня 1941 года, соединения дальнебомбардировочной авиации не пострадали от налётов на аэродромы немецкой авиации. Распоряжение командования ВВС о приведении частей авиакорпусов в боевую готовность было передано в 6 ч 44 мин. Только около 10 ч генералом П.Ф. Жигаревым (в то время командующим ВВС КА) была поставлена задача 3-му авиакорпусу ДД по уничтожению скоплений вражеских войск в районе Сувалок, и лишь в 13 ч 40 мин первые бомбардировщики

начали взлёт. Таким образом, более семи часов первой половины дня оказались упущены.

Первые боевые вылеты дальнебомбардировочной авиации по непосредственному профилю оказались для неё на долгое время и последними. Генерал армии Г.К. Жуков требовал от ВВС штурмовок, и вскоре вся авиация превратилась в штурмовую. Уже 24 июня 1941 года командование поставило перед экипажами ДБ-3 и ДБ-3Ф задачу бомбить немецкие механизированные колонны с высоты 400 м, т.к. удары по ним с больших высот хоть и были безопасны, но оказались малоэффективны. В полках, где подобные приказы не объявлялись, лётчики сами стремились действовать с небольших высот, а после сброса бомб нередко продолжали атаковать противника из пулемётов. При бомбардировке опускаться ниже 400 метров было опасно, т.к. можно было угодить под осколки своих же «соток», которые составляли основу нагрузки бомбардировщика ДБ-3Ф. Зveno обычно сбрасывало не менее 20 ФАБ-100, несколько десятков зажигательных бомб по 100 кг и около 70 осколочных АО-8 по 8 кг. Командование ВВС и лётчики настоятельно требовали, чтобы им давали прикрытие или перевели на ночную боевую работу. Приходилось рассчитывать на мощь оборонительных пулемётов и живучесть, свойственную самолётам С.В. Ильюшина.

Экипажи бомбардировщиков встречали сильное противодействие, как со стороны средств ПВО, так и истребительной авиации. Лишь за один день 24 июня 14 самолётов не вернулись на свой аэродром. 26 июня экипажи 3-го ДБАК совершили 254 самолёто-вылета, понеся значительные потери. Только в 207 ДБАП не вернулось 15 экипажей. В 212 ДБАП к исходу дня 28 июня из 72 самолётов осталось только 14, способных выполнять боевые задания. Остальные были сбиты или требовали ремонта, ведь летали днём и без прикрытия. И без прикрытия экипажи дальних бомбардировщиков сбили в воздушных боях за первую неделю войны 18 истребителей «Мессершмитт-109» [Голованов А.Е. Дальняя бомбардировочная... Воспоминания Главного маршала авиации. 1941–1945. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. С. 127].

Жертвы были огромны (до 50%), но советским лётчикам удавалось наносить противнику урон, и порою немалый.

С первых же дней войны соединения ДБ-3Ф (Ил-4) бомбили глубокий тыл противника. На второй день войны дальние бомбардировщики совместно с морской авиацией бомбили Данциг, Кенигсберг, Варшаву, Краков, Бухарест. К концу 1941 года в ДА осталось всего 266 исправных самолётов. Экипажи в тяжелейших условиях демонстрировали мастерство и героизм. Подвиг экипажа капитана

Н.Ф. Гастелло повторили 11 экипажей ДА. В ночь с 10 на 11 августа 1941 года советские бомбардировщики нанесли удар по Берлину. В течение месяца советская авиация бомбила столицу Третьего Рейха десять раз. За образцовое выполнение заданий по бомбардировке Берлина майоры Щелкунов В.И., Малыгин В.И., капитаны Тихонов В.Т., Крюков Н.В., лейтенант Лахонин В.И. были удостоены звания Героя Советского Союза. Стабилизация фронта, а затем и наступательные действия Красной Армии позволили ДА перейти к нормальной боевой работе – ночным полётам в тыл противника.

За годы войны около 25 тысяч солдат и офицеров ДА удостоены государственных наград, 269 стали Героями советского союза, шестеро – дважды Героями. Бомбардировщики Ил-4 оказались поистине уникальными самолётами. Они оказались настолько долгоживущей конструкцией, что в числе тысяч других советских самолётов смогли участвовать в последнем ударе и достижению ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ.

А.А. ЕРМАКОВ

Музейно-выставочный комплекс стрелкового оружия
им. М.Т. Калашникова

A.A. ERMAKOV

The Kalashnikov Museum and Exhibition Complex of Small Arms

ВЫПУСК ПНЕВМАТИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ В ИЖЕВСКЕ В 30-60 ГОДАХ XX ВЕКА

PRODUCTION OF PNEUMATIC WEAPON IN IZHEVSK IN 30-60ies YEARS OF THE 20th CENTURY

Первые данные о серийном производстве пневматического оружия в Ижевске датированы январем 1936 года. За 1936 год на Ижстальзаводе №10 было выпущено более 10 000 винтовок ПСР (Пневматическая спортивная винтовка). Винтовка выпускалась на отдельном участке цеха №32, где также производилось охотничье оружие. Основное количество винтовок предназначалось для поставок напрямую организациям, например, ВСФК (Высший совет физической культуры). Главным заказчиком пневматических винтовок являлось Артиллерийское управление Рабоче-Крестьянской Красной армии. Производство ПСР продолжалось до августа 1937 года.

К идее возобновления производства пневматического оружия в Ижевске вернулись только в 1944 году, но уже на освобождаемых мощностях завода №622, организованного в 1942 году. На протяжении 1944-45 гг. было освоено производство винтовки ПСР и пистолета СПП. В процессе освоения ПСР была внедрена цельнотянутая труба для изготовления коробки ружья и латунная трубка, прессующаяся в канал ствола. В 1945 году было изготовлено более 15000 ПСР.

В 1946 году в порядке опытно-конструкторских работ была утверждена модернизация винтовки ПСР и пистолета СПП, а также создание 8- и 10-зарядного пневматического ружья, стреляющего дробинками, на базе боевого карабина 7,62 мм. К 1 марта 1946 года специально для производства ПСР и СПП были разработаны и пущены в действие вертикально замкнутые ленточные конвейеры. Но уже с сентября 1946 года производство ПСР и СПП было свер-

нуто. Выпуск модернизированной винтовки ПСР был возобновлен в 1955 году, ввиду прекращения производства самозарядного карабина СКС-45. За два года было выпущено около 220 тыс. винтовок. Затем снова последовал перерыв до 1961 года. В 1967 году винтовку ПСРМ заменила модель ИЖ-22.

А.В. ЗЛИВКО
Тульский государственный музей оружия

A.V. ZLIVKO
Tula State Arms Museum

**ЛИЧНЫЙ ФОНД ГЕРОЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА
ТУЛЬСКОГО ОРУЖЕЙНОГО ЗАВОДА И.В. ЩЕРБИНОВ
СОБРАНИИ ТУЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ
ОРУЖИЯ**

**PERSONAL FUND OF HERO OF SOCIALIST LABOR OF
THE TULA ARMS FACTORY, I.V. SHCHERBINO IN THE
COLLECTION OF THE TULA STATE ARMS MUSEUM**

Шесть работников Тульского оружейного завода (далее – ТОЗ) были отмечены высшей степенью отличия за трудовые заслуги в СССР – званием Героя Социалистического Труда. Последнее награждение с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и молот» не было приурочено к юбилейной дате или празднику, оно состоялось в обычный рабочий день 20 апреля 1987 года. Указом Президиума Верховного Совета СССР за выдающиеся достижения в развитии отечественного оружейного дела это почетное звание было присвоено Ивану Васильевичу Щербино. Стоит отметить, что он стал единственным гравером в нашей стране, удостоенным этой награды.

Базовым документом, в котором отражены основные биографические сведения И.В. Щербино, для нас служит его автобиографический очерк «Пути творчества», написанный в 1998 году. Иван Васильевич родился 30 мая 1938 года в Туле. Заниматься живописью он начал еще в школьные годы. Любовь к рисованию привела его в техническое училище № 1 на специальность гравера по художественному оформлению ружей, которое он окончил с отличием. С присвоенной ему квалификацией гравера 7-го разряда он пришел на ТОЗ.

На заводе он на высочайшем уровне овладел граверным и ювелирным делом, резьбой по дереву, чеканкой, художественным травлением по металлу, изготовлением стальной алмазной грани, живописью. Из-за нехватки времени на заводе он начал рисовать эскизы

дома. Стоит отметить, что мастера редко работали по собственным эскизам. Впоследствии они экспонировались на выставке в обществе охраны памятников истории и культуры. Ряд работ хранится в фонде «Изобразительные источники» Тульского государственного музея оружия (далее – ТГМО).

Первым серьезным заданием стала отделка ружья, посвященного 250-летию ТОЗ. Для его выполнения он применил свои знания по работе с цветными металлами, серебром, золотом, сплавами. Это был не единственный образец, выпущенный и украшенный И.В. Щербино в честь знаменательного события российской истории. Среди них можно также выделить ружья к 40-летию Победы, Дню космонавтики, Олимпийских играм 1980 года, юбилеям Тульского оружейного завода и советской власти, к 150-летию со дня рождения Л.Н. Толстого, 600-летию Куликовской битвы.

В фонде «Документальные источники» хранятся списки работ И.В. Щербино по художественному оформлению охотничьих ружей, а также подарочного и сувенирного назначения, сувениров, медалей, значков. Его произведения отличаются искусной техникой, уникальными композициями, разнообразием способов художественной отделки металла и дерева. Поэтому их успех на Международных выставках в Германии, Чехословакии, Польше, Югославии, Болгарии, Турции и других странах не случаен. Работы мастера украшают коллекции ТГМО, Государственной Оружейной Палаты Московского Кремля, частные собрания, как в нашей стране, так и за рубежом.

На ТОЗ он познакомился со своей будущей женой. Два их сына, под наставлениями отца, стали мастерами по дереву. Вопросы привлечения молодежи к творчеству, сохранения и приумножения замечательных тульских традиций художественной обработки металла и дерева всегда вызывали в И.В. Щербино особый трепет. В связи с этим он стал наставником не только для своих детей, но и обучил профессии гравера и резчика более ста человек. Многие высококлассные мастера этой сферы, работающие в Туле и области, являются его учениками. Он преподавал рисование в школе и в кружке резьбы по дереву «Юный техник», возглавлял народные клубы самодельного творчества «Левша», «Самородок», стал инициатором создания Союза тульских мастеров.

По его мнению, было необходимо открыть в Туле специальное учебное заведение: художественно-прикладную школу или училище. В 1991 году И.В. Щербино основал и стал во главе ООО «Возрождение», которое объединило разноплановых мастеров: граверов, резчиков по дереву, ювелиров, кузнецов дамасской стали и булата,

художников по росписи, краснодеревщиков, слесарей-оружейников. На сегодняшний день это объединение входит в ассоциацию «Народные художественные промыслы России». С 2012 года он является Почетным Президентом Школы тульских мастеров ТГМО.

И.В. Щербино был удостоен рядом наград и поощрений за художественно-декоративное оформление охотничьих ружей, изготовление и оформление сувенирной продукции, обучение молодежи, общественную работу на ТОЗ и организациях завода, участие в самостоятельном народном творчестве. Личный фонд знаменитого гравера, хранящийся в ТГМО, служит подтверждением многогранности его таланта и помогает сохранять память об уникальном человеке и его вкладе.

А.В. ЗУБАРЕВ
Тульский государственный музей оружия

A.V. ZUBAREV
Tula State Arms Museum

**ФРОНТОВЫЕ НОЖИ ПЕРИОДА ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ
МИРОВЫХ ВОЙН В СОБРАНИИ ТУЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ОРУЖИЯ**

**FRONT KNIVES OF THE PERIOD OF THE FIRST AND THE
SECOND WORLD WAR IN THE COLLECTION OF THE TULA
STATE ARMS MUSEUM**

В Тульском государственном музее оружия хранится несколько экземпляров кинжалов и боевых ножей, которые могут быть отнесены к категории переделочного оружия, в частности, к фронтовым или окопным ножам, а также к образцам подарочного и личного оружия.

По вопросу о феномене фронтовых ножей периода Первой и Второй мировой войн в отечественном и зарубежном оружейоведении до сих пор нет единого мнения. Нет и общего термина для обозначения этой категории холодного короткоклинкового оружия. Специалисты именуют их фронтовыми, окопными, траншейными, переделочными, различая штатные и произвольные образцы.

Традиция изготовления боевых переделочных ножей возникла еще до наступления эры позиционных окопных войн. Практика массового изготовления подобного оружия существовала, например, у одного из народов Кавказа, горцев Восточной Грузии – хевсуров. Они известны не только богатыми оружейными традициями, в том числе, создания боевого и защитного вооружения (кольчужного доспеха, щитов и знаменитых хевсурских палашей), но и разработкой уникальных его видов, включая, например, боевые кольца «сацерули», «магала», «цалпира» и «гаджия». [См.: Кизирия В. Дашна. – История оружия. Альманах № 5–6. – Запорожье: Привоз Принт, 2012. – С. 96.; Абазадзе Н. Гаджия – оружие мужчин. – История оружия. Альманах № 5–6. – Запорожье: Привоз Принт, 2012. – С. 112–125]. Одним из типичных видов хевсурского клинкового

оружия была дашна – разновидность короткого меча с рукоятью кинжального типа, изготавливавшаяся с использованием клинков поврежденных палашей и сабель, и носившаяся, в отличие от кавказского кинжала «кама», не по центру на поясе, а на подвесе сбоку или на специальном ремне за спиной или в рукаве [См.: Кизирия В. Указ. соч. – С. 95–103]. Известно близкое дашне оружие Западной Грузии – ханджали, изготавливавшийся с применением сабельных обломков или поврежденных сабель [См.: Кизирия В. Указ. соч. – С. 98, 102].

Еще один вариант традиционного передельного коротко-клинкового оружия – сардинская леппа, известная с XIV в., по виду напоминая сильно укороченную кавказскую шашку, но носившаяся за поясом спереди на манер иранских и турецких ханджаров и арабской джамбии. По словам исследователей, у многих сардинских лепп были клинки от сломанных или поврежденных сабель и палашей [См.: Черевичник Д.Л. Леппа – шашка Сардинии. – История оружия. Альманах № 8–9. – Запорожье: Привоз Принт, 2013. – С. 112–130]. Из сломанных мечей изготавливались и клинки ранних шотландских дирков [См.: Черевичник Д.Л. Указ. соч. – С. 125–126, 127, 129].

Однако массовое производство фронтовых, или, иначе, окопных или траншейных ножей приходится на время с 1914 по 1945 гг., когда в условиях отсутствия или недостаточного количества армейских коротких клинков возникла острая необходимость подобного оружия, в том числе для ведения рукопашного боя, а также для проведения разведывательных и других специальных операций. Одни страны пошли по пути разработки собственных штатных образцов траншейных ножей и кинжалов, другие использовали для указанных целей трофейное или передельное оружие.

Причины такой ситуации объективные и субъективные. Вплоть до 1914 г. мало кто предполагал, что военные действия в ходе мирового конфликта приобретут характер затяжной позиционной, так называемой «окопной», войны. В итоге, у личного состава пехотных частей воюющих армий при ограниченном боезапасе стрелкового оружия, значительной продолжительности времени его перезарядки, а также при ведении боя в стесненных условиях в траншеях, зданиях, сооружениях резко возрастала роль холодного короткоклинкового оружия. Потребность в средствах ведения рукопашного боя вызвала не только активное использование штыков, особенно ножевидных, но наряду с ними и армейских ножей. Однако большинство стран-участниц Первой мировой войны 1914–1918 гг. первоначально не располагали штатными образцами

армейского ножа, что вызвало массовое производство, как промышленное, так и кустарное, передельного короткоклинкового оружия. Траншейные ножи и стилеты произвольного типа изготавливались из штыков, кортиков, сабель, клинков фехтовальных рапир и т.п. [См.: Мак А.А. Ножи боевые и универсальные. Справочник-определитель. – СПб.: МАК, 2008. – С. 42–43, 52]. Однако известны и уставные образцы траншейных ножей и стилетов, например, франко-американские стилет-кастет «Модель 1917» и кинжал-кастет «Модель 1918» («Окопный нож Марк-1») [См.: Паселла Ж. 100 легендарных ножей. – М.: АСТ; Астрель, 2007. – С. 96.; Мак А.А. Указ. соч. – С. 57–58], французские штатный стилет из клинка от штыка к винтовке Лебеля [См.: Мак А.А. Указ. соч. – С. 46] и армейский кинжал «Венжер («Мститель») 1870» [См.: Паселла Ж. Указ. соч. – С. 95.; Мак А.А. Указ. соч. – С. 55], австро-венгерские штатные траншейные ножи.

Характерная черта – в целом ряде случаев использовались разновидности охотничьего холодного оружия [См.: Паселла Ж. Указ. соч. – С. 95.; Мак А.А. Указ. соч. – С. 62–65, 70], в том числе национальные финские, норвежские и саамские ножи, прекрасно зарекомендовавшие себя не только на охоте, но и в боевой обстановке. Во многих странах на основе этих и сходных с ними традиционных образцов были разработаны несколько видов короткоклинкового оружия для бойцов спецподразделений, например, знаменитая «финка НКВД», армейские ножи обр. 1940 г., обр. 1943 г. («Вишня»), а также несколько вариантов ножей разведчика и т.п. [См.: Марьянко А.А., Мак А.А. Армейский короткий клинок XX века. – СПб.: МАК, 2007. – С. 233–272.; Мак А.А. Указ. соч. – С. 75–87.; Гусев И.Е. Холодное оружие Страны Советов. – Минск: Харвест, 2011. – С. 88–109]. Часто происходил и обратный процесс – стилизация боевых ножей под охотничьи, особенно по индивидуальному заказу. В постоянной экспозиции ТГМО можно ознакомиться с примерами подобного оружия – подарочными образцами именных ножей в ножнах, один из которых в свое время принадлежал Щербакову Михаилу Михайловичу, организатору партизанского отряда «Передовой», другой – Калиновскому Александру Владимировичу, подаренный ему танкистами Катуковым и Попелем в 1941 г. На внешней стороне устья выгравировано: т. Калиновскому (сокращение от «товарищу Калиновскому»; Калиновский Александр Владимирович (1901–1991 гг.), в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. второй секретарь Тульского обкома ВКП (б), один из организаторов обороны Тулы в 1941 г.); на обратной стороне ножен – от танкистов катуковцев, Катуков (Катуков Михаил Ефимович (1900–1976 гг.), маршал,

дважды Герой Советского Союза, в 1941 г. в ходе обороны Тулы в звании полковника командовал 4-й танковой бригадой, приказом НКО СССР № 337 от 11 ноября 1941 года переименованной в 1-ю гвардейскую танковую бригаду), Попель (Попель Николай Кириллович (1901–1980), генерал-лейтенант танковых войск, политработник, в годы Великой Отечественной войны бригадный комиссар, член военного совета 38-й армии, военный комиссар 3-го механизированного корпуса, член военного совета 1-й гвардейской танковой армии).

Еще одна примета указанного времени – массовое изготовление передельного оружия во фронтовых мастерских и партизанских отрядах. Постепенно выработалась даже особая эстетика, в том числе, подарочных или именных памятных образцов, вручавшихся за боевые заслуги. Иметь подобное оружие наряду со штатным армейским вооружением, считалось почетным и престижным. Например, у личного состава войск США на тихоокеанском театре боевых действий в ходе Второй мировой войны большим спросом пользовались ножи и кинжалы с наборными рукоятками не только из традиционных материалов (кожи, дерева, латуни), но также из алюминия и полимерных материалов, в том числе, плексигласа (органического стекла) и бакелита. [См.: Уайт Ричард Д. Не просто фронтовые ножи, а оружие свободы. – В сб.: Ножи. – М.: Астрель: АСТ, 2006. – С. 6 – 10]. Постепенно эта мода широко распространилась среди вооруженных сил и других государств.

Необходимо отметить, что подобное оружие пользовалось большим спросом и в криминальных структурах, поскольку имело заслуженную славу в качестве надежного, качественного и прошедшего боевой путь, а также благодаря сочетанию качеств армейских и охотничьих образцов и удобству для скрытого ношения. При этом, когда уже в послевоенное время армейские и полицейские структуры стали разрабатывать собственные штатные образцы, подпольное производство оружия, во многом аналогичного фронтовым ножам, не только не прекратилось, но продолжало развиваться.

В постоянной экспозиции и фондах ТГМО представлено несколько интересных экземпляров фронтовых ножей и кинжалов. Среди них окопные ножи периода Первой мировой войны 1914–1918 гг., а также ряд подарочных ножей с ножнами и личное оружие периода Второй мировой войны 1939–1945 гг. и Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Кроме этого, большой интерес представляет складной нож, принадлежавший потомственному тульскому оружейнику, депутату Верховного Совета РСФСР трех

созывов (1947–1959 гг.) А.Н. Куракову, представляющий собой подражание французскому ножу спецподразделений (а также его многочисленным коммерческим вариантам) типа «дук-дук», выпускавшемуся с 1930 г. и получившего широкое распространение в странах Африки, Ближнего Востока и Индокитая. Этот образец отличался крайней простотой конструкции и изготовления, поскольку представлял собой согнутый пополам стальной лист, внутрь которого в сложенном положении убирался подпружиненный клинок. [См.: Паселла Ж. Указ. соч. – С. 78 – 79.] От складного ножа типа «дук-дук» музейный экземпляр отличается лишь отсутствием антабки на верхнем конце рукояти.

Н.М. ИВАНОВ

Российский государственный гуманитарный университет

N.M. IVANOV

Russian State University For The Humanities

**СТАЛИНСКАЯ СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ И
ПЕРЕВООРУЖЕНИЕ КРАСНОЙ АРМИИ СРЕЛКОВЫМ
ОРУЖИЕМ НАКАНУНЕ ВОЙНЫ**

**STALIN'S MANAGEMENT SYSTEM IN THE SPHERE OF THE
RETREATMENT OF THE RED ARMY WITH SMALL ARMS
ON THE EVE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR**

Причины неудач Красной Армии в начальный период Великой Отечественной Войны стоит искать в предвоенный период, анализируя процессы построения армии нового образца, начиная с 1920-х годов. Именно тогда по итогам Первой Мировой Войны концепция ведения войны изменилась. Пехота, несмотря на появления танков и самолетов, остается главной силой, но её задачи усложняются, а оружие совершенствуется в сторону увеличения скорострельности и уменьшения в размерах. В СССР проблему перевооружения армии современным образцами стрелкового оружия начали решать сразу после окончания Гражданской войны: были приняты конкретные программные документы, в которых определялась задачи образцов стрелкового вооружения, которые нужно было разработать. Однако, к июню 1941 года армия, по факту, пришла с тем же набором стрелкового оружия, что и к концу гражданской: винтовкой Мосина, станковым пулеметом Максима и револьвером Нагана. Вопрос «почему так произошло?» выражает собой научную проблематику исследовательской деятельности автора, цель которой – комплексно исследовать перевооружение РККА в 1925–1941 гг. в части стрелкового оружия. Одним из факторов, повлиявшим на процесс перевооружения РККА, была система управления и принятия решений, сложившаяся в 1930-е в Советском Союзе под влиянием И.В. Сталина.

Как было сказано выше, рассмотрение процесса перевооружения, в качестве объекта исследования, определяется проблемным

вопросом исследования. Перевооружение Красной Армии стрелковым оружием в 1925-1941 годы, направления, динамика и факторы этого процесса в настоящий момент не изучены комплексно. Историографию этой темы составляют работы, либо исследующие конкретные образцы стрелкового оружия и историю их принятия, либо общие процессы перевооружения СССР [Болотин Д.Н. Советское стрелковое оружие. В., 1990]. Одним из факторов, в достаточной мере, повлиявшим на этот процесс, является сталинская система управления и принятия решений в военном деле. В 1930-х выстроилась строгая иерархическая система принятия на вооружение «Главный военный совет – Наркомат обороны – Главной Артиллерийское Управление – Наркомат вооружений – КБЗавод», где каждая последующая ступень могла оказать лишь минимальное влияние на предыдущую. Зачастую, компетентных в вопросах стрелкового вооружения людей, на более низкой ступени оказывалось больше, чем на более высокой, при этом повлиять на принятое решение, пусть даже и не совсем правильное, они не могли. Конкурсы на разработку стрелкового вооружения не всегда были объективными, так как решение во многом принималось некомпетентными в вопросах стрелкового вооружения, но занимающими высокие позиции людьми, чьё мнение, в зависимости от авторитета в глазах Сталина, могло сыграть решающую роль [Ванников Б.Л. Записки наркома // Знамя, 1988:1-2. URL: <http://militera.lib.ru/memo/russian/vannikov/index.html> (дата обращения: 30.05.2017)].

Архивные документы показывают, что во главе большинства комиссий, которые принимали решения о стрелковом вооружении, на протяжении десятков лет находились одни и те же люди, которые дублировали свои должности и в других комиссиях, а, именно: К.Е. Ворошилов, Л.З. Мехлис, С.М. Буденный, Г.И. Кулик и др. Все эти люди имели личный авторитет у И. Сталина и, соответственно, их мнения на заседания ГВС были самыми весомыми [РГВА. Ф. 4, Оп. 14, Д. 2736, Л. 152]. При этом, стоит отметить, что не все из них имели достаточную квалификацию, чтобы принимать взвешенные решения относительно развития стрелкового вооружения. Сам Ворошилов, например, в письмах к Сталину говорит о своем «твердом намерении переменить свое «амплуа»... Работа в Военморе мне уже опостылела, да и не в ней теперь центр тяжести. Полагаю, что буду полезней на гражданском поприще. От тебя ожидаю одобрения и поддержки перед ЦК... Хочется попробовать в Донбассе... Работу возьму какую угодно... Надеюсь снова встряхнуться, а то я здесь начал хиреть (духовно)» [РГАСПИ. Ф. 74, Оп. 2, Д. 36, Л. 1]. Получается, что Ворошилов ещё в начале своей карьеры понимал, что далек от

военных дел, что, собственно, подтвердилось его отставкой в 1940 году. Однако надо полагать, что Сталину он был выгоден не своими профессиональными навыками, а лояльностью, что в итоге не способствовало развитию отрасли.

Не было все идеальным и на уровнях ниже. Главное артиллерийское управление, подчинявшееся НКО, фактически несло проверяющие функции. В докладе Л.З. Мехлиса от 24 февраля 1941 года говорится о чрезмерном аппарате военной приемки. Например, на заводе 59 готовую продукцию (пороха) принимают 28 инженеров, техников и контроллеров военной приемки, тогда как на изготовлении той продукции на заводе занято всего 6 инженеров и 2 техника [РГАСПИ. Ф. 82, Оп. 2, Д. 803, Л. 83.]. Также, в мемуарах В.Н. Новикова и Б.Л. Ванникова говорится, что «руководители и работники военной приемки не всегда отвечали этим высоким качествам. В таких случаях возникали ненужные споры и трения. Это наносило большой ущерб производству и делу обеспечения вооружением Красной Армии» [Ванников Б.Л. Записки наркома // Знамя, 1988:1-2. URL: <http://militera.lib.ru/memo/russian/vannikov/index.html> (дата обращения: 30.05.2017)].

Здесь же можно сказать и о том, что заводы и конструкторские бюро по подтверждению многих архивных документов, не всегда обладали надлежащим оборудованием и штатом, чтобы беспрекословно и в кратчайший срок выполнять высокие требования, данные членами комиссий (которые, как было сказано выше, не всегда разбирались в тонкостях разработки и производства стрелкового оружия) [РГВА. Ф. 4, Оп. 14, Д. 1800, Л. 84., 18. Новиков В.Н. Накануне и в дни испытаний. // Литературная запись Ж. В. Таратуты. — М.: Политиздат, 1988. — 398 с.]

В довершении всего техническая грамотность РККА, не всегда позволяла раскрывать потенциал множества новых образцов стрелкового вооружения, в техническом плане несколько более сложных, чем винтовка Мосина или ПППШ. Автоматические винтовки, используемые, например, в финскую войну, не нашли популярности у бойцов. При отказе в действии бойцы РККА предпочитали бросить автоматику и взять проверенную и более простую Мосинку [Н.М. Иванов. Техническая грамотность бойцов Красной армии в 1930-х годах: стрелковое оружие и его использование // Вестник РГГУ, М., № 1 (22), 2017].

Это лишь часть примеров негативных факторов, влияющих на процесс перевооружения, рассматриваемых в докладе на материалах неопубликованных документов РГВА, РГАСПИ, РГАЭ и источников личного происхождения.

Г.Е. КАСАТИКОВА

Историко-мемориальный музей Демидовых –
филиал ГУК ТО «Объединение «Историко-краеведческий
и художественный музей»

G.E. KASATIKOVA

Historical and memorial museum of Demidov – «The Association
«History and art Museum»

ДЕМИДОВЫ НА УРАЛЕ. К 315-ЛЕТИЮ ПЕРЕДАЧИ ДЕМИДОВЫМ НЕВЬЯНСКОГО ЗАВОДА

DEMIDOV AND URALS. TO THE 315TH ANNIVERSARY OF THE TRANSFER OF THE NEVYANSKY PLANT TO DEMIDOV

Первые представители династии Демидовых известны как российские промышленники, деятельность которых была направлена на изыскание рудных месторождений и строительство заводов в Туле и на Урале. Основателем этой династии является Никита Демидов (1656–1725), кузнец тульской оружейной слободы, при рождении носивший фамилию Антюфеев. Его отец Демид Климентьевич (по другим сведениям – Григорьевич) Антюфеев к моменту рождения Никиты жил в Туле, в Кузнецкой (Оружейной) слободе, образованной в 1595 году на правом берегу реки Упы указом царя Федора Ивановича [Мосин А.Г. Род Демидовых. Екатеринбург: Со-крат, 2012. 532 с.]

В течение 1694–1695 годов Никита Демидович строил в Туле на реке Тулице при впадении ее в реку Упу свой первый завод, где изготавливалось связанное и прутковое железо, чугунные котлы, бердыши, пушки и другие изделия [Юркин. И.Н. Тульский завод Демидовых. М.: Наука. 1996. 240 с.]. Демидовское железо широко использовалось в тульском оружейном производстве. На этом заводе Никита впервые испытал уральскую руду, отметив ее выдающееся качество. 1702 году Никита Демидов отправил челобитную в Сибирский приказ, информируя, что в Туле у него уже есть производство, но ввиду государственного запрета рубить дубовые леса мощности завода используются не в полную силу. Поэтому он просит отпустить его в Сибирь на Верхотурские железные заводы,

находившиеся на реке Нейве. Просьба Никиты не встретила возражения, последовал указ Петра I о передаче завода Невьянского новому владельцу для снабжения артиллерии военной продукцией. Так было положено начало промышленной деятельности Демидовых на Урале. Одним из самых важных вопросов в деятельности завода стал вопрос о кадрах. Демидовым были нужны лучшие мастера, знающие заводское дело. Поэтому часть мастеров Демидовы перевели со своего тульского завода.

В начале 20-х годов XVIII века на Невьянском заводе выпускалась в больших количествах военная продукция высокого качества по невысокой цене. Завод служил примером для других предприятий России того времени, изделия, производившиеся на нем, поступали в продажу в Санкт-Петербург, Москву, Нижний Новгород, а со временем в Европу и Америку. Выполнялись и государственные заказы. Демидовы уделяли внимание не только непосредственно производству, но и состоянию дорог, связывающих поселения, находившиеся в их ведении. Со временем начали появляться новые заводы. В 1720 году был построен Верхнетагильский завод, началось строительство Нижнетагильского завода. В 1722 году был пущен Выйский медеплавильный завод. В 1725 году, через месяц после смерти Никиты Демидова, был пущен Нижнетагильский доменный, молотовый и медеплавильный завод.

В Туле в 1712 году началось строительство казенного Оружейного завода. В Описании города [Тулы] 1775 года, присланном к московскому губернатору Ф.А. Остерману из Тульской провинциальной канцелярии в рапорте от 26 декабря 1775 года сказано: «Во время царя Алексея Михайловича открываться стала в тутошних местах богатая железная руда и учреждены разными промышленниками большие и малые железные заводы, что послужило Петру Великому основанием к учреждению в городе Туле в 1717 году этого главного оружейного завода, который чистотой работы иностранным лучшим заводам не уступает. Ныне оружейный завод доведен до совершенства во всяком роде, как механических машин, так и на оных деланием всякого военного орудия, включая литые пушки...» [Тула. Материалы для истории города XVI-XVIII столетий. М.: Типография М.Н. Лаврова и К°.1884. С. 239].

С 1702 года, более чем на два столетия, судьба Демидовых была связана с Уралом, где появились предприятия, положившие начало основанию новых городов: Невьянска, Нижнего Тагила, Касли, Кыштыма, Барнаула. Благодаря Демидовым были освоены огромные территории Урала, найдены месторождения железных руд, магнитного железняка, медных, серебряных, платиновых руд, ураль-

ских самоцветов. За свои заслуги Демидовы были возведены в дворянство. Многие достижения отечественной промышленности с XVII века были реализованы именно благодаря первым представителям династии. К концу XVIII века Демидовым принадлежало более 55 заводов. Старший сын Никиты, Акинфий, стал наиболее последовательным и выдающимся продолжателем дела отца, еще при его жизни принимая активное участие в управлении заводами [Юркин И.Н. Демидовы. Столетие побед. Тула: Молодая гвардия, 2012. 448 с.].

Потомки первых Демидовых – коммерсанты, дипломаты, писатели, ученые, юристы, военные, коллекционеры, меценаты и благотворители – уже не так активно принимали участие в жизни уральских заводов. В XIX веке важным событием в России, отразившимся и на деятельности заводов, стала отмена крепостного права. Так, 1861 год в связи с работой демидовских заводов нашел отражение в докладе Главной конторы о претворении в жизнь на Нижнетагильских заводах правительственного положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. Последующие годы были ознаменованы проблемами приготовления и поставки дров для Нижнетагильских заводов, решались вопросы о производственной мощи уральских заводов и о развитии их производительности в связи с предполагаемой постройкой Камско-Уральской железной дороги. К началу XX века многие заводы Демидовых были проданы [РГАДА. Ф. 1267. Оп. 9. Д. 6. Л. 5, 93].

Демидовыми было оказано влияние не только на современное им состояние российской промышленности, но и на последующее ее развитие. Девиз династии Демидовых, начертанный на их дворянском гербе, звучал: «ACTA NON VERBA» («НЕ СЛОВАМИ, А ДЕЛАМИ»). Они реализовали его в тех делах, которые совершали на благо России.

А.А. КИЛИЧЕНКОВ

Российский государственный гуманитарный университет

A.A. KILICHENKOV

Russian State University for the Humanities

КРАСНАЯ АРМИЯ В 1930-е гг.:

ВЫБОР ПРОТОТИПА ТАНКА БУДУЩЕЙ ВОЙНЫ

RED ARMY IN 1930's:

CHOOSING THE TANK PROTOTYPE FOR THE FUTURE WAR

Т-34 – знаменитый танк времен Великой Отечественной войны – уже давно стал не только символом Победы советского народа, но и достижений индустриализации 1930-х гг., без которой, как ныне принято считать, была бы невозможна и сама Победа 1945 года.

Советским конструкторам в конце 1930-х гг. удалось создать боевую машину будущего, прошедшую всю вторую мировую войну. И, кроме советской инженерной школы, подобного результата смогли достичь только германские конструкторы, запустившие в серию накануне войны средний танк Pz-IV, по совокупности характеристик наиболее близкий к «тридцатьчетверке». В действительности же, путь к Т-34 был извилист и противоречив. В статье предпринята попытка дать ответ на вопрос – почему командование РККА остановило свой выбор именно на конструкции американского инженера Уолтера Кристи, которая не была заимствована ни одной из армий великих держав, но стала основой для создания советского танка.

Прототип Кристи появился в Красной армии в результате поездки за рубеж особой комиссии во главе с начальником УММ РККА Иннокентием Халепским в декабре 1929 – июне 1930 гг. Комиссия приобрела 11 образцов автобронетехники, среди которых оказались два английских танка фирмы Виккерс (легкий шеститонный танк и средний танк весом 12 тонн), а также два шасси танка Дж. Уолтера Кристи «образца 1940 года» [См.: РГВА. Ф.31811. Оп.1.Д.3.ЛЛ.35-49].

Именно тогда, в 1930 году, впервые возникла ситуация выбора, и командованию РККА предстояло определить один из трех возможных вариантов развития среднего танка РККА – германский (Крупп-Рейнметалл), английский (Виккерс) или американский (Кристи). Современные исследователи, как правило, забывают о германской альтернативе, являвшейся первой в указанном ряду в силу политических и военно-технических обстоятельств. Советские специалисты получили возможность непосредственного изучения германского опыта создания танковых вооружений в рамках работы специальной советско-германской танковой школы в Казани (КАМА), действовавшей в 1927–1933 гг. За этот период в Казань было доставлено 10 т.н. «тракторов», представлявших собой образцы построенных в Германии танков [См.: Свирин М.Н. Броня крепка. История советского танка 1919–1937. М.: Яуза, Эксмо, 2005. С. 124]. Летом 1930 г. сотрудники УММ РККА подробно изучили один из танков фирмы «Рейнметалл», после чего И.А. Халепский предоставил замнаркома И.П. Уборевичу справку на основе подробной оценки танка: «...следует признать данный тип танка заслуживающим большого внимания как обладающий в целом ряде своих агрегатов большими конструкторскими достижениями. При условии устранения имеющихся недостатков... он может превратиться в исключительную по своим боевым качествам машину». [РГВА.Ф.31811.Оп.1.Д.38.Л.349.]

Перспектива обретения немецкого прототипа легкого танка дополнялась возможностью получить образец «танка-истребителя» (Tankjäger) фирмы Круппа. Это, действительно, был уникальный и очень важный для «танкизации» РККА шанс. Дело в том, что с самого начала создания танковых войск Красной армии ее руководство считало необходимым иметь в их составе самоходную артиллерию. Военные теоретики РККА очень рано и верно оценили важность артустановок на танковом шасси, способных сопровождать войска, в том числе и танковые подразделения, на поле боя.

И хотя у специалистов УММ характеристики Tankjäger'a вызвали сомнения, замнаркома И.П. Уборевич решил их в пользу предложения Круппа: «Нам тип истребителя нужно приобрести и развернуть работу у себя. Вопрос поставлен перед наркомом. Уборевич. 30.11.1930 г.» [Там же. Оп.3.Д.7.Л.12об.]. Идею закупки двух образцов «танка-истребителя» горячо поддержал и Иннокентий

Халепский: «В настоящее время мы не имеем абсолютно никакого конструкторского опыта в постройке такого типа машин... Последний, отличаясь соответствующей скоростью (примерно перекрывая скорость противника вдвое), будучи вооружен противотанковым оружием с большой начальной скоростью, может быть своевременно выброшен на участки фронта, подверженные танковой атаке...» [Там же. Л.9]

Возникла реальная перспектива вооружения советских танковых войск многообещающей самоходкой, что уже в ближайшем будущем могло решить задачи мобильной ПТО войск Красной армии.

И все же несомненным фаворитом в этом выборе был Виккерс. Все складывалось в пользу танков английской фирмы. Прежде всего, в распоряжении советских конструкторов и военных оказалась целая партия из 15 средних танков «Виккерс 12 тонн». Этого было вполне достаточно, и чтобы провести полноценные испытания в полевых условиях, и чтобы поставить танк в производство.

Проведенные испытания выявили целый ряд достоинств английской машины: большая проходимость, удачная конструкция мотора, трансмиссии и ходовой части, значительная скорость на местности (до 20 км/ч). Особенно были отмечены прочность и выносливость конструкции. [РГВА.Ф.33988.Оп.3а.Д.192.ЛЛ.294-295.]

Важнейшим обстоятельством в пользу возможного выбора «Виккерса 12 тонн» была уже состоявшаяся постройка в производство легкого 6-тонного танка той же фирмы. До появления «тридцатьчетверки» этот танк под индексом Т-26 был самым массовым в довоенный период. Всего на вооружение поступило более 12 тыс. машин нескольких модификаций. [См.: Отечественные бронированные машины. XX век. В 4 т. Т.1 / Солянкин А.Г., Павлов М.В., Павлов И.В., Желтов И.Г. М.: Экспринт, 2002. С.70-76].

И все же, несмотря на целый ряд очевидных преимуществ и многообещающие перспективы ни британский, ни германский прототипы не были приняты. 28 апреля 1931 г. замнаркома И.П. Уборевич, тот самый, что всего лишь пятью месяцами раньше безапелляционно требовал купить германский «танк-истребитель», лаконично сообщил начальнику УММ об отмене заказа Круппу в связи... с качествами Кристи. [РГВА.Ф.31811.Оп.3.Д.7.Л.17]

Что же произошло за это столь короткое время? В чем причины резкого охлаждения руководства Красной армии к уже почти «родному» Виккерсу и отказа от сотрудничества с германскими «друзьями» в создании перспективных самоходок и танков?

Танк Кристи ворвался в советскую программу вооружений со-

вершенно неожиданно. У него была масса недостатков и почти полное несоответствие советской программе танкизации. Более того, он в понимании советских специалистов вообще не был... танком! Кристи имел лишь одно, но очень важное преимущество – он оказался единственной колесно-гусеничной машиной, закупленной комиссией Халепского. А уже при составлении плана закупок за рубежом особое внимание уделялось приобретению именно колесно-гусеничных танков, с которыми связывалось будущее танковых войск РККА.

Танк Дж. Уолтера Кристи прямо очаровал советских специалистов. В аналитической записке «Моторизация в американской армии», подготовленной в УММ РККА в июне 1930 г. отмечалось: «Конструкция этого танка открывает новые области в моторизации, т.к. этот тип может быть применен не только как танк, но и как транспортная повозка для перевозки пехоты, пулеметов, снарядов, артиллерии и т.п., а также как броневедомость для моторизации конницы... Созданием этой машины американцы далеко шагнули по сравнению с Англией вперед в танковом строительстве. Машина Кристи, безусловно, принадлежит большое будущее». [Ф.31811.Оп.1.Д.107.Л.5]

В своем заключении специалисты УММ не ошиблись. Действительно, прототип Кристи ожидало большое будущее. Именно он стал основой для целой серии танков БТ (более 8000 единиц) и знаменитой «тридцатьчетверки».

В.В. КИЩЕНКО
ГУЗ «Родильный дом № 1», Тула
V.V. KISHCHENKO
«Maternity hospital № 1», Tula

К ВОПРОСУ О МАТЕРИАЛЕ ДРЕВОК СТРЕЛ ДРЕВНИХ КУЛЬТУР ЕВРАЗИИ

TO THE QUESTION ABOUT MATERIAL OF STAFF OF ARROWS OF ANCIENT CULTURES OF EURASIA

Одним из направлений современной археологической науки, активно развивающимся, вызывающим интерес не только среди специалистов-профессионалов, но и среди широких слоев любителей древностей, является археологическое оружиеведение. На определенном этапе развития человеческого общества военная организация начинает выступать в качестве важнейшей составляющей системы жизнеобеспечения. Понимание этого, с одной стороны, и развитие археологических исследований, с другой, привело к формированию особой области исследований в рамках археологической науки, которое получило обозначение военной археологии. Сегодня военная археология представляет собой весьма интересное и перспективное направление исследований.

В настоящей работе мы попытаемся осветить некоторые вопросы, связанные с древком – основной частью дистанционного оружия – стрел.

Разновременные этнографические свидетельства позволяют предполагать вероятность выявления этноспецифических черт в подборе древесных пород для изделий устойчивых типов. Однако необходимо считаться с возможностью абсолютизации результатов единичных этнографических наблюдений, так же как и со стереотипизацией соответствующих эпических данных. Заключение о преобладании древков одной породы, сделанные по археологическим источникам, часто не сопровождаются какими-либо количественными указаниями. Они могут носить только предварительный характер ввиду случайности выборок, обусловленной главным образом сохранностью материала. Наряду с неверными определениями археологической древесины, выполненными по макропри-

знакам, в литературе встречаются терминологические и иные, досадного характера ошибки.

Но это не опровергает возможности выявления закономерностей в использовании определенных пород деревьев для изготовления древков стрел. Речь идет только о неполноте данных, к тому же трудно сопоставимых.

При современном состоянии источников наиболее плодотворными могут стать с точки зрения этноботаники сопоставления материалов небольшого района с последующим расширением географических и временных границ.

Так по материалам нескольких сотен определений можно перераспределить места отдельных древесных пород по их удельному весу в общей массе древков стрел скифского времени – береза, липа, тополь, ясень. [Семенов А. И. Ксилотомическое исследование древесных остатков из кургана Чертомлык. Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык — К.: Наукова думка, 1991. С.406].

Заметное преобладание древков из березы оказывается устойчивым для большинства колчанов скифского времени, причем даже на территориях, не захватываемых в настоящее время ареалом ее распространения.

И если с древесными древками стрел все достаточно ясно, то с тростником есть ряд вопросов. Это связано с тем, что камышом часто ошибочно называют другие растения, в частности, рогоз и тростник, хотя это растения из разных семейств. Но только тростник сочетает в себе легкость, достаточную жесткость, эластичность и пустотелость стебля с междоузлиями, как у бамбука (который тоже относится к семейству Злаки).

Путаница вызвана еще на наш взгляд тем, что в тюркских языках «камыш» означает «тростник» и – переводами, в частности, работ Геродота.

На древнем Востоке и позже тростник считался лучшим материалом для изготовления стрел [Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Том 2. Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М., Восточная литература, 2001. С.116].

Вне всякого сомнения, выбор материала древка стрелы в первую очередь отражает существовавшую сырьевую базу. И здесь необходимо учитывать работы по палеоботанике.

По-видимому, нужно учитывать и традиции духовной культуры, представления культового, ритуального характера.

И.О. КЛАДОВ
Тульский государственный музей оружия

I.O. KLADOV
Tula State Arms Museum

**ОСНАЩЕНИЕ ТУЛЬСКОГО ОРУЖЕЙНОГО ЗАВОДА
НЕФТЯНЫМИ ДВИГАТЕЛЯМИ ДИЗЕЛЯ**
**EQUIPMENT OF THE TULA ARMS PLANT WITH DIESEL'S
OIL ENGINES**

Механический завод Людвига Нобеля в конце XIX века считался одним из ведущих производителей паровых двигателей, котлов, насосов. Как любое предприятие, нацеленное на развитие, завод Нобеля внимательно следил за перспективными новинками индустрии. Как только руководство завода узнало об изобретении Дизеля, то направило комиссию на осмотр экспериментального двигателя.

14 февраля 1898 года произошла встреча Р. Дизеля с Эммануилом Нобелем, главой самой могущественной в России нефтяной компании «Бранобель», племянником знаменитого изобретателя динамита. Через два дня стороны подписывают контракт стоимостью 800 000 марок о производстве двигателей Дизеля в России, причем 200 000 марок из этой суммы выплачивалось обществу Russische Dieselmotor Co из Нюрнберга. («Русское общество моторов Дизеля» (РОМД) было основано в 1898 году и контролировало использование всех патентов, выданных в России и Финляндии на производство двигателей внутреннего сгорания).

Соглашение разрешало Нобелям построить завод дизельных двигателей в Санкт-Петербурге и использовать двигатели для оснащения ими собственной флотилии нефтяных танкеров.

При производстве первого опытного экземпляра на заводе Нобеля в СПб начались сложности. Конструкцию двигателя пришлось изменить. Так или иначе, в 1899 году двигатель был собран, имел один цилиндр диаметром 260 мм, частоту вращения 200 об/мин, мощность 20 л.с. Работал двигатель на нефти.

Людвиг Нобель приступил к серийному выпуску дизелей в 1900 г. Всего к завершению 1910 г. было сделано 450 машин. Были модификации одноцилиндровые от 10 до 125 л.с. и двухцилиндровые – от 30 до 250 л.с. Стоимость двигателей была установлена от 3000 рублей за 10-сильный до 42000 рублей за 250-сильный. [См.: Русский техник. Журнал индустриальной истории <http://www.leanok.ru/2016/03/diesel-in-russia.html>]

26 ноября 1901 года в Тулу командирован инженер-механик Главного Артиллерийского Управления генерал-лейтенант Тахтарев для ознакомления на месте с состоянием заводских гидротехнических сооружений и подробного выяснения вопроса о целесообразности и выгоды для казны уничтожения заводской запруды на реке Упе и замены существующих в заводе водяных двигателей паровыми.

Замена существовавших в Тульском оружейном заводе вододействующих систем нефтяными двигателями Дизеля расценивается, безусловно, целесообразной и выгодной для казны.

С утра 19 февраля 1902 года был начат спуск воды заводского пруда.

Рапорт от 30 мая 1902 года показывает нам расчёты стоимости и установки паровых машин. На приобретение и установку требовалось:

- 1) На приобретение паровых машин в 440 сил – 60000 р.
 - Генератор – 6460 р.
 - 2 котла – 25000 р.
 - 2) На устройство крыши над внутреннем двором для установки машин – 4500 р.
 - 3) На устройство фундаментов, пола и приводов – 9000 р.
 - 4) На устройство перемычки в отводном русле – 2200 р.
 - 5) На непредвиденные расходы – 8000 р.
- Итого: 115160 р.

На установку 3 нефтяных двигателей Дизеля и другие работы потребуются следующие расходы:

- 1) 3 нефтяных двигателей Дизеля по 140 сил – 89000 р.
- 2) На устройства нефтепровода к двигателям, ременной передачи и разборку 3 турбин – 6281 р. Разбор плотины понизил уровень реки на 13 футов. Глубина водопровода стала всего около 1,5 аршина.
- 3) На устройство водопровода для питания паровых котлов и холодильников 200 и 250 сильных паровых машин – 2453 р.
- 4) На переделку временной перемычки в постоянную, устройство фундамента и другие работы – 15000 р.

5) На прокладку труб от городского водопровода по казённым офицерским квартирам – 3135 р.

«Потребность в устройстве такого водопровода вызывается тем, что уничтожением в заводе вододействия и с разборкой плотины водоснабжение завода и офицерских квартир производится из вновь устроенной за заводом запруды, которая, вследствие спуска в неё по сточным трубам, выведенным со всего завода, грязной воды из палильных и других баков, щёлока из-под станков, а также воды из холодильников и конденсационных горшков, сильно загрязняется, поэтому непригодна для домашнего употребления.

Итого: 115870 р.

Установка Дизельных двигателей давала экономию в год 5824 р.

Первый двигатель по заявлениям Людвиг Нобеля будет готов через 8 месяцев, второй через 10 месяцев и третий через 12 месяцев.

Согласно рапорту Механической мастерской от 18 декабря 1904 года, в инвентарь мастерской поступило 3 двигателей Дизеля по 150 сил каждый. [ГАТО. Ф. 187. Оп. 2. Д. 62].

А.М. КОЛОКОЛОВ

Государственный военно-исторический
и природный музей-заповедник «Куликово поле»

A.M. KOLOKOLOV

The State museum of military history and natural preservethe
“Kulikovo polye”

СЕРИЯ ОРУЖЕЙНЫХ КРЕМНЕВЫХ МИКРОЛИТОВ ИЗ РАСКОПОК В ИСТОРИЧЕСКОМ ЦЕНТРЕ Г. ТУЛА

A SERIES OF GUN FLINT MICROLITHS FROM ARCHEOLOGICAL RESEARCH IN THE HISTORICAL CENTER OF TULA CITY

Серии ружейных кремней присутствуют в культурных слоях практически всех крепостей XVI—XVIII вв. Восточной Европы [Колесник А. ., Голубева И.В. Ружейные кремневые микролиты-вкладыши в археологических комплексах XVI—XVIII вв. в среднем течении Северского Донца.// «ДРЕВНОСТИ». 2010. С. 236]. В «Переписной книге оружия московских стрелецких указов» первой трети XVII в. упоминается текущий арсенальный запас в 16 тыс. кремней к замочным ружьям [Марголин С.А. Вооружение стрелецкого войска//Тр. ГАИМ, XX, М., 1941. С. 88]. О поставке «пищального доброго кремня пятьсот тысяч...» говорится в указе царя Алексея Михайловича от 1649 года [Кобяков Ю.А., Ракитин А.С. Государственный оборонный заказ в XVII веке// Журнал «Национальная оборона» №12. 2011] В ведомости припасом артиллерийского управления 1720 года идет речь о заготовке «кремня фузейного по 70 ко. 1000 русской бойки, немецкой бойки по 1 ру. По 40 ко. 1000.» [Материалы для истории артиллерийского управления въ Россіи (1701–1720 г.). СПб. 1876. С. 431].

В 1988 годы сотрудниками тульского областного краеведческого музея было продолжено археологическое изучение кремля г. Тулы. Шурф площадью 16 м кв.м. был заложен между северной стеной кремля и Богоявленским собором. В 1988–1989 при раскопках на территории Кремля было обнаружено 24 кремневых сечения пластин с мелкой ретушью на боковых гранях [Наумов А.Н. Отчет об археологических исследованиях на территории кремля г. Тулы в

1988 г. Тула. 1989]. Находки были обнаружены при переборки Находки были обнаружены вследствие переборки грунта из перекопа, пересекающего площадь шурфа с северо-запада на юго-восток. Материал датирован эпохой бронзы [Наумова Т. В. Местонахождения эпохи камня и бронзы на Территории Тулы//Тула историческая. Прошлое и настоящее. Тула. 1996. С.12-13]. При повторном изучении данных находок в 2017 году, 19 из них были атрибутированы как оружейные кремневые микролиты. Коллекция хранится в фондах ГУК Историко-краеведческий и художественный музей¹.

Большая часть кремневых микролитов принадлежат к одному типу: Тип 1, подтип а – геометрические трапециевидные микролиты с плоской прижимной площадкой в вентральной части. 3 экземпляра принадлежат к типу 1, Подтип в – геометрические микролиты подпрямоугольной формы с поперечным ребром в вентральной части [Колоколов А.М. Находки ружейных кремней и свинцовых оправ в историческом центре г. Тулы// Город средневековья и раннего нового времени III(VI). В печати]. Высокая степень стандартизации говорит в пользу того, что они были изготовлены в одной мастерской и по одному шаблону. Аналогичные по форме экземпляры хранятся в фондах Артиллерийского Исторического музея в Санкт Петербурге [Мышковский Е.В. Замки русского огнестрельного оружия XVI–XVII вв.//Советская археология, 1965 г., №4. С.197, рис.11], а так же в большом количестве представлены среди материалов исследований «казачьих крепостей» верхнего течения Северского Донца. Аналогичные серии ружейных кремней происходят из русских военных лагерей XVIII в. в Крыму [Колесник А. В., Яковец М.Ю., Климова К.И. Комплексы ружейных кремней XVIII-XIX вв. из Крыма.//Поволжская археология. №4(18). 2016].

Все микролиты изготовлены из темно-коричневого кремня высокого качества. Ближайшие месторождения подобного кремня известны на берегах Оки. Размер изделий следующий; 10 изделий имеют длину 2.8–3.2 см., ширину 2.5–3 см.; 9 изделий имеют длину 2–2.3 см., ширину 2.7-3.2 м. Толщина изделий варьируется от 4 до 10 мм. Исходя из размера, первая группа может быть условно отнесена к ружейным кремням, вторая – к пистольным [Суханов И., Хабурзания М. Кремень как средство воспламенения порохового заряда оружия// Ружьё. 2000. № 4. С. 61-63]. Кремни не носят следов использования: на гранях (в ударной части) отсутствует харак-

¹ Фонды ГУК Историко-краеведческий и художественный музей. Коллекция №10783. Выражаю благодарность Наумову А.Н. и Екимову Ю.Г. за предоставленные материалы.

терная забитость, возникающая вследствие многократных ударов кремня о металлическое кресало. Кроме того, на их поверхности не выявлено следов порохового нагара, характерного для изделия, использованного для стрельбы [Галимова М.Ш. Экспериментально-трасологические критерии дифференциации кремневых скребков и оружейных кремней//Методы изучения каменных артефактов. Материалы международной конференции. Санкт-Петербург, 2015 г. С.209-212].

Несмотря на характер залегания в слое перекопа, данный комплекс находок можно предположительно интерпретировать как единовременное скопление. В пользу этого говорят однотипность находок, отсутствие следов использования, а так же относительная кучность залегания. Вероятно, до разрушения перекопом, находки находились в упаковке, представляющей собой матерчатый или кожаный мешочек, истлевший впоследствии («кулек с кремнем за печатью» [Марголин С. А. Вооружение стрелецкого войска//Тр. ГАИМ, XX, М., 1941. С.88]).

В Туле скопление кремней аналогичных типов было обнаружено в ходе исследований 1996 г. по улице Революции д.3. [Наумов А.Н. Отчет об исследованиях в г. Туле и на Куликовом поле в 1996 г. Тула. 1997 г.]. В слоях конца XVII – первой половины XVIII века было обнаружено 8 кремней трапециевидной формы относящихся к типу 1, подтипу а [Колоколов А.М. Находки ружейных кремней и свинцовых оправ в историческом центре г. Тулы// Город средневековья и раннего нового времени III(VI). В печати]. Данные кремни изготовлены из черного и темно-коричневого кремня высокого качества и так же не носят следов использования. При раскопках в 2014 г., на участке, непосредственно примыкавшем к участку исследований 1996 года, был обнаружен большой торговый квартал [Бурцев И.Г. Отчет об археологических исследованиях на пересечении ул. Революции и ул. Энгельса Советского района г. Тулы в 2014 году. В печати]. Вероятно, данные находки связаны с торговой деятельностью обитателей данного квартала, которые осуществляли посреднические функции при поставке ружейного кремня в город.

Кроме того, в кремле известны находки ружейного кремня совсем иного характера – из местного валунного кремня, выполненного в другой, более грубой манере. Они, в отличие от кремней привозных имеют следы активного использования [Екимов Ю.Г. Предметы вооружения из культурного слоя раскопа на улице Спортивной в исторической части Тулы.//Город средневековья и раннего нового времени II(V). Тула. 2013. С. 311–323.; Екимов Ю.Г.

Археологические исследования на территории Тульского кремля в 1999–2000 гг. // Позднесредневековый город: археология и история. Тула, 2007. С. 66–131]. Почти все они принадлежат к типу I, подтипу б – аморфные микролиты, с плоской площадкой в вентральной части [Колоколов А.М. Находки ружейных кремней и свинцовых оправ в историческом центре г. Тулы// Город средневековья и раннего нового времени III(VI). В печати.]. Скопление подобных кремней обнаружены при раскопках на улице Спортивной д. 15, вместе с прочими деталями оружейного замка [Наумова Т.В. Отчет о результатах новостроечных археологических исследований на территории г. Тулы в 2008 г. (Центральный район, ул. Спортивная, д. 15). Тула, 2009]. Единичные находки подобных кремней встречаются в разных частях исторического центра в слоях и комплексах XVI—XVIII вв. Есть предположение, что ружейные кремни изготовленные их местного валунного кремня носят кустарный характер и являются частью прибора гражданского охотничьего оружия, в отличие от типовых кремней из привозного материала, носящих военный характер.

Выпадение находок оружейных кремневых микролитов в слой, возможно связать с пожаром 1696 года в Тульском кремле, который привел к практически полному запустению территории кремля уже к 1726 году [Тула. Материалы к истории города XVI – XVIII столетий. М., 1884].

С.Ю. КОНДРАТЕНКО
ГБУК г. Москвы «Центральная универсальная научная
библиотека имени Н.А. Некрасова»

S.Y. KONDRATENKO
The Moscow State University Library «The central universal Scientific
library of N.A. Nekrasov»

Артиллерия Советской Армии в первые послевоенные годы (1945–1953 гг.)

ARTILLERY OF THE SOVIET ARMY IN THE EARLY POSTWAR YEARS (1945–1953)

В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. советская артиллерия сыграла одну из важнейших ролей в разгроме фашистской Германии. Не менее важное место отводилось артиллерии и в обеспечении обороноспособности Советского Союза в первые послевоенные годы.

Непосредственное управление, обучение, воспитание и обеспечение боевой, оперативно-тактической и специальной подготовки командного и личного состава артиллерии, разработкой планов развития и усовершенствования всей артиллерии, а также обеспечения ее необходимым вооружением и боевой техникой было возложено на Командующего артиллерией Вооруженных сил СССР. Для реализации поставленных задач командующему подчинялись следующие органы управления: Штаб артиллерии, Главное артиллерийское управление, Управление боевой подготовки, Управление артиллерийских военно-учебных заведений и Управление кадров.

Кроме того, командующий артиллерией отвечал за разработку плана противовоздушной обороны страны и осуществление мероприятий по подготовке территории Союза ССР к противовоздушной обороне. В связи с этим ему был подчинен командующий войсками ПВО страны.

Под руководством Командующего артиллерией маршала артиллерии Н.Н. Воронова были подготовлены планы перевода артиллерии на штаты мирного времени и артиллерийского вооружения Советской Армии, к реализации которых приступили после завершения демобилизации личного состава действующей армии.

После окончания Великой Отечественной войны артиллерия Советской Армии претерпела существенные изменения. Количество артиллерийских частей возросло за счет создания дополнительных соединений в стрелковых корпусах и дивизиях. Каждый из сохранившихся стрелковых корпусов получил в распоряжение корпусную артиллерийскую бригаду в составе пушечного и гаубичного артполков (они создавались, в том числе и путем переформирования из противотанковых), а также разведывательного артиллерийского дивизиона. Кроме того, в состав каждого из корпусов вошел гвардейский минометный полк и зенитный артдивизион (затем полк). Стрелковые дивизии усиливались минометным и гаубичным полком, а существовавший артиллерийский полк стал именоваться пушечным. Все эти полки сводились в артиллерийскую бригаду. Кроме того, каждая из дивизий получила в распоряжение еще 2 отдельных артдивизиона – зенитный и самоходный.

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. был расформирован целый ряд артиллерийских соединений и частей. Так, прекратили существование большинство управлений артиллерийских корпусов, целый ряд дивизий и бригад. Уменьшилось и количество полков, в основном за счет их укрупнения. При этом около 70 % частей осталось (особенно зенитно-артиллерийских), а часть отдельных бригад и полков свели или преобразовали в дивизии. Так, к 1948 г. из отдельных полков и бригад было дополнительно сформировано 11 пушечных дивизий. В составе артиллерийских дивизий также произошли изменения – уменьшилось количество бригад и полков, изменился штат управления дивизии. Так, зенитно-артиллерийские дивизии были переведены с четырехполкового состава на трехполковой. Многие из соединений сменили номера и отчасти состав.

Таким образом, в первые послевоенные годы деятельность Командующего артиллерией была направлена на совершенствование организационно-штатной структуры артиллерийских подразделений, что вылилось в их разукрупнение, а также принятие на вооружение новейших артиллерийских систем, средств связи и разнообразных транспортных средств, что способствовало повышению мобильности и огневой мощи артиллерийских соединений сухопутных войск.

Н.П. КОРНЕЕВА, Ю.С. ЕСКИНА, С.П. КОРНЕЕВ
Тулский государственный университет

N.P. KORNEYEVA, YU.S. YESKINA, S.P. KORNEYEV
Tula State University

**НЕКОТОРЫЕ КОНСТРУКТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
«ПИСТОЛЕТА ГРАЖДАНСКОГО ТИПА»
(ДИПЛОМНЫЙ ПРОЕКТ И.Я. СТЕЧКИНА)
CONSTRUCTIVE FEATURES OF “CIVILIAN PISTOL”
(I.YA. STECHKIN’S GRADUATE WORK)**

В собрании кафедры «Стрелково-пушечное вооружение» имеется много интересных в историческом и конструктивном аспектах образцов оружия. Особое место среди них занимает карманный «Пистолет гражданского типа», сконструированный и собственноручно изготовленный И.Я. Стечкиным в ходе выполнения дипломного проекта. И если история о том, как Игорь Яковлевич на защите своего проекта успешно продемонстрировал свое изделие в работе, произведя холостые выстрелы [Тулская кузница оружейников (1937–2007 гг.) / Сост. Белов А.Г., Смирнов Ю.П.; под ред. Баранова В.Л. – Тула, Изд-во ТулГУ, 2007], достаточно хорошо известна, то, к большому сожалению, этого нельзя сказать о самом «Пистолете гражданского типа».

Авторы статьи изучили сохранившийся в собрании кафедры «Стрелково-пушечное вооружение» пистолет, собственноручно изготовленный И.Я. Стечкиным, и составили краткое описание его конструктивных особенностей [Корнеев С.П., Ескина Ю.С. Дипломный проект И.Я. Стечкина – начало творческого пути великого оружейника // История. Историки. Источники. – 2017. – №1; URL: history2014.esrae.ru/13-122]. В настоящее время авторы работают над полным описанием конструкции «Пистолета гражданского типа», со схемами, чертежами и трёхмерными моделями всех его исполнительных механизмов, что позволит максимально полно и наглядно продемонстрировать особенности функционирования данного изделия.

«Пистолет гражданского типа» представляет собой оружие, основанное на принципе *отдачи свободного затвора*. Стрельба из

пистолета производится только холостыми патронами калибра .32 Auto (7,65x17 мм). Для обеспечения требуемой энергетике подвижных частей и безотказной работы автоматики при использовании холостых патронов, не имеющих пули, в *канале ствола* выполнена *форсунка* диаметром 2,2 мм. Наличие форсунки малого диаметра позволяет создать в канале ствола давление, необходимое для надежного срабатывания автоматики при выстреле холостым патроном, не имеющим пули [Там же. С. 35].

Запирание канала ствола в момент выстрела производится массой свободного затвора, который составляет одно целое с кожухом ствола (классический вариант схемы Браунинга). *Кожух-затвор* поджат возвратной пружиной, которая надевается на ствол и одним концом опирается в выступ рамки, а другим – в переднюю перемычку кожуха-затвора. В задней части кожуха-затвора смонтированы детали ударно-спускового механизма и предохранитель от случайного выстрела. В средней части кожуха-затвора выполнено гильзоотводное окно. На верхней плоскости кожуха-затвора расположены *прицельные приспособления*: мушка, выполненная зацело с кожухом-затвором, и целик, имеющий возможность перемещения в поперечном направлении при приведении оружия к нормальному бою. Длина прицельной линии составляет 135 мм; вдоль прицельной линии выполнена насечка, позволяющая избежать мешающих прицеливанию бликов [Там же. С. 37].

Подача патронов осуществляется из *отделяемого коробчатого магазина* емкостью 8 патронов, который практически идентичен магазину итальянского пистолета «Beretta» M1935 [Там же. С. 37].

Досылание патрона прямое. При накате затвора его выступ-досылатель подхватывает верхний патрон в магазине. На начальном этапе досылания движение патрона *направляется* загибами магазина. Движущийся вперед патрон своим носиком взаимодействует с направляющим вырезом рамки и эллипсовидным вырезом в задней части ствола, за счет чего носик патрона приподнимается под требуемым углом и направляется в устье патронника. Путь, проходимый патроном при досылании, весьма невелик, что упрощает досылание. Но холостой патрон (не имеющий пули и вследствие этого более короткий по сравнению с однотипным боевым) досылается под значительным углом к оси канала ствола, вследствие чего И.Я. Стечкину пришлось предусмотреть систему профилей достаточно сложной формы для обеспечения четкой направленности движения патрона при досылании [Там же. С. 37-38].

Извлечение стреляной гильзы либо осечного патрона производится подпружиненным выбрасывателем, который смонтирован с правой стороны кожуха-затвора [Там же. С. 39].

Отражение стреляной гильзы либо осечного патрона производится отражающим выступом, который выполнен на левом загибе магазина. При откате затвора гильза удерживается выбрасывателем до момента встречи с отражателем, который наносит удар по левой нижней стороне донца гильзы, чем и отражает ее вправо-вверх, в гильзоотводное окно кожуха-затвора. Отражатель, изготовленный как одно целое с отделяемым магазином, представляется достаточно нетипичным конструктивным решением [Там же. С. 39-40].

Ударно-спусковой механизм – куркового типа, самовзводный, допускает только одиночную стрельбу. Особенностью данной конструкции является то, что курок смонтирован не на неподвижной рамке, а в задней части кожуха-затвора; по всей вероятности, с целью упростить изготовление рамки пистолета. **Предохранитель от случайного выстрела** – флажкового типа (флажок утрачен), при включении блокирует спуск либо взведение курка [Там же. С.40].

По израсходовании патронов кожух-затвор стопорится в заднем положении **затворной задержкой**. В «Пистолете гражданского типа» затвор освобождается с затворной задержки автоматически при вставлении полного магазина взамен израсходованного. Это позволяет несколько повысить практическую скорострельность оружия за счет того, что отпадает отдельная операция «сброса» кожуха-затвора с задержки – это немаловажно в условиях применения данного образца как оружия самообороны, на коротких дистанциях [Там же. С. 40-41].

«Пистолет гражданского типа», сконструированный И.Я. Стечкиным в ходе выполнения дипломного проекта, весьма оригинален по конструкции. Некоторые решения, воплощенные в данном образце, насколько это известно авторам, не имеют аналогов среди серийных изделий.

С.П. КОРНЕЕВ, Ю.С. ЕСКИНА, А.Н. ФУФАЕВ
Тулский государственный университет

S.P. KORNEYEV, YU.S. YESKINA, A.N. FUFAYEV
Tula State University

ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУКЦИИ МАГАЗИННОЙ ВИНТОВКИ СИСТЕМЫ ШПИТАЛЬСКОГО CONSTRUCTIVE FEATURES OF SPITALSKY REPEATING RIFLE

В собрании кафедры «Стрелково-пушечное вооружение» имеются и весьма редкие образцы оружия, не пошедшие по каким-либо причинам в массовое производство. Одним из таких образцов является магазинная винтовка, изготовленная в 1883 году в Австро-Венгрии, в городе Штейр.

Идентификация винтовки была произведена по патенту №22362, который был выдан Имперским патентным управлением Германии некоему Антону Шпитальскому из города Штейр в Австрии [Kaiserliches Patentamt. Patentschrift № 22362, Klasse 72, Schusswaffen und Geschosse. Anton Spitalsky in Steyr (Oesterreich). Neuerungen an dem in der Patentschrift No.4394 beschriebenen Repetiergewehr. Patentiert im Deutschen Reiche vom 29.Juni 1882 ab. Ausgegeben den 30.Mai 1883].

Винтовка изготовлена в Штейре в 1883 году (на левой стенке ствольной коробки выбито клеймо на французском языке: «*Manufacture d'armes Steyr 1883*»). Серийный номер изделия 14; он выбит на многих деталях винтовки (на стволе, ствольной коробке, деталях затвора и прибора, даже на ложевых винтах).

Конструктивно, **винтовка Шпитальского** представляет собой снабженную магазином французскую винтовку «Гра» Модель 1874 («*Gras*» Mle 1874). **Калибр** винтовки Шпитальского 11 мм, для стрельбы используются французские патроны «*Gras*» 11x59R мм, снаряженные дымным порохом.

Магазин барабанного типа на 9 патронов; барабан приводится в действие затвором при помощи храпового механизма. При оттягивании затвора назад за рукоятку перезаряжания, выступ в нижней части затвора надавливает на заднее плечо рычага подачи. Рычаг подачи совершает рабочий ход, при этом расположенная в

передней части рычага собачка осуществляет поворот барабана; очередной патрон подается на линию досылания. При повороте затвора для запираения канала ствола, выступ на боковой поверхности стебля нажимает на переднее плечо рычага подачи, вследствие чего рычаг совершает холостой ход, а собачка зацепляет следующий зуб храпового колеса барабана.

В передней стенке магазина имеются остатки буферных вставок, выполненных из натурального каучука. Вероятное предназначение этих вставок — уберечь от деформаций при сотрясениях оружия мягкие свинцовые пули, упирающиеся в переднюю стенку магазина.

Затвор винтовки Шпитальского продольно-скользящий, с поворотом при запираении. Затвор винтовки Шпитальского конструктивно аналогичен затвору Гра, но имеет существенные отличия в форме и размерах практически всех деталей, связанные с адаптацией винтовки под магазинное питание. Например, *стебель затвора* винтовки Шпитальского заметно длиннее (120 мм против 88 мм у Гра); отличается форма коленчатого паза; на боковой поверхности стебля выполнены выступы, управляющие холостым и рабочим ходом рычага подачи.

Любопытно отметить, что рассмотренная нами винтовка Шпитальского 1883 года представляет собой «обновление» системы, описанной в более раннем патенте №4394, который был выдан в 1878 году заводу «*Österreichische Waffenfabriks-Gesellschaft*» [Kaiserliches Patentamt. Patentschrift № 4394, Klasse 72, Schusswaffen und Geschosse. Österreichische Waffenfabriks-Gesellschaft in Steyr. Repetiergewehr. Patentiert im Deutschen Reiche vom 22.März 1878 ab].

Основным отличием рассмотренного изделия от винтовки, представленной в более раннем патенте №4394, является наличие **флажка-выключателя** магазина на боевой личинке затвора. Флажок выключателя имеет два положения. Если флажок повернут влево в положение «R» («*Repetition*»), магазинный режим, то затвор откатывается назад на всю длину хода и приводит в действие механизм подачи. Если флажок повернут вправо, то откат затвора ограничивается выступом флажка, который упирается в выступ правой стенки ствольной коробки. Затвор при этом не доходит до крайнего заднего положения 7..8 мм и не приводит в действие механизм подачи – винтовка функционирует в однозарядном режиме.

Каучуковые буферные вставки в передней стенке магазина также отсутствуют в патенте №4394.

В патенте №22362 обозначен **предохранительный механизм** от случайного выстрела в виде подпружиненной защелки в верхней

части курка, но на описываемом изделии его не имеется (предохранитель этот отсутствует и в патенте №4394).

На винтовке Шпитальского имеется **предохранительный взвод курка**. Как у винтовок Гра и Гра-Кропачека, постановка курка с предохранительного взвода на боевой требует значительных физических усилий от стрелка, что затрудняет быстрое открытие огня.

Спусковой механизм без предупреждения, в целом аналогичный таковому у винтовки Гра, но форма пружинной части шептала сильно изменена, чтобы можно было вписать рычаг привода барабана.

Прицел рамочный, аналогичный таковому у винтовок Гра и Гра-Кропачека, причем пользование постоянным прицелом невозможно, так как прорезь постоянного прицела практически перекрыта гребнем курка.

Исследованная нами винтовка, по всей вероятности, явилась прямым конкурентом винтовки системы «Гра-Кропачек» («*Gras-Kropatschek*» Mle 1884), которая также была сконструирована в Австро-Венгрии на заводе «*Österreichische Waffenfabriks-Gesellschaft*» и принята на вооружение французской армии.

С точки зрения конструкции винтовку Шпитальского стоит оценивать выше винтовки Гра-Кропачека. Барабанный магазин Шпитальского проще в снаряжении и не изменяет балансировку винтовки по мере расходования патронов, чем выгодно отличается от трубчатого подствольного магазина Кропачека. Выключатель магазина винтовки Шпитальского более удачен по конструкции и удобен в действии по сравнению с конструкцией Кропачека. Наличие (согласно патенту) предохранителя от случайного выстрела заметно повышает безопасность обращения с оружием по сравнению с винтовками Гра и Гра-Кропачека, которые предохранителя от случайного выстрела не имели вовсе.

Но переделка однозарядных винтовок Гра в магазинные по системе Шпитальского была гораздо более сложной и трудоемкой по сравнению с системой Кропачека. Так, ствольную коробку требовалось изготавливать заново; весьма серьезным изменениям подверглись также детали затвора и спускового механизма.

Эти обстоятельства, по всей видимости, и решили судьбу винтовки Шпитальского – на вооружение французской армии была принята система Гра-Кропачека, более простая в изготовлении по сравнению с системой Шпитальского, хоть и несколько уступавшая последней в конструктивном плане.

И.В. КРАМАРЕВА

ГБУК Самарский областной историко-краеведческий музей
им. П.В. Алабина

I.V. KRAMAREVA

Samara Museum of History and Regional Studies named after
P.V. Alabin

**ДУЭЛЬНЫЕ ГАРНИТУРЫ В КОЛЛЕКЦИИ ОРУЖИЯ
САМАРСКОГО ОБЛАСТНОГО ИСТОРИКО-
КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ ИМ. П.В. АЛАБИНА»:
ИЗ ИСТОРИИ АТРИБУЦИИ**

**DUELING HEADSET IN THE COLLECTION OF WEAPONS
SAMARA MUSEUM OF HISTORY AND REGIONAL STUDIES
NAMED AFTER P.V. ALABIN: FROM THE HISTORY OF
ATTRIBUTION**

Коллекция оружия является одной из старейших в собрании Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина. Начала формироваться с основания музея в 1886 г. Большую роль в ее комплектовании сыграли П.В. Алабин, К.П. Головкин и другие меценаты, члены Самарского археологического общества (1916-1919 гг.) и Самарского Общества Археологии, истории, этнографии и естествознания при Самарском университете (1919-1929 гг.).

Коллекция насчитывает более 1100 единиц хранения, в том числе 700 образцов огнестрельного оружия различных эпох (XVIII–XX в.), стран (Россия, Германия, Великобритания, Франция, Бельгия, США, Северная Африка, Кавказ, Турция и др.) и национальных оружейных школ. [История комплектования коллекции оружия СОИКМ им. П.В. Алабина/ А.И. Ратнер //Самарский край в истории России. Вып.5. Самара, 2015. С. 303-308].

Среди них только два набора дуэльных пистолетов, имеющих интересную историю бытования и поступления в музейное собрание. Атрибуция данных предметов началась со старой газетной заметки. «В один из январских дней слесарь Н.Г. Васин, ремонтируя водопровод на улице Фрунзе, дом 104, разобрал пол лестничной клетки на втором этаже. И вдруг он наткнулся на груды старого хлама. В огромной коробке, давным-давно обветшавшей, оказал-

ся... оружейный клад. Сбежались недоумевающие жильцы. Они прожили здесь долгое время и, разумеется, не подозревали, что рядом с ними такая богатая коллекция. В ней свыше десятка видов старинного оружия и много других любопытных предметов. Большой интерес представляет комплект дуэльных пистолетов конца XVIII века. Им более чем 200 лет, а выглядят они, как новенькие. А вот капсюльные пистолеты со всеми принадлежностями к ним, ядра пистолетные, пистолеты фирмы «Беккер». Есть и пистолеты более ранних времён – кремневые, которыми пользовались еще в XVII веке. Очень интересные сабли с восточным орнаментом, мечи, кольчуга русского воина и другие вещи. Многие предметы отделаны резьбой по дереву, позолочены, инкрустированы. Чувствуется, что сделаны они искусной рукой больших мастеров». [Разник В., Трубина Н. Загадочный клад // Волжская Коммуна. 9 февраля 1964. №34. С. 4]. Все предметы были завёрнуты в самарские газеты периода первых дней советской власти. Сотрудник Самарского районного отдела охраны общественного порядка должен был передать клад в краеведческий музей, но никаких документов и записей о передаче не обнаружено.

В коллекции музея выявлено два набора дуэльных пистолетов. Оба гарнитура с капсюльными пистолетами. Один выполнен немецким королевским оружейным мастером и гравёром Адамом Кюхенрейтером (1821–1898 гг.) в середине XIX в. Адам Кюхенрейтер принадлежал к известной оружейной династии. Работал вместе с отцом в Германии в г. Регенсбург (Бавария). В 1869 г. возглавил оружейную мастерскую. Пистолеты гладкоствольные, снаружи ствол восьмигранный, курок в виде рыбки. На корпусе металлические фигурные накладки с растительным гравированным орнаментом, рукоять с резным растительным орнаментом, на пистолетах цифра «1» и «2», на стволе по верхней грани надпись: «ADAM KUCHENREUTER IN REGENSBURG». Общая длина пистолетов – 39,5 см, калибр 13 мм. В наборе с пистолетами четыре предмета для заряжания и чистки: шомпол, стержень, молоток и пулелейка, которые располагаются в коробке орехового дерева, обитого внутри красным бархатом.

Второй дуэльный гарнитур изготовлен на оружейной фабрике Карла Беккера (Bekker) и Раушера (Rauscher) в 1840-1880 гг. в Варшаве. Пистолеты капсюльные, стволы восьмигранные, нарезные, из дамасской стали. Общая длина – 33 см, калибр – 11 мм. В стволе одного пистолета имеется деревянный вкладыш для предохранения канала ствола. Спусковые механизмы имеют шнеллеры (механизм ускорения спуска в ручном огнестрельном оружии), а спусковые

скобы – шпоры. Спусковые механизмы и металлические накладки под замком украшены гравировкой. Сверху на стволах гравированная надпись «Bekker & Rauscher Varsovie» и цифры «1» и «2».

Ложи пистолетов изготовлены из орехового дерева. Рукояти украшены резным орнаментом в мелкую сетку. Здесь же накладная пластина из желтого металла в форме гербового щита с монограммой «MP» под короной. В гарнитур, помимо пистолетов, входят: пробойник для пыжей, пулелейка, два шомпола для прочистки канала ствола и для заколачивания пули, наконечник для шомпола, масленка. Пистолеты с принадлежностями помещены в коробку орехового дерева, обитую внутри красным бархатом.

Кто был владельцем этих вещей? Когда устроен этот клад? В процессе исследования загадочный клад раскрывал свою историю.

Первыми владельцами усадебного места в 67 квартале 3 части г. Самары по ул. Саратовской, 108 (ныне ул. Фрунзе, 104) являлись самарские мещане Салтыковы. В конце 1850-х гг. за ними числился одноэтажный деревянный флигель. В 1874 г. новая хозяйка вдова титулярного советника З.П. Кирилова построила на этом месте каменный двухэтажный дом с двумя парадными входами. [Оценочная ведомость недвижимого имущества. ЦГАСО. Ф.153. Оп.1. Д.746. Л.218].

В 1887 г. усадьбу приобрел самарский потомственный дворянин Сергей Николаевич Алашеев. Он с семьёй занимал верхний этаж, а нижний сдавал под квартиры. [Оценочная ведомость недвижимого имущества. ЦГАСО. Ф.153. Оп.1. Д.591. Л.11]. С.Н. Алашеев родился 18 января 1860 г. в Москве в семье дворян Николая Федоровича и Екатерины Аристарховны Алашеевых. [Оценочная ведомость недвижимого имущества. ЦГАСО. Ф.430. Оп.1. Д.356. Л.59]. Род Алашеевых ведёт свою историю с XVII в., когда за службу царю они получили несколько имений в Симбирской губернии. В 1854 г. род Алашеевых внесен в 6 родословную книгу Самарской губернии. [ЦГАСО. Ф.430. Оп.1. Д.356. Л.11].

Сергей Алашеев в 1879 г. поступил рядовым на службу в Башкирский конный полк, затем командирован в Оренбургское юнкерское училище. В 1880 г. произведен в унтер-офицеры, в 1882 г., по окончании училища, в эстандарт-юнкера. Но уже в конце сентября уволился в запас армии. В 1884 – 1885 г. являлся канцелярским служителем 1 разряда в Самарском депутатском дворянском собрании. 17 июля 1885 г. в Троицком соборе г. Ставрополя Самарской губернии обвенчался с дочерью действительного статского советника М.Ф. Агафоновой. 29 января 1888 г. у них родился сын Владимир, 23 марта 1890 г. – дочь Валентина.

С.Н. Алашеев продолжал службу в канцелярии дворянского собрания и в 1890 г. получил чин коллежского регистратора за выслугу лет. В 1892 г. снова ушел в отставку по «домашним обстоятельствам». В разные годы он являлся почетным мировым судьей по Самарскому уезду, Председателем Николаевского уездного собрания. С 1906 г. – член попечительного совета женской гимназии Харитоновой. В 1907 г. назначен почетным членом Самарского губернского попечительства детских приютов. Судя по послужному списку, больших высот на чиновничьей службе Сергей Николаевич не достиг. Да видимо, особенно и не стремился. Были у него другие интересы. С.Н. Алашеев увлекался музыкой, живописью, фотографией. В нашем музее сохранились 4 фотографии интерьеров дома С.Н. Алашеева, сделанные самим хозяином в 1889 г. Судя по этим снимкам, он коллекционировал оружие.

Жизнь этого человека трагически оборвалась 29 октября 1915 г. Как записано в метрической книге Вознесенского собора, он «застрелился в припадке остроумственного расстройства душевной болезни». [ЦГАСО. Ф.32. Оп.33. Д.40. Л.102 об.].

После смерти С.Н. Алашеева владелицей дома на ул. Саратовской стала дочь Валентина, муж которой П.И. Каменнов, покидая Самару в 1918 г., передал произведения художественной коллекции в городской музей. [Алексушина Т.Ф. Самарские страницы российского дворянства. Самара. ООО «Эдельвейс», 2013. С.194.]. Часть семейной коллекцией, видимо, спрятал в тайнике дома. Но вернуться в Самару не удалось. Дальнейшая судьба семьи неизвестна.

Таким образом, на основании найденной в газете заметки и проведенного исследования удалось определить владельца, историю бытования и время поступления в коллекцию интереснейших экспонатов.

М.Б. КРАПИВЕНЦЕВА
Тульский государственный музей оружия

M.B. KRAPIVENTSEVA
Tula State Arms Museum

ВОЕННЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ В АДМИНИСТРАЦИИ ТУЛЬСКОГО ОРУЖЕЙНОГО ЗАВОДА В 1917–1920-е гг.

MILITARY SPECIALISTS IN THE ADMINISTRATION OF THE TULA ARMS FACTORY IN 1917–20-ies OF XX c.

В первые годы советской власти в период формирования собственной системы подготовки кадров различных уровней для оборонной промышленности главную роль в организации выпуска военной продукции на предприятиях продолжали играть работники, получившие образование и профессиональный опыт в дореволюционное время. Примером тому является Тульский оружейный завод (далее – ТОЗ).

До 1917 г. военно-технические специалисты завода (преимущественно артиллерийские офицеры) возглавляли предприятие, составляли основу технической части и приемной комиссии, а также входили в состав остальных подразделений. Среди них были выпускники Михайловской артиллерийской академии: начальник завода П.П. Третьяков, помощник начальника по технической части А.А. Кубасов, старший техник С.А. Зыбин и многие другие [Дроздова Е.Е. Подготовка кадров оружейных заводов военного ведомства России во второй половине XIX в. – 1914 г.: дис. ... д-ра ист. наук ... Тула, 2009.]

В период февральской революции 1917 г. с завода по инициативе рабочих было устранено лишь незначительное количество лиц, занимавших низшие управленческие должности в мастерских, в основном за грубое и пристрастное отношение к трудящимся [См. Ф. Р-220. Оп. 1. Д. 61. Л. 164].

Состав административно-технического персонала показывает, что в результате демократических преобразований 1917 г. рабочие завоевали значимые позиции в управлении. В коллегиальное правление ТОЗ, сменившее в 1918 г. единоначалие директора, вошли работники, не имевшие административного опыта. Тем не менее,

предъявляемые высокие требования к уровню профессиональной подготовки технического и коммерческого директоров правления обусловили то, что эти должности остались за опытными офицерами. Лицам, окончившим полный курс Михайловской артиллерийской академии по первому разряду, в 1918 г. было присвоено звание «военный инженер-технолог» [См. Ф. Р-220. Оп. 1. Д. 6. Л. 20].

Однако уже к концу 20-х гг. XX в. высшее руководство завода полностью представляли гражданские лица, не имевшие даже высшего образования. Так, директор И.А. Невструев окончил ремесленную школу ТОЗ и курсы по управлению предприятием, заместитель директора В.С. Сквородников – курс Военно-политической академии, помощник директора Б.Л. Ружилов – курсы Высшего Совета Народного Хозяйства для рабочей администрации. [См. Ф. Р-220. Оп. 5. Д. 966. Л. 121-154].

По состоянию на 1929 г. на заводе числилось 49 «бывших чиновников», 48 «бывших офицеров», в том числе среди высшего административного персонала – 10 «бывших дворян», 14 офицеров, 3 чиновника. Особому учету подлежали «бывшие белые офицеры», состоящие на службе в государственных учреждениях и предприятиях. [См. Ф. Р-220. Оп. 5. Д. 23. Л.40].

Часть военных техников служили на исполнительских постах в мастерских – чертежники, станочники, конторщики, лаборанты. Но большинство занимали должности техников, конструкторов, руководителей подразделений. П.П. Третьяков возглавлял пулеметный отдел, в 1927–1929 гг. – Проектно-конструкторское бюро; на 20-е гг. XX в. пришелся расцвет творческой деятельности инженеров-конструкторов стрелкового автоматического оружия С.А. Коровина, Ф.В. Токарева.

Составляя интеллектуальную элиту и обладая наивысшим в среде администрации уровнем подготовки, военные техники продолжали вносить заметный вклад в повышение культурного уровня предприятия. Н.К. Герасимов, работавший на заводах артиллерийского ведомства с 1897 г., бывший директором ТОЗ по административно-хозяйственной части, в 1923–1933 гг. заведовал музеем оружия и архивом завода. Его деятельность позволила создать мощный фундамент для дальнейшего активного развития музея по всем направлениям.

К снижению качественного состава администрации приводил регулярный перевод военных специалистов с ТОЗ для обеспечения инженерно-техническими работниками новых создаваемых советских предприятий и научных центров.

Анализ статистических данных о численном и персональном

составе администрации ТОЗ в рассматриваемый период позволяет утверждать, что большая часть представителей военно-технической интеллигенции продолжала работу на предприятии. Однако в рассматриваемый период они были вытеснены с высших административных должностей и занимались решением специальных технических или конструкторских задач в подразделениях.

М.В. КРотова
ФГБУН «Институт народнохозяйственного прогнозирования»

M.V. KROTOWA
Institute of economic forecasting

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОПК И ТЭК:
НЕКОТОРЫЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ,
ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ, КОНВЕРСИИ И НАУЧНО-
ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ**

**THE INTERACTION OF MILITARY-INDUSTRIAL
AND FUEL-AND-ENERGY COMPLEXES IN RUSSIAN
ECONOMY: ENERGY SECURITY, IMPORT SUBSTITUTION,
CONVERSION AND TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT.
INSTITUTIONAL ASPECTS**

Для начала необходимо уточнить, что же понимается в современной России под термином «энергетическая безопасность»? Согласно работе НИУ ВШЭ [Проскурякова Ермоленко Г.В. Возобновляемая энергетика 2030: глобальные вызовы и долгосрочные тенденции инновационного развития. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2017, с. 8], «Сегодня долгосрочная энергетическая безопасность, под которой понимается «бесперебойное наличие энергетических ресурсов по доступной цене» (МЭА, 2015 г.), предполагает своевременные поставки энергоресурсов различных категорий для удовлетворения потребностей экономики и населения с учетом задач устойчивого развития...». Дальнейшее исследование затрагивает не только возобновляемую энергетику, но и развитие ТЭК в целом. Спонсорами и источниками информации для него был ряд компаний и госкорпораций, имеющих стратегическое значение для отечественной экономики, в т.ч., Фонд «Сколково», группа компаний «Ренова», АО «Атомэнергомаш».

Закономерен вопрос, насколько адекватна подобная трактовка энергетической безопасности, заимствованная у Международного энергетического агентства, для России? Доступ к ресурсам, как и цены, которые необходимо за них платить, либо отказаться из-за непомерной платы, – это задачи, которые постоянно решает страна,

экономика которой зависит от импорта энергоносителей. С другой стороны, как показано, например, в работах зачастую [Глобальная энергетика и геополитика (Россия и мир)/под ред. д.э.н. Шафраника Ю.К. – М.: ИД «Энергия», 2015, с.12], ключевая задача энергетической безопасности России должна ставиться как распоряжение уже существующим потенциалом.

Добывающей стране в современных геополитических реалиях разумно формировать стратегию энергетической безопасности как максимально эффективное вовлечение энергетических ресурсов в экономику страны с целью развития всего ее национально-богатства, материального и культурного потенциала. Еще в 2003–2004 гг., в ходе совместных работ ИНП РАН и ИПУ РАН с участием автора [Сборник научных трудов ИНП РАН, М.: МАКС Пресс, 2003, с. 179], был разработан ряд математических моделей, показывающих необходимость обеспечить концептуально независимое управление ТЭК (на примере газовой промышленности) на основе Российских управленческих разработок и отечественных технологий. Ряд элементов модели был предложен на основе обзора открытых работ в области военной истории и проблем становления военной экономики, см., например, [Р.А. Экономическая история России: XX век. – М.: ИздАТ, 2003, с. 73, 218].

Одним из практических направлений реализации идеи концептуальной независимости ТЭК является сокращение зависимости от иностранных технологий, оборудования и сопутствующим им организационным инновациям. Интересно, что термин «импортозамещение» появился в отечественной экономической и управленческой практике не после рубежных событий 2014 года, а намного раньше, в 1990-е гг. и использовался в нефтегазовой инженерно-технической литературе [Воробьева Р.А., Кротова М.В., Соколова О.Н. «Экономико-управленческое аспекты противоаварийных мероприятий и технической диагностики на магистральных нефте- и газопроводах. М.: «Нефть и газ», 1996, с. 33]. Однако в то время, проекты продвижения на рынок Российского оборудования и технологий не находили понимания со стороны представителей финансового менеджмента ряда нефтяных компаний, считавших импортозамещение обычным лоббизмом со стороны производителей некачественного и неконкурентоспособного по сравнению с импортным, оборудования.

Иной была ситуация в РАО «Газпром», которое в 1990-е гг. сохранило единую централизованную структуру, и как часть ее – часть отраслевой науки. Был разработан подход: массовое оборудование, обеспечивающее единое функционирование газотранспортной

системы, должно производиться в России, а за рубежом закупалось оборудование уникальное, позволявшее обеспечивать специалистам навыки работы с передовыми технологиями. Данный подход обеспечивал газовикам большую степень концептуальной независимости, чем была в это время у нефтяников. Произошло некоторое смещение потока заказов от производителей нефтегазового оборудования, претензии к качеству которых существовали еще во времена СССР, а предприятия оборонно-промышленного комплекса.

Возникли новые проблемы, требовавшие не просто согласования интересов производителя и заказчика оборудования, но и освоения принципиально новых технологий. Так, объективно невозможно перепрофилировать для нужд ТЭК те производства, необходимость в которых отпадает при реализации программ перевооружения армии. Многие конструкторские и технологические решения и марки специальных сталей, не просто не соответствуют требованиям, предъявляемым к оборудованию для ТЭК, но обладают некоторыми прямо противоположными характеристиками. Формировались и новые инженерные концепции, уже не для массовых, а эксклюзивных технологий. Примером может быть создание технологий для работы на Арктическом шельфе в рамках программы «Национальная технологическая база».

Начало 2010-х гг. можно охарактеризовать как период переосмысления национальных интересов применительно не только к сферам обороны и безопасности, но и к экономике. 3 ноября 2014 года Правительство РФ своим Распоряжением утвердило «План мероприятий по снижению зависимости от импорта в ТЭК», в рамках которого реализуются основные направления по импортозамещению нефтегазового оборудования. Некоторые промежуточные итоги этого процесса можно было наблюдать в ходе бизнес-конференции «Импортозамещение и инновации в нефтегазовой сфере», состоявшейся 25 октября 2016 г. Несмотря на то, что состав участников изначально формировался по инициативе самих предприятий-изготовителей и торговых компаний, здесь отмечались некоторые общие тенденции.

1. Представлено значительное количество образцов оборудования, контрольно-измерительные приборы, технологии и вспомогательные материалы для ТЭК, которые играют важную роль в обеспечении надежности эксплуатации основного оборудования (скважин, трубопроводов, реакторов и т.п.). Многие из представленных образцов можно было классифицировать по двум большим группам:

- качественная, современная запорная арматура, насосы и т.п., а также средства технического контроля, позволяющие снизить потери при авариях и утечках;
- технологии и средства обработки металлических поверхностей, а также материалы для изготовления отдельных образцов оборудования или узлов, увеличивающие его срок службы или показатели эксплуатационной надежности.

2. За каждым из инновационных производств стоит известная в отрасли инженерная или научно-прикладная школа. Определенное влияние имеет в этом процессе и применение технологий двойного назначения, созданных на базе фундаментальных научных разработок или в оборонно-промышленном комплексе.

3. Практически все представленные разработки можно отнести к технологическому рубежу четвертого-пятого укладов, к шестому – отдельные решения на основе нанотехнологий.

Следует отметить, что в настоящее время удалось сформировать в ТЭК такую экономическую модель, при которой не будет формироваться расхождение интересов между технологической независимостью отраслей и их экономической эффективностью.

Е.И. КУЗНЕЦОВА
Тульский государственный университет

E.I. KUZNETSOVA
Tula State University

**НАЧАЛЬНИК ТУЛЬСКОГО ОРУЖЕЙНОГО ЗАВОДА ИЛЬЯ
АЛЕКСАНДРОВИЧ БИБИКОВ**

**THE CHIEF OF THE TULA ARMS FACTORY ILYA
ALEXANDROVICH BIBIKOV**

В 2009—2013 годах при поддержке Германского исторического института в Москве был осуществлен международный проект «Культура и быт русского дворянства в провинции XVIII в.». Целью работы ученых из России, Канады и Германии было изучение истории культуры и быта дворянского сословия в русской провинции на примере Орловской, Тульской и Московской губерний. В ходе реализации проекта был собран значительный фактический материал, размещенный на одноименном электронном портале¹. Одним из исследовательских направлений по данной теме стал сбор и систематизация материалов по персоналиям тульского и орловского дворянства. Так были выявлены некоторые (к сожалению, весьма скудные) данные об инженер-генерал-поручике Илье Александровиче Бибикине.

Известно, что И.А. Бибиков родился в 1698 году в семье стольника Александра Борисовича Бибикина. Получил хорошее образование. В 1715 году он поступил на службу «по инженерной части» под начальство генерал-фельдцейхмейстера графа Я.В. Брюса. В 1741 году Илья Александрович был произведен в инженер-полковники, а 25 апреля 1749 года — в генерал-майоры. В «Русском биографическом словаре» А.А. Половцова отмечается, что в ходе Семи-

¹ В работе используются данные, полученные в ходе реализации международного исследовательского проекта Германского Исторического Института в Москве (ГИИМ) «Культура и быт русского дворянства в провинции в XVIII в.: по материалам Орловской, Тульской и Московской губ.». Подробнее см.: Культура и быт русского дворянства в провинции XVIII в. Режим доступа: http://adelwiki.dhi-moskau.de/index.php/Заглавная_страница (на 15.02.2017 г.)

летней войны И.А. Бибиков: «особенно отличился в сражениях при Кунерсдорфе и при осаде Кольберга. Во время последней он командовал, между прочим, всей конницей, с успехом удерживал неприятелей, засевших в Кольберге от сообщения со Штетином и однажды даже атаковал гор. Трептов, взял его и, преследуя пруссаков, захватил в плен их предводителя, генерала Вернера» [Русский биографический словарь: Бетанкур-Бякстер. Изд. под наблюдением председателя Император. Русского Историч. Общества А.А. Половцова. Т. 3. СПб.: тип. Главного упр. уделов, 1908. Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/10711/ (доступен на 15.02.2017 г.)]. В дальнейшем как «лучший из инженеров» он занимался укреплением так называемой Украинской пограничной линии, представляющей собой военно-инженерную систему непрерывных земляных оборонительных укреплений, а также городов Таганрога, Моздока, Кизляра и Бахмута. В начале царствования Екатерины II И.А. Бибиков был назначен начальником Тульского оружейного завода и произведен в генерал-поручики. Однако на этом посту он находился недолго и вскоре в 1764 году по болезни вышел в отставку в чине генерал-поручика. В 1765 г. получил орден св. Александра Невского [Русский биографический словарь: Бетанкур-Бякстер. Изд. под наблюдением председателя Император. Русского Историч. Общества А.А. Половцова. Т. 3. СПб.: тип. Главного упр. уделов, 1908. Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/10711/ (доступен на 15.02.2017 г.)].

Илья Александрович был дважды женат: первая супруга — урожденная Писарева, вторая — Варвара Никитична Шишкова (1719—1773 гг.). Автор данной статьи располагает сведениями о шести детях Бибикина. Это сыновья — Александр (1729—1774 гг.), Василий (1740—1787 гг.) и Гавриил; дочери — Екатерина (супруга Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова), Евдокия (в замужестве Голенищева-Кутузова) и Аграфена (в замужестве Толстая) [Ровенский Г., Бибиков Н. Родословная Бибикиных. К 700-летию рода Бибикиных. Фрязин, 1996. № 122/97]. Александр Ильич Бибиков пошел по стопам отца — обучался в Инженерном корпусе, в дальнейшем стал видным государственным и военным деятелем екатерининской эпохи, сенатором [Записки о жизни и службе Александра Ильича Бибикина, написанные сыном его сенатором Бибикиным. Спб., 1817]. Про второго сына Василия Ильича известно, что он «был камен-юнкером, управлял долгое время Русским придворным театром с 1767 г., пожалован потом камергером и тайным советником, а в 1777 году получил Анненскую ленту. Он считался в молодости большим щеголем, и в 1768 г. один он, при дворе

Екатерины имел красный суконный кафтан, шитый золотом» [Оснадцатый век: ист. сб., изд. Петром Бартевым. Кн. 3. М.: Тип. Рис, 1869. С. 347].

Илья Александрович Бибиков владел землями в Тульской губернии. Ему принадлежали село Ескино (39 душ м. п.) в Каширском у. [РГАДА. Ф. 400. Оп. 5. Д. 873. Л. 535 об.; Ф. 1354. Оп. 541. Ч. 1. Л. 9] и село Забелино в Алексинском у. [Ровенский Г., Бибиков Н. Родословная Бибиковых. К 700-летию рода Бибиковых. Фрязин, 1996. № 122/97]. (В Экономических примечаниях Генерального межевания, проходившем в 1776—1780 гг., в качестве землевладельца Алексинского у. он уже не упоминается). По числу крепостных крестьян Бибикова, вероятно, можно отнести к средним помещикам. По третьей ревизии в Тульской провинции за ним числилось 40 душ м. п. «на пашне» [РГАДА. Ф. 248. Оп. 109. Д. 158. Л. 500].

В 1767 году в выборах предводителя и депутата в Уложенную комиссию от Каширского уезда участия не принимал.

Илья Александрович Бибиков прожил длинную и насыщенную жизнь и, как указано в словаре А.А. Половцова, скончался 6 апреля 1784 года.

Н.Е. КУПЦОВА

Российский Государственный Гуманитарный Университет

N.E. KUPTSOVA

Russian State University for the Humanities

**«НА ДРЕВНЕЙ СТЕНЕ ИХ НАСЛЕДСТВЕННЫЙ ЩИТ И
ЗАРЖАВЛЕННЫЙ МЕЧ ИХ ВИСИТ». ОРУЖИЕ
В ИНТЕРЬЕРАХ РУССКИХ ДВОРЯНСКИХ УСАДЕБ
«WHERE SHIELDS OF MY KINSMEN AND THE GLORIOUS
SWORD STILL HANG ON THE WALL». WEAPON IN THE
INTERIORS OF RUSSIAN ARISTOCRATIC ESTATES**

Обычай украшать интерьеры холодным и огнестрельным оружием пришел в Россию из Западной Европы и вел свою историю от традиций оформления рыцарских замков. Оружие всегда имело для дворянина очень важное значение. Издревле дворянин – прежде всего воин и его оружие было знаком принадлежности к привилегированному сословию.

Вопрос формирования частных оружейных коллекций в России XVIII – начала XX века очень малоизучен. Тем не менее, можно с уверенностью сказать, что уже в первой половине XVIII века в среде аристократии и высшего дворянства собирание оружия стало обыденным явлением. При этом, прежде всего, обращалось внимание на старинные предметы и боевые реликвии [Шелковникова Е.Д. Старинное оружие в России и его правовой статус: взгляд в прошлое>// История государства и права. 2014. № 4. С.22]. Именно такое оружие было характерной чертой оружейных коллекций в дореформенных усадьбах. Оружие прошлых эпох подчеркивало древность рода, демонстрировало связь поколений и напоминало о славных победах прошлого. Некоторые дворяне целенаправленно собирали историческое оружие. Исследователь–оружиевед А.Н. Кулинский в своем исследовании указывает имена более 200 владельцев оружейных собраний [Кулинский А.Н. Частные коллекции оружия в дореволюционной России. М.: Русские палаты. 2004. С.18]. В своем докладе я ставлю задачу осветить вопрос, как коллекции оружия были представлены в интерьерах дворянских усадеб дореформенного и пореформенного времени.

Оружие чаще всего украшало кабинеты владельцев и размещалось на стенах и в специальных оружейных шкафах. Кабинет служил предметом гордости и тщеславия владельца, поэтому дворянин лично занимался выбором предметов для его декорирования, а значит и выбором оружия. Когда после 1812 года стало распространяться курение, в некоторых усадьбах стали оборудовать специальные курительные комнаты, которые также использовались для экспонирования оружия. Состав коллекции, безусловно, был зеркальным отражением интересов и вкусов владельца. Примером целенаправленного и осознанного собирательства является коллекция оружия Владимира Семёновича Храповицкого из усадьбы в Муромцево. Его усадьба представляла собой дворец в псевдоготическом стиле, где имелся рыцарский зал с развешенным на стены оружием. В 1920 году была составлена опись предметов, изъятых из усадьбы, в которой значится, что из «старого кабинета» было взято «6 щитов с оружием старинным». При этом щиты были достаточно большими: на одном из них, например, размещались «3 ружья, 5 пистолетов, 2 шпаги, 2 тесака» [Оружие из дворянских усадеб В.С.Храповицкого, Воронцовых-Дашковых, Трегубовых в собрании Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Каталог. Владимир: 2011. С.5].

В XIX веке непременным атрибутом мебели в мужском кабинете усадьбы был кожаный диван, на котором дворянину обычно стелили постель. Над диваном часто висел ковер, на котором и было развешено оружие, обычно турецкое и кавказское. Восточное оружие использовалось и для украшения стен курительных комнат. В середине XIX века приходит мода на восточные интерьеры и во многих дворцах и усадьбах появляются комнаты в азиатском стиле. Пол и стены в таких помещениях декорировались коврами, а доминантой становилась коллекция турецкого холодного оружия, развешенная вдоль стен на восточных коврах и собранная в специальные композиции-трофеи. Такие комнаты еще иногда называли мавританскими и по своей сути они были экзотическими курительными комнатами в мужской половине дома. Оружие там было не просто предметом обстановки, оно создавало выразительный архитектурный образ интерьера.

Оружие было не только украшением быта обитателей усадеб, но и использовалось по своему прямому назначению, прежде всего для охоты. Охота на дичь или зверя испокон веку была не только излюбленным деревенским развлечением, она представляла собой статусный элемент жизни дворянского сословия. Охотой увлека-

лись все – и представители высшей придворной аристократии, и помещики средней руки, и мелкопоместные [Полякова М.А. Сельские развлечения в дореворменной провинциальной усадьбе // Уваровские чтения-IX. Досуг в столице и провинции. Материалы всероссийской научной конференции Муром, 22–24 апреля: Владимир. 2014. С.48]. Это увлечение способствовало оборудованию в усадьбах специальных охотничьих кабинетов. Как выглядел такой кабинет в первой трети XIX века, мы можем увидеть в восстановленных интерьерах усадьбы Вяземы, на территории которой сегодня расположен музей—заповедник А.С. Пушкина.

В комнате стоят шкафы, в которых хранились охотничьи принадлежности и оружие, стены декорированы охотничьими трофеями и тематической живописью. В таких кабинетах охотничьи ружья могли размещаться и на стенах. В конце XVIII века в некоторых усадьбах строились охотничьи домики, спрятанные в глубине усадебных владений.

Прекрасным примером такого домика, хотя и несколько перестроенного, является охотничий павильон в подмосковной усадьбе «Валуево». Внутри находились зал и две небольшие комнаты. Традиционно охотничий домик служил для кратковременных остановок во время охоты, мог быть местом трапезы, и, самое главное, был своего рода складом охотничьего оружия и амуниции.

На первую половину XIX века приходится расцвет такого явления как русская дуэль. В XIX веке специальные парные комплекты пистолетов имелись во многих дворянских домах. Хранить коробку с дуэльными пистолетами, стало обычным явлением, когда шпага ушла из повседневного обихода. Оружие к месту дуэли чаще всего привозили секунданты. Этот факт подтверждает изложение обстоятельств дуэли М.Ю. Лермонтова с сыном посла Эрнестом де Барантом: «Выбор оружия был предоставлен де Баранту, как считавшему себя обиженным и он выбрал шпаги, которые привезены были секундантом его (...) после того они, по сделанному предварительному условию, взяли пистолеты, которые привезены были секундатом Лермонтова» [Гордин Я. Дуэли и дуэлянты: Панорама столичной жизни. СПб.: Издательство Пушкинского Фонда, 1996. С.72].

Таким образом, дуэльное оружие хранилось в домах не только у заядлых дуэлянтов, ведь любой дворянин мог быть приглашен стать секундантом на дуэли. В пореформенный период отношение к коллекциям, в том числе оружейным, меняется. Примечательной чертой некоторых усадеб этого периода становится создание му-

зейных комнат и залов, как продолжение традиций золотого века русской усадьбы [Холодова Е. Пореформенные усадьбы Курской губернии 1861-1917. Курск: ООО «Крона». 2007. С.307].

Например, потомки фельдмаршала И.И. Барятинского, владельца курской усадьбы «Марьино» унаследовали его страсть к коллекционированию и бережно хранили собранные коллекции в усадебных помещениях. В оружейной коллекции было несколько шашек и сабель основателя усадьбы, его фельдмаршальский жезл и другое фамильное оружие в дорогих ножнах и футлярах. Широко представлено было боевое оружие, побывавшее в кавказских сражениях. Была также большая коллекция охотничьих ружей, а также шашек и пистолетов. Имелось и историческое оружие - древние щиты и копья. В этой уникальной коллекции отражаются все аспекты, интересовавшие дворян, собиравших стихийно или систематично коллекции оружия и хранивших их в своих поместьях на протяжении всей усадебной истории.

На сегодняшний день оружие в музейных усадебных интерьерах практически не присутствует и о том, как оно было представлено во времена бытования усадеб, мы можем судить лишь по сохранившимся письменным источникам, картинам и фотографиям.

А.Ю. КУРОЧКИН
Журнал «Историческое оружиеведение»

A.Y. KUROCHKIN
The journal "Historical Weaponology"

**ЗАФАР-ТАКИЕ:
ОТ ПОДСТАВКИ АСКЕТА ДО АТРИБУТА ПРАВИТЕЛЯ
ZAFAR-TAKIEN:
FROM THE FAKIR'S CRUTCH TO THE RULER'S INSIGNIA**

Предметы, называемые в настоящее время «зафар такие» или «костыль факира», за конкретными исключениями не являлись оружием и имели чисто утилитарное назначение для фиксации тела при выполнении необходимых упражнений и при отдыхе, использовались для удобства положения во время медитаций и молитв.

Материал, использовавшийся при их изготовлении, широко варьировался и зависел только от благосостояния владельца: от подобранных веток и сучьев, подходящей формы, до металла, камня и слоновой кости. Владельцами подставок являлись йоги, индийские и мусульманские аскеты, светские правители.

Существовало несколько наиболее распространенных форм подставок. При этом широко известные под названием «костыль факира» предметы, выполненные в виде человеческой руки, удерживающий рог, являются в большинстве случаев сувенирами, которые вывозились из Индии в конце XIX – начале XX веков.

Помимо аскетов, владельцем подставки мог являться и светский правитель, желающий подчеркнуть свои духовные или религиозные устремления. Небольшие по размеру подставки использовались для удобства положения руки, перебирающей четки. В подставках, изготовленных для владельцев такого уровня, появляется скрытый клинок (рукоятью для которого служит верхняя, горизонтальная часть подставки) – очевидная символика сочетания властных земных и духовных притязаний. Наличие клинка никоим образом не меняло основного назначения подставки. От подобных подставок следует отличать короткие мечи с рукоятью особой формы, которые также использовались в качестве опоры для руки. Следует отметить, что на достоверно старых предметах, которые

можно отнести к подставкам, использовавшихся светскими правителями, как правило, отсутствовала резьба, с помощью которой клинок ввинчивался в ножны. Это вполне объяснимо, принимая во внимание тот факт, что если и возникала необходимость в использовании такого клинка, то эта необходимость была внезапной.

В источниках отсутствуют сведения о наличии скрытых клинков в подставках аскетов, хотя и допускается возможность этого.

Распространенный перевод словосочетания «зафар такие» как «подушка победы» является ошибочным и не отражает смысл и назначение описываемого предмета. Правильные переводы названий подставок с разных индийских языков, включая термин «зафар такие», заимствованный в урду из персидского, в достаточной мере отражают назначение этих предметов.

С.П. МАНЬКО

ГБУ РК «Восточно-Крымский ИКМЗ», г. Керчь

В.А. КЛИМЧУК

ГБУ РК «Восточно-Крымский ИКМЗ», г. Керчь

S.P. MANKO

GBU RK «Eastern-Crimean IKMZ», Kerch

V.A. KLIMCHUK

GBU RK «Eastern-Crimean IKMZ», Kerch

**ОРУЖИЕ УЧАСТНИКОВ ОБОРОНЫ
АДЖИМУШКАЙСКИХ КАМЕНОЛОМЕН
(МАЙ-ОКТЯБРЬ 1942 г.)**

**THE WEAPON OF PARTICIPANTS OF THE DEFENCE OF THE
ADZHIMUSHKAY KAMPELMAN
(MAY-OCTOBER 1942)**

Аджимушкайские каменоломни – один из самых известных и значительных памятников боевой славы Керчи. Они не раз становились надежной крепостью в борьбе с врагами в разные периоды.

Легендарная оборона Аджимушкайских каменоломен в мае-октябре 1942 г. стала яркой страницей в летописи Великой Отечественной войны. Подземные гарнизоны Центральных и Малых каменоломен показали пример стойкости, мужества и верности воинскому долгу, своему Отечеству. После тяжелого поражения Крымского фронта весной 1942 г. наши войска, измотанные непрерывными боями, бомбежками, отходили к Керченскому проливу, чтобы переправиться на Таманский берег. Часть воинских подразделений сдерживала противника на рубеже поселка Аджимушкай – Колонка (завод им. Войкова), чтобы дать возможность эвакуировать основные силы Крымского фронта. Руководство обороной этого участка было возложено на начальника отдела боевой подготовки штаба Крымского фронта полковника П.М. Ягунова, который 14 мая был назначен заместителем начальника штаба фронта. Сформированные им отдельные батальоны и ударные группы, впоследствии стали называть – «отряд полковника Ягунова». Отряд Ягунова стойко отражал атаки противника, хотя потери наши были велики, командование фронта приказывало держаться, во что бы то ни стало. В одном из приказов от 16 мая 1942 г. звучало: «Прочно удерживать

рубеж... Отход и эвакуация вашего участка по особому распоряжению. Козлов, Шаманин, Вечный» [ЦАМО. Ф.399. Оп. 9385. Д.16. Л.184]. Но, к большому сожалению, командование совершенно не затрагивало проблему вооружения и боеприпасов, защитники рубежа не имели даже полноценного стрелкового оружия. Часть бойцов была вооружена иранскими винтовками (44-я армия какое-то время осенью находилась в Иране).

В тот же день 16 мая 1942 г. П.М. Ягунов письменно докладывал генерал-лейтенанту Д.Т. Козлову, что – «Противник силою до 2-х рот при поддержке 16 танков овладел с. Аджимушкой» [ЦАМО.Ф.215, Оп.1185, Д. 66, Л. 24]. Организовать контратаку не удалось из-за отсутствия артиллерии и танков. Приказа на отход им так и не поступило. Оказавшись в окружении, более 12 тысяч бойцов и командиров ушли в подземелье, подземный гарнизон до конца выполнил свой священный воинский долг перед Родиной.

Самое сложное для подземного гарнизона стало то, что бойцы оказались почти безоружными. Оружие приходилось добывать в бою. Это стало проблемой номер один и даже в «Боевом листке» от 22 мая 1942 г. одна из статей называлась «Бережь оружие». Фашистское донесение сообщало, что «В Центральном каменоломне было 1700 винтовок. 5 пулеметов «максим». 8 минометов, 6 автоматов, 30 автоматических винтовок и 80 тыс. патронов.... В Малых каменоломнях вооружение состояло из винтовок, 4 пулеметов «максим», 6 минометов, 8 автоматов, 25 автоматических винтовок. Патронов здесь было больше чем достаточно, но они отсырели» [Абрамов В.В. Героическая оборона Аджимушкойских каменоломен. М.,1983.С.17]. Но даже, несмотря на слабое вооружение, участники обороны неоднократно осуществляли захват поселка, особенно в ночное время. Это подтверждается и воспоминаниями оставшихся в живых бойцов подземного гарнизона. «По сигналу все разом ударили по постам, гранатами разорвали проволочное заграждение и пошли на прорыв. Удар был настолько ошеломительным, что враг бежал из поселка к Керчи.....» – так писал участник обороны Аджимушка Н.Д. Немцов [Князев Г.Н. Проценко И.С. Доблесть бесстрашна. М., 1987. С.74–75].

Первые поисковые экспедиции находили оружие, боеприпасы, артиллерийские снаряды, конспекты по баллистике стрелкового оружия, по его устройству и боевому применению. Аджимушкайцы, следуя одной из заповедей русской военной науки, старались бить врага не числом, а умением.

Нехватка оружия и боеприпасов не помешала подземному гарнизону сдерживать 2,5 полка немецко-румынских войск.

Д.А. МАХЕЛЬ
МУК «Венёвский краеведческий музей»

D.A. MAKHEL
Venyov local history museum

ВЕНЁВСКИЕ МЕЛЬНИКИ НА ТУЛЬСКОМ ОРУЖЕЙНОМ ЗАВОДЕ XVIII – НАЧАЛА XIX ВЕКА

VENYOV MILLERS AT THE TULA WEAPON PLANT OF THE XVIII-BEGINNING OF THE XIX CENTURY

В февральском номере журнала «Техника-молодежи» за 1948 год был опубликован рассказ писателя Виктора Шкловского «Солдат Батищев. Его работы. Его рассказы». Автор изложил историю талантливого изобретателя Якова Батищева сконструировавшего ряд станков для Тульского оружейного завода. Этот рассказ стал первым в повести «О мастерах старинных», что подчеркивает важность персоны Батищева.

О Батищеве известно не много. Около 1714 года Яков Трофимович Батищев создал на Тульском оружейном заводе точильные и сверлильные станки. Они приводились в действие водяной мельницей. Батищев был потомственным венёвским мельником. Ещё до работы на заводе он был отправлен за провинность на службу в Азов. Попал в плен к туркам, работал гребцом на галерах, бежал в Венецию и через Балканы вернулся в Россию. Сегодня одна из улиц Тулы носит имя Батищева.

Для проверки литературной версии обратимся к венёвским документам. В первую очередь это Подворная перепись 1677 года [РГАДА Ф.1209. Оп.1, ч.2, кн.14251, лл.1-13] и Ландратская перепись 1715 года [РГАДА Ф.350. Оп.1, д.56, лл.41-56]. Не в этих документах, не в прочих, фамилия Батищев не встречается, скорее всего, его семья была записана под другой. Да, и значение слова «батищев» можно перевести как преступник. В Венёве в 1715 году числилась всего одна семья, главой которой был старик Трофим, а фамилия его была Точилин. Но никаких фактов, позволяющих сделать уверенные выводы о происхождении Батищева, на сегодня не обнаружено.

За какую конкретно провинность Яков Трофимович отправился в Азов? Шкловский в 1948 году придумал версию о якобы срубленном для плотины священном дубе. Действительно, имел место факт высылки венёвских посадских людей на каторгу (на галеры) в город Азов в 1699 году, за нежелание признавать выбранных к таможенным и кабацким сборам бургомистров [ПСЗ Т.3 (1830), с. 671, №1722]. Список имен высланных в Азов венёвцев не известен, поэтому нет доказательств, что в их числе был Яков Батищев.

Батищев был не единственным уроженцем Венёва занимавшимся водяной мельницей Тульского оружейного завода. Современником Якова Трофимовича был венёвский мельник Лаврентий Чеботарев, правнук которого Федор в 1805 году занял должность механика на заводе [ГАТО Ф.838. Оп.1. Д.14. Л.156]. Федор Федорович Чеботарев в 1807–1810 годах в ходе реконструкции завода соорудил верхнюю и нижнюю каменные плотины с системой гидравлических шлюзов. Прежде территория завода периодически подвергалась затоплению весенним половодьем [Гладина А.Ю. Сезонные разливы реки Упы и их влияние на работу Тульского оружейного завода в конце XVIII—первой половине XIX вв. // История. Историка. Источники. – 2017. – № 2]. Чеботарев получил золотую медаль за «отличное устройство заводских плотин, так что завод, который до того времени, будучи затопляем весенней водой, останавливался на три месяца, стал оставаться в бездействии только два месяца» [Русский биографический словарь: Чаадаев — Швитков. Изд. под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А.А. Половцова. — Санкт-Петербург: тип. И.Н. Скороходова, 1905. Т. 22. С.79]. Вместо нижней плотины был построен прочный каменный шлюз с тремя воротами для спуска воды; равномерно и верхняя плотина перестроена была в каменный шлюз с десятью спусками для весенних вод [Афремов И.Ф. Историческое обозрение Тульского края. – Тула: Приокское книжное издательство, 2002. С.143].

В венёвской истории можно обнаружить несколько знаменитых мельников XVII–XIX веков. Значительная часть горожан на протяжении веков специализировалась на строительстве и содержании водяных мельниц. Венёвцы выполняли заказы по всей Тульской губернии, а так же в Калужской и Рязанской. Это ремесло своими корнями уходит в середину XVI века, когда князь Иван Федорович Мстиславский пригласил в Венёв несколько семейств для строительства в городе большой мельницы. Её описание сохранилось в «Писцовой книге Венёвского уезда 1571/1572 годов»: «У Городеньского же посаду княж Ивановская мелница на реке на Веневе,

колесо немецкое большое, а на мелнице струб дубовой девяти сажень, а в нем пять переделов да шестой передел изба в том же струбе. Да у тое же мелницы на реке на Веневе почат пруд делати, у плотины подошва обложена брусьем дубовым.» [РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Венев № 1, лл. 22, 22 об.] В том же документе упомянуты и первые мельники Венёва, на посаде жил «черный человек безпашенный» Филка мельник, а у оврага под засечным лесом проживал дворцовый крестьянин мельник Нечайко. «Черный человек безпашенный» обозначало то, что он ни сеял, ни жал, а на жизнь зарабатывал ремеслом.

В XVII–XVIII веках росла география упоминаний водяных мельниц в окрестностях Венёва. Положительное влияние на развитие мельничного дела в Венёвском уезде оказывал запрет на строительство мельниц на реках впадающих в Москва реку [ПСЗ т.13 (1830), с.109–110, №9650, 12.07.1749]. Следовательно, муку в Москву было выгодней везти, чем зерно. Согласно Экономическим примечаниям к Плану генерального межевания 1792 года, в уезде насчитывалось около сотни мельниц. Многие из них были небольшими, действовали только по «полой воде и накопления оной».

В XVIII веке Венёв был одним из центров мельничного дела на тульской земле. Поэтому, даже не имея проверенных сведений о происхождении Якова Трофимовича Батищева, информация о его связи с Венёвом заслуживает доверия.

Е.В. МЕЗЕНЦЕВ
Институт Российской истории РАН

E.V. MEZENTSEV
Institute of Russian History of RAS

**ИЗ ИСТОРИИ РУССКОГО СТРЕЛКОВОГО ОРУЖИЯ
НАЧАЛА XIX ВЕКА
FROM THE HISTORY OF RUSSIAN SMALL ARMS OF THE
EARLY 19TH CENTURY**

Оружие русской армии соответствовало духу того времени. На вооружении русской пехоты в начале XIX века состояли гладкоствольные ружья разных калибров и образцов. Так, в гренадерских и мушкетерских полках в 1805 г. у солдат были ружья 28 различных калибров от 5,5 до 8,5 линий (21,9 мм), а у егерей – 8 различных калибров от 5,5 до 8,5 линий (21,6 мм). Немудрено, что при сроке службы кремневого ружья в 40 лет, а при неоднократном ремонте и намного больше в армии находилось немало старых ружей, порой выданных еще при Петре I, то есть столетней давности [Федоров В.Г. Эволюция стрелкового оружия. Ч. 1. М.: Воениздат, 1938. С. 18–29; Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке. М.: «Наука», 1973. С. 277].

Но в полевых войсках большинство солдат, особенно в приграничных округах, было вооружено довольно новыми гладкостволками образцов 1763, 1774 гг. и преимущественно 1793 г. Все эти модели имели калибр в 7,75 линий (19,8 мм), весили со штыком 4,6–4,9 кг и использовали пулю весом в 25,6–32,1 грамм и пороховой заряд, весивший от 10,66 до 12,8 грамм. Максимальная дальность огня достигала полтора км, но дальность действительного выстрела не превышала 250–300 шагов (213 м). При этом начальная скорость пули у ружья модели 1793 г. составляла 457 м/сек. [Бегунова А.И. Путь через века. М.: Мол. гвардия, 1988. С. 241; Федоров В.Г. Указ. соч. С. 15].

Поскольку русский порох по своим метательным свойствам был в 2–3 раза лучше французского, российские пули сохраняли свою убийность на дистанции до 500 метров и более. Однако на та-

ком расстоянии попадания могли быть лишь случайны [Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке... С. 382; Бегунова А.И. Путь через века... С. 258].

Примечательно, что скорострельность гладкоствольного кремневого ружья была невелика из-за быстрого образования в стволе порохового нагара, ввиду чего темп стрельбы быстро падал с 4 до одного выстрела в минуту. Помимо того процесс заряжания ружья в 12 приемов был труден для новобранцев. В связи с чем, средний темп составлял всего 1,5–2 выстрела в минуту. А из-за несовершенства кремневого замка на каждые 7 выстрелов приходилась одна осечка [Федоров Ф.Г. Указ. соч. С. 6, 9, 22, 31, 35].

В русской армии имелись и нарезные, или винтовальные ружья, которыми вооружалась часть унтер-офицеров мушкетерских и гренадерских полков, а в егерских полках – все унтер-офицеры и по 12 лучших стрелков в каждой роте. Прицельная дальность нарезных ружей (штуцеров у егерей) доходила до 800–1000 шагов (568–710 м), а меткость на ближних дистанциях (до 300 шагов) превосходила гладкостволки вдвое, а на более дальних – четверо-вше-стеро [Нилус А.А. История материальной части артиллерии. Т. 2. СПб.: Тип. Сойкина, 1904. С. 94; Федоров Ф.Г. Указ. соч. С. 6, 9, 22, 31, 34].

Но недостатки винтовальных (нарезных) ружей (небольшая длина, делавшая их малопригодными для стрельбы из 2-й шеренги и штыкового боя, а главное, очень неудобное и четверо более медленное заряжание) превышали их достоинства (меткость и дальнобойность). Поэтому в эпоху наполеоновских войн и в русской, и во французской армии «винтовки» получили очень ограниченное применение [Соколов О.В. Армия Наполеона. М.: Изд. дом «Империрия», 1999. С. 150–151; Наумов М. Оружие воина. М.: ООО «РОС-МЭН-ИЗДАТ», 2001. С. 263].

Что касается меткости огня русских гладкостволок той поры, то на дистанции в 300 шагов (213 м) в учебную мишень размером 1,8 × 1,2 метра попадало в среднем около четверти всех выпущенных пуль, на расстоянии в 200 шагов (142 м) – 40% и на дистанции в 100 шагов (71 м) – 55% всех пуль. Расстояние же в 50–60 шагов (35,5–42,5 м) считалось самым оптимальным, так как в этом случае от 70% до 90% пуль попадали в цель [Федоров В.Г. Указ. соч. С. 8, 31; Чандлер Д. Военные кампании Наполеона. М.: Изд-во Центрполиграф, 2001. С. 223].

В 1805 г. перед первой войной с Наполеоном было разработано и запущено в производство несколько новых моделей пехотных ружей: пехотное гладкоствольное калибром в 7,5 линий (19,05 мм),

бившее прицельно на 300 шагов (213 м); винтовальное и егерский штуцер. Оба нарезных ружья имели калибр в 6,5 линий (16,51 мм) и прицельно били на тысячу шагов (710 мм). Пехотная гладкостволка образца 1805 года весело без штыка 5,16 кг, со штыком – 5,65 кг, нарезные с ружья были почти на 1 кг легче [Федоров В.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 6, 9, 22].

Длина русского гладкоствольного ружья составляла около полтора метров, что считалось оптимальным для удобного ведения солдатом стрельбы из 2-й шеренги. Вместе же со штыком, имевшим среднюю длину в 45 см, ружье достигало общей длины почти в 2 м и, будучи выставлено вперед в случае наскока всадника, не позволяло кавалеристу дотянуться напрямую до пехотинца палашом или саблей [Эпов Н. Об изменении штыка // Военный сборник. 1900. № 8. С. 387, 389–390; Нилус А.А. Указ. соч. Т. 2. С. 97; Федоров В.Г. Указ. соч. С. 27].

Примечательно, что русский трехгранный штык был гораздо тяжелее и прочнее французского, который легко можно было согнуть даже рукой. На модели 1805 года наш штык весил 0,5 кг. Да и само русское пехотное ружье было значительно тяжелее французского, поэтому в среднем более слабые физически французские солдаты практически не использовали трофейные русские ружья, которые к тому же из-за прямой ложи были не очень удобны для прицеливания. А на егерских штуцерах употреблялся ножевидный (клинковый) штык с рукоятью (кортик). Такой штык, весивший на модели 1805 г. более 700 грамм, можно было отомкнуть от ружья и действовать им самостоятельно как короткой шпагой, как это делали французы. Но русские егеря этот способ почти не применяли, предпочитая традиционно колоть штыком, примкнутым к стволу, то есть действовать ружьем как копьем [Нилус А.А. Указ соч. Т. 2. С. 57, 97; Федоров В.Г. Указ. соч. С. 22–23, 33; Куликов В.А. История оружия и вооружения народов и государств. М.: Изд. Империиум Пресс, 2005. С. 311–313].

По опыту войн с Наполеоном в 1805–1807 гг. русские гладкостволки стали изготавливаться с более кривым ложем, как у французов, чтобы было удобнее целиться. А в 1808–1809 гг. русские заводы стали выпускать по французскому образцу новые модели пехотных ружей улучшенного качества [М.И. Кутузов. Документы. Т. 2. М.: Воениздат, 1951. С. 302–303; Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке... С. 277–279].

Часть ружей русское правительство закупало и за границей, преимущественно в Австрии и, особенно, в Англии, поскольку английские ружья марки «Браун Бесс» считались тогда лучшими в

Европе по своим техническим характеристикам. Поэтому русская гвардия и лучшие гренадерские полки с 1804 года стали перевооружаться английскими ружьями [Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке... С. 277–278; Федоров В.Г. Указ. соч. С. 20, 33]. Тульские мастера вроде знаменитого Левши могли, конечно, сделать ружья и лучше британских и изготавливали такие опытные образцы. Но Александр I, преклонявшийся перед иностранцами, предпочитал закупать лучшие оружейные модели за границей вместо того, чтобы перестроить производство и выпускать аналогичные модели на русских заводах.

Д.Ю. МИЛОСЕРДОВ
Государственный Дарвиновский музей г. Москва

D.Y. MILOSERDOV
State Darwin Museum Moscow

КУКРИ ДЛЯ АФГАНСКОЙ АРМИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

KHUKURI FOR THE AFGHANIAN ARMY THE END OF THE XIX - THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Общеизвестный факт, что кукри (*khukri*, *kukri*) – является национальным оружием жителей Непала [Жиль Ф. А. Царскосельский музей с собранием оружия... СПб., 1860. С. 252; Vansittart E. Notes on Nepal, Calcutta, 1896. P. 74; Egerton, Lord of Tatton. Indian and Oriental Armour, NY, 2002. P. 100; Stone G. C. A Glossary of Arms and ... New York 1961. P. 397], хотя оно было известно и в Индии [Жиль Ф. А. Царскосельский музей с собранием оружия ... СПб., 1860. С. 252-253]. Эти тяжёлые, широкие, загнутые вниз ножи с толстым обухом и заточкой клинка по вогнутой стороне. Возле рукоятки на клинке есть фигурный вырез, называемый чо (*cho*). Ширина клинка увеличивается по направлению к острию, что позволяет нанести мощный удар при небольшом физическом усилии. Известны примеры, когда одним ударом непальцы, обращающиеся с этим оружием с величайшим мастерством [Natesan G. A. All about the war: the Indian review war book. Madras, 1915. P. 136], могли расколоть череп противника или нанести глубокие рубленые раны в область грудной клетки [Stone G. C. A Glossary of Arms and Armor ... New York, 1961. P. 397]. Рукоять этого ножа чаще всего прямая без гарды. У традиционных кукри всадной монтаж рукоятки. Стержень (хвостовик), сформированный в задней части клинка, через металлическую пластину – bolster, погружался примерно на две трети в деревянную или роговую рукоять и закреплялся.

Деревянные ножны обтянуты кожей [Gibbon F. P. A prisoner of the Gurkhas. London, 1904. P. 127]. Со стороны ножен, обращённой к телу, хранятся, обычно, малый нож, кресало, которое из-за деревянной рукоятки часто путают со вторым малым ножом и кремень в

особом кармашке. В середине XIX века традиционный непальский кукри носили, заткнув за пояс, что подтверждается фотографиями того времени [Kaye J. W., Watson J. F. The people of India ... Vol. II, London, 1868, Fig. 64, 66, 69, 70]. Некоторые авторы сравнивают кукри с топором [Stone G. C. A Glossary of Arms and Armor ... New York 1961. P. 397], обращая внимание на его габариты. В какой-то мере они правы. Ведь этот тяжёлый нож был в своё время не только оружием. Это ещё и инструмент путешественника, крестьянина, охотника. С его помощью можно обустроить лагерь, навести переправу через ручей, расчистить дорогу в зарослях, нарубить ветки для костра, разделать добытого зверя. Но его использование местным населением в боевых действиях – несомненно [Holdih T. Tibet, the Mysterious: With Maps, Diagrams and Other Illustrations. London, 1906. P. 67].

Первоочередная роль кукри, как оружия и его широкая известность связана с гуркхами – непальскими добровольцами, набравшимися в войска Великобритании и Индии с 1815 года. Исторически термин «гуркха» связан с горным районом Горкха, из которого возникло и расширилось до нынешних границ Королевство Непал [Northy W.B. Land of the Gurkhas or the Himalayan Kingdom of Nepal. London, 1937. P. 44]. Гуркхи принадлежат к самым разным непальским этническим группам, но всемирную известность они приобрели именно в качестве «гуркхских» частей в составе английской колониальной армии [Parker J. The Gurkhas: The Inside Story of the World's Most Feared Soldiers. Headline Book Publishing, 2005. P. 79]. Этих бесстрашных солдат бросали на подавление сипайского восстания. Они выступали в составе английской армии в войнах с сикхами. И, конечно, не могли не принять участие в англо-афганских войнах [Furieux J. H. Glimpses of India. A grand photographic history of the Land of Antiquity, the vast Empire of the East. Philadelphia, 1895. P. 56; Griffiths C. J. A narrative of the siege of Delhi with an account of the mutiny at Ferozepore in 1857. London, 1910. P. 131]. Для нас важным является не только этот факт, но и то, что помимо огнестрельного оружия, гуркхи обязательно были вооружены вышеупомянутыми кукри. Монтаж рукоятки этого ножа к концу XIX века в подразделениях британских гуркхов несколько изменился. Появились кукри с хвостовиками, идущими через всю рукоять и расклёпанной на торце. Это несколько усложнило конструкцию, но сделало монтаж рукоятки надёжнее. А в начале XX века появляется и начинает развиваться модель с деревянными или роговыми накладками, смонтированными на полноразмерный хвостовик, представляющий монолит со стальными bolsterом и торцевой частью.

Несколько изменились и ножны. У пятидесятисантиметровых кукри, состоявших на вооружении в гуркских частях, на ножнах появился подвес из двух кожаных петель для ношения оружия на пояском ремне справа [Vansittart E. Notes on Nepal. Calcutta, 1896. P. 74]. С левой стороны на поясе был закреплён винтовочный штык в ножнах.

В рукопашных схватках с афганцами, вооружёнными холодным оружием, когда люди находились почти вплотную друг к другу, кукри оказывался гораздо удобней и эффективней штыка, что подтверждается многочисленными воспоминаниями британских офицеров [Robertson G. S. Chitral. The story of a minor siege. London, 1899. P. 346; Gibbon F. P. A prisoner of the Gurkhas. London, 1904. PP. 210-211; Scott G. B. Twenty Years on the North-West Frontier. Allahabad, 1906. P. 63; Diver M. The judgment of the sword: the tale of the Kabul tragedy, and of the part played therein by Major Eldred Pottinger, the hero of Herat. Toronto, 1913. PP. 96, 161]. Вероятно, эта смертоносная эффективность и привлекла внимание афганцев, которые легко перенимали и использовали как форму британской армии [Elphinstone M. An Account of the Kingdom of Cabul. L., 1815. P. 532; Grant J. Recent British battles on land and sea. London, 1884. P. 77; Гамильтон А. Афганистан. СПб., 1908. С. 172], так и оружие англичан [Bellew H. W. Journal of a Political Mission to Afghanistan in 1857. L., 1862. P. 89; Центральный государственный военно-исторический архив. Ф. 3, Д. 445, ОП. 1. Л. 16].

Результатом такого внимания стало изготовление в конце XIX века на Машин Хана в Кабуле армейских образцов кукри, краткое упоминание о которых можно найти в работе Сирадж аль-Таварих, написанной историком при дворе эмира Абдурахмана - Фаизом Мохаммадом Катибом Хазарой. Описывая события 23 мая 1897 года, он пишет: «В этот день Его Величество приказал вручить г-ну Гатри (John Guthri) за верную службу правительству 7000 рупий наличными, десять монет, отчеканенных правительственным монетным двором Афганистана, и два ножа кукри, изготовленные в правительственных цехах [ed. McChesney R.D., Khorrami M.M. The History of Afghanistan I (6 vol. set) Fayz Muhammad Kātib Hazārah's Sirāj al-tawārikh, Leiden, 2013. P. 1820].

Подтверждением того, что подобные «афганские» кукри действительно производились на Машин Хана, служат реально существующие образцы этого оружия. На сегодняшний день известно три варианта таких «афганских» кукри, отличающиеся друг от дру-

га незначительными деталями. Объединяет их одинаковый размер (51–52 см), толщина спинки и форма клинка, материал и монтаж рукояти, наличие клейм Машин Хана на голомении клинка ближе к рукояти.

Первый вариант – 51 см длиной, с клинком 39 см, с незначительным внутренним изгибом. Вырез у рукояти (чо) – ярко выражен. На голомениях клинка параллельно обуху и почти рядом с ним проходят по одному широкому неглубокому и короткому долу, идущему от рукояти. Спинка клинка оформлена в виде «домика», то есть имеет выступающее ребро. На левой голомении клинка выбиты два клейма: прямоугольное клеймо Машин Хана и под ним овальное с «арабскими» цифрами – дата, переводящаяся с лунной хиджры, как 1895 год. Латунный bolster отделяет клинок от деревянной рукояти. Рукоять смонтирована с клинком при помощи хвостовика, идущего через всю рукоять и имеющим на торцевой части выступающую квадратную гайку. Ножны деревянные, оклеены чёрной кожей, с маленьким железным наконечником, типичной формы. Подвес не предусмотрен. То есть кукри в таких ножнах можно было носить, исключительно заткнув за пояс. Не утверждая, что данные ножны являются аутентичными, считаем необходимым отметить, что известны, как минимум, четыре аналогичных кукри, изготовленных на Машин Хана, с подобными ножнами.

Второй вариант практически идентичен первому по всем характеристикам, включая клейма. Отличия заключаются в чуть менее массивной деревянной рукояти и в том, что вместо одного широкого дола на голомениях вырезаны по два более узких. Ножны таких кукри менее плоские. Они не оклеены кожей, а обтянуты ей. Широкая кожаная полоса выполняет функцию, аналогичную муфте для подвеса традиционных ножей (карудов). Спереди через неё проходит латунный шпенёк, на который накидывается кожаная полоска, фиксирующая кукри в ножнах. Сзади ремень, позволяющий носить ножны на поясе.

Третий вариант похож на два описанных ранее, но чуть длиннее – 52 см, клинок почти 42 см, более широкий и с сильным внутренним изгибом. Баланс этого кукри настолько смещён к острию, что рука сама опускается вниз под его весом. Вырез у рукояти, называемый «чо», менее выражен. На голомениях клинка параллельно обуху от самой рукояти проходят по два узких неглубоких и коротких дола. Ребро «домика» обуха клинка более выражено, чем у предыдущих образцов. На правой голомении клинка, ближе к осно-

ванию, выбито квадратное клеймо «Машин Хана». К сожалению, неизвестно как выглядели ножны этого образца. Но логично предположить, что они были идентичны ножнам второго варианта.

Все типы, рассмотренные выше, известны в нескольких экземплярах, изготовлены заводским способом, все имеют деревянные рукояти и клинки, проштампованные клеймом арсенала в Кабуле. То есть все эти кукри, несомненно, изготовлены для армии. Таким образом, можно с уверенностью говорить, что на «Машин Хана» производили как минимум три варианта кукри для армии. Судя по малому количеству реально известных предметов, можно предполагать, что это были небольшие партии, возможно выпущенные в качестве эксперимента.

Д.Ю. МИЛОСЕРДОВ
Государственный Дарвиновский музей г. Москва

D.Y. MILOSERDOV
State Darwin Museum Moscow

**ПОРОХОВНИЦЫ ИЗ ФОНДОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО
ДАРВИНОВСКОГО МУЗЕЯ**

**POWDER FLASK OF THE COLLECTION OF THE STATE
DARVIN MUSEUM**

Фонды Государственного Дарвиновского музея включают разнообразные коллекции, часть из которых непрофильные. Например, коллекция «Орудия лова». Так как Дарвиновский музей — естественнонаучный, коллекция «Орудия лова» долгое время являлась второстепенной, практически не пополнялась и была мало изучена. К таким экспонатам относятся пороховницы, переданные в 1950-ые годы в фонды Дарвиновского музея из Политехнического музея и полученные в 2015-2016 годах в качестве даров от частных лиц.

Для начала рассмотрим экспонаты, поступившие в фонды музея в середине XX века. На самом деле пороховницей является только один из экспонатов, а два других экспоната — это комплексы предметов, использовавшихся на ружейной охоте. Начнём мы именно с пороховницы КП НВФ-7920. Изготовлена она из дерева и сверху оклеена чёрной кожей (шагрень). На одной из сторон небольшое металлическое кольцо, закреплённое под кожей. Кольцо используется для подвешивания пороховницы к поясу. Крышка пороховницы (частично повреждена) и дозатор изготовлены из трубчатых костей млекопитающих [Милосердов Д.Ю. Определение остеологического материала... Методическое пособие. М., 2017. С. 38-40], а декоративный шарик из моржовой кости (клык моржа) [Милосердов Д.Ю. Определение остеологического материала... Методическое пособие, М., 2017, С. 22-25]. Пороховница была записана в книгу поступлений, как принадлежащая народам Севера.

Внимательное изучение материалов в фонде редкой книги ГДМ, посвящённых народоведению, а также консультации сотрудников Российского этнографического музея Санкт-Петербурга, помогли определить, что на самом деле пороховницы такой формы никогда

не использовались народами Севера России. Называется данный тип «барудан» (*barudan*) и был в XVII—XIX веках распространён на Востоке [Стоун Дж.К. Оружие и доспехи. М., 2010. С. 57, 59]. Аналогичные формы встречались в арабских странах [Pinchot O.S. Arms of the Paladins: The Richard R. Wagner Jr. Collection of Fine Eastern Weapons. USA, 2014. P. 146], Индо-Иранском регионе и на Кавказе. Причём пороховницы такой формы изготавливались и из стали [Bartholomew A. Fight, Pray, Love, SPb., 2015. PP. 30, 74], и из целых раковин моллюсков наутилуса (*Nautilus pompilius*) [Образцов В.С. Оружие Востока в собрании Эрмитажа, СПб.: Эрмитаж, 2015. С. 218], могли быть инкрустированы мелкими пластинками раковин или слоновой кости или обтянуты бархатом, расшитым золотой канителью, или обработанной акульей кожей (голюша), украшались серебром. Пороховница из нашей коллекции больше всего похожа на индоиранскую, но некоторые элементы позволяют с высокой долей уверенности утверждать, что она изготовлена на Кавказе.

На «кавказский след» нашей пороховницы указывает следующее:

1) тип кожи, которым оклеена пороховница, типичен для ножен традиционных кавказских кинжалов;

2) для элементов, изготовленных из клыка моржа (*Odobenus rosmarus*), в других регионах обычно использовались дерево и металл;

3) через металлическое кольцо, закреплённое на пороховнице, продёрнут кожаный «подвес» из сыромятной кожи, аналогичный подвесам, которые используются для ношения кавказских кинжалов.

Повес представляет собой петельку, образованную небольшим сыромятным ремешком, концы которого завязаны узлом очень специфической формы. Эта петля пропущена через металлическое кольцо так, что узел оказывается снизу и фиксирует пороховницу на ремешке-подвесе. Данный подвес совершенно нетипичен для народов Севера России, зато широко распространён на Востоке, в том числе и на Кавказе. В завершение надо отметить, что аналогичная пороховница приводит в своей монографии Э.Г. Аствацатурян [Аствацатурян Э.Г. Оружие народов Кавказа, СПб., 2014. С. 94-95].

Второй экспонат, записанный в книгу поступлений как натруска, на самом деле является комплексом предметов охотника русского Севера. Первый предмет — это натруска типичной для Европы и России XIX века формы, с металлическим дозатором, изготовленная из кости и металла КП НВФ-7919/1. Она представляет собой полый сосуд дисковидной формы, состоящий из двух костя-

ных частей, по месту соединения которых закреплена загнутая обрубком металлическая пластинка, концы которой скреплены между собой винтом на стороне, противоположной дозатору пороха. Лицевая часть ближе к краю украшена орнаментом в форме латинских букв «V», развёрнутых в разных направлениях. Ближе к центру орнамент напоминает стилизованный цветок. В верхней части натруски на металлическом обруче и костяном корпусе просверлено сквозное отверстие, на котором закреплена металлическая трубка. По бокам пороховницы имеются круглые накладные пластинки с установленными в них ушками для продевания кожаных ремешков. Через эти ушки для дополнительной прочности по верхнему обхвату пороховницы протянута полоска из кожи. Также в ушки продеты кожаные ремешки, закрепляющиеся на медных кольцах по обе стороны натруски. По орнаментике можно сделать вывод о том, что это русская натруска, хотя на Руси часто использовались натруски такой формы, «пришедшие» из Западной Европы. Мы решили, что это не пороховница из-за относительно небольшого размера экспоната. Второй предмет комплекса — дробница КП НВФ-7919/4: небольшая коробочка для хранения дробы, изготовленная из верхней части рога полорого животного, скорее всего, домашнего быка (*Bos taurus taurus*) [Милосердов Д.Ю. Определение остеологического материала... Методическое пособие. М., 2017. С. 56, 58, 60]. Третий предмет — мешочек для пуль КП НВФ-7919/2. Он сшит из цельного куска кожи, который был согнут. Шов наложен по краю крупными стежками. В верхней части мешочек образует горловину, в которую вставлена деревянная пробка. Четвёртый предмет — кресало КП НВФ-7919/3, металлическая пластинка (стальная), служащая для добывания огня путём ударов о кремень. Форма кресала наиболее распространённая для Севера России начиная с VII—IX века — калачевидная с небольшими завитками на концах рукоятки.

Также, к связке прикреплено приспособление для забивки пыжа в патроны в виде круглой в сечении деревянной палочки КП НВФ-7919/5, верхняя часть которой имеет уплощённую головку в форме квадрата с отверстием для фиксации кожаной завязки. Ремешок из кожи, к которому привязаны вышеуказанные детали, завязывался на поясе охотника [Pauly G. T. Description ethnographique des peuples de la Russie. T. II, SPb., 1862. P. 20].

Третий экспонат, вызывающий несомненный интерес, также состоит из нескольких предметов, и в книге поступлений также был записан как набор охотников Севера России. Исследовав экспонат, мы предполагаем, что это охотничий набор из Средней или Центральной Азии КП НВФ-7918/1-4. Прежде всего, об этом говорит

кожаная пороховница фляжкообразной формы КП НВФ-7918/1. Пороховницы такой формы встречались в Центральной Азии. [Pauly G. T. Description ethnographique des peuples de la Russie. T. I, SPb., 1862]. В России они не использовались, вероятно, из-за того, что в условиях влажного климата в межсезонье и минусовых температур зимой кожа бы коробилась и пороховница теряла бы форму, а порох в ней отсыревал. В условиях же аридного (сухого) климата Центральной Азии использование такой пороховницы вполне логично. Пороховница сшита из нескольких кожаных деталей. Швы очень аккуратные. По бокам пороховницы пришиты кожаные ремешки, соединяющиеся с основным. Плоская поверхность пороховницы украшена тиснёным циркульным орнаментом и орнаментом из коротких палочек, которые, располагаясь параллельно, образуют большие круги. Пробка также изготовлена из кожи, и к ней прикреплен ремешок, предотвращающий потерю на охоте.

Предмет, напоминающий по форме кресало КП НВФ-7918/4, изготовлен из мягкого жёлтого металла, богато украшен гравировкой, его навершия оформлены в виде двух стилизованных птиц. На нижнем ободе и перемычке предмета находятся небольшие зажимы, на которых закреплены пистоны (капсюли), использовавшиеся в пистонном ружье. Это позволяет сделать вывод, что мы имеем дело с пистонницей — предметом для ношения капсюлей. Вероятно, в данном случае пистонница, помимо своей главной функции, играет ещё и сакральную роль, выступая в роли шумящей привески-амулета, который по традиции многих народов, в том числе исповедующих мировые религии, призван отгонять злых духов.

Два других предмета КП НВФ-7918/2-3 похожи друг на друга, имеют цилиндрическую форму и изготовлены из плотной древесины и расточены с обеих сторон (с торцов), так что края цилиндров образуют трубки. Перемычка, выбранная кольцом по центрам цилиндров, нужна для того, чтобы ремешки, которыми они крепятся к поясу, были жёстко зафиксированы и предотвратили выскальзывание цилиндров. На концах цилиндров, там, где их стенки наиболее тонкие, надеты кольца из жёлтого металла. Благодаря консультации сотрудника Российского этнографического музея Д. А. Шереметьева, мы можем с высокой долей уверенности утверждать, что эти предметы — хранилища для заранее отмеренных зарядов пороха, то есть аналогичны кавказским газырям. В нашем случае роль крышечек, вероятнее всего, играли войлочные пыжи, которыми должны были затыкаться отверстия. К сожалению, они были утеряны.

В последнее время от частных коллекционеров в музей поступили североафриканские пороховницы. Первая пороховница КП НВФ-17551, привезённая из Алжира, могла принадлежать, как алжирцу, так и марокканцу [Tirri A. C. Islamic and Native Weapons of Colonial Africa 1800-1960, USA: Indigo Publishing, 2007, P. 604; Pinchot O.S. Arms of the Paladins: The Richard R. Wagner Jr. Collection of Fine Eastern Weapons. USA, 2014. P. 146]. Это рог для пороха тёмно-коричневого цвета с железными деталями. Изготовлен из рога полорогового животного [Милосердов Д.Ю. Определение остеологического материала... Методическое пособие. М., 2017. С. 56, 58, 60] с незначительными трещинами и сколами. Основание рога охватывает широкое железное кольцо с примитивной гравировкой, которое маленькими железными гвоздиками соединено с роговой крышкой. Ранее это была съёмная крышка, через которую в рог засыпался порох. На сегодняшний день она «прикипела» к собственно рогу и не функционирует. На противоположном конце рога (со стороны острия) надета железная трубка воронкообразной формы, повторяющая форму рога. На самом конце рога – отверстие, через которое пороховой заряд засыпали в дульнозарядное ружьё. Заглушка, которая должна фиксировать отверстие, к сожалению, утеряна. С вогнутой стороны рога в нём закреплены две крупных железных петли из толстой проволоки, проходящей рог насквозь, которые соединены железной цепочкой сложного плетения. Данная конструкция – подвес. Между проволочным кольцом, находящимся с узкой стороны рога и самим рогом присутствует тонкая железная прокладка, которая должна предотвратить высыпание пороха из рога. В месте соединения проволоки с рогом у его основания такая прокладка утеряна.

Вторая пороховница КП ОФ-16990/1-2 однозначно идентифицируется, как бытовавшая в Алжире и там же изготовленная [Tirri A. C. Islamic and Native Weapons of Colonial Africa 1800-1960, USA: Indigo Publishing. 2007. P. 610]. Она выполнена из дерева и имеет форму баклажки. Основная часть, где хранился порох, дисковидной формы. Внешняя сторона «диска» выполнена в виде конуса и богато орнаментирована традиционной алжирской резьбой (геометрические орнаменты, концентрические окружности, пальметы со стилизованными восемью лепестковыми цветами). Обратная сторона диска, оказывающаяся при ношении пороховницы у тела владельца, имеет форму незначительно выпуклой линзы. Она покрыта неглубокой резьбой по дереву в виде стилизованного крупного шести лепесткового цветка, вписанного в четыре окружности, каждая из

которых образована двумя линиями. Верхняя часть диска переходит в два выступа, расположенных по бокам от длинного изящного горлышка пороховницы. К этим треугольным выступам крепятся тонкие железные кольца, которые используются для подвеса. Пороховница выполнена из двух частей. Нижняя дисковидная часть вырезалась отдельно из массива дерева, а потом при помощи клея и четырёх деревянных шпилек соединялась с вырезанной из другого куска дерева горловиной с выступами (к выступам нижняя часть и крепится деревянными шпильками). Если рассматривать диск пороховницы сбоку – видны швы в местах соединения деревянных частей. Горлышко закрывается пробкой, вырезанной из дерева. Затычка имеет цилиндрическую форму с двумя расширениями: в виде шара и в виде уплощённого шара с ребром.

Использование этнографических предметов и орудий лова позволяет существенно расширить возможности выставочной работы, например, позволяя ярче представить различные экзотические регионы, отражая их колорит. На подобных выставках естественнонаучные экспонаты дополняются этнографическими, создавая цельную картину местности, о которой идёт речь и, позволяя посетителям погрузиться в атмосферу выставки.

Е.О. МОШОНКИНА
МГХПА Строганова
Е.О. MOSHONKINA
MGHPA Stroganova

МУЗЕЙНЫЕ И ЧАСТНЫЕ СОБРАНИЯ ОРУЖИЯ MUSEUM AND PRIVATE COLLECTIONS OF WEAPONS

Возраст собирательства предметов оружия соизмерим с историей цивилизованного человечества. Страсть человека к коллекционированию оружия, прослеживалась постоянно. Подобные процессы происходили в России во второй половине XIX столетия, когда частная и музейная коллекционная деятельность переживала невиданный подъем. Были накоплены богатейший опыт и прочные традиции, которые, несомненно, представляют интерес для современных коллекционеров.

В этот же период перед государственными музеями стояли задачи, связанные с популяризацией своих коллекций. Крупнейшие оружейные собрания музеев становились достоянием широкой публики. В 60-х годах XIX века в специальных зданиях готовили новые музейные экспозиции Оружейная палата в Московском Кремле, Петербургский Артиллерийский музей в Кронверке Петропавловской крепости. Подготовка музейных экспозиций была важнейшим стимулом активной научно-исследовательской работы, создания каталогов коллекций и путеводителей.

Огромное значение имели каталоги оружейных коллекций, заложившие основы российского оружиеведения. Впоследствии оно заняло достойное место в ряду вспомогательных исторических дисциплин.

Для коллекционеров того времени каталоги являлись энциклопедическими настольными книгами, учебными пособиями в собирательской деятельности. В них черпали огромный фактологический материал и исторические сведения по развитию типов и видов оружия, их истории, применению, производству.

Важнейшую роль в разработке принципов научной систематизации оружейных памятников сыграла «Опись Московской Ору-

жейной палаты, три тома которой, были посвящены оборонительному, холодному и огнестрельному оружию».

Издание подготовлено на основе материалов Л.П. Яковлева, работавшего с коллекцией в 1862-1865 годах. Автор строго придерживался типологического принципа описания коллекции, а образцы каждого типа оружия расположил в хронологии, что дает представление о последовательном развитии каждого типа и вида оружия. Особое место отведено истории оружия, приведены выдержки из архивных материалов и старых описей. В некоторых случаях сделан анализ определения по клейму, надписи, орнаментике, времени.

В этом плане интересен замечательный пример из русской научной жизни рубежа XIX–XX столетий. Крупнейший русский историк оружия этого времени Эдуард Ленц в 1895 году опубликовал «Опись собрания оружия графа С.Д. Шереметева».

Шереметевская коллекция в этот период временно находилась в Петербурге в Фонтанном доме графской семьи. Создание каталога было своего рода подготовкой к открытию в подмосковном Остафьеве общедоступного музея. Этот каталог до сих пор может служить образцом исследования оружейных коллекций. Ленц уделял внимание вопросам правильной атрибуции предметов, их подлинности с точки зрения особенностей оружейного производства, техники и характера украшения, клеймения оружия.

Во всех этих каталогах важнейшее место отводилось систематизации материала и методике описания оружейных образцов. Коллекционеры понимали важность этой работы, и все больше стремились к тому, чтобы коллекции получали профессиональные научные описания, систематизировались с учетом особенностей оружейного материала. Сформированная коллекция в целом и каждый включенный в нее отдельный памятник приобретают историко-культурное значение и ценность.

Готовы ли современные коллекционеры оружия воспринять идеи XIX века и использовать накопленный опыт? Неразрывную связь традиций продолжают потомственные коллекционеры, которые с гордостью говорят о втором и третьем поколении собирателей. В этом им поможет опыт XIX столетия.

А.В. НИКОЛАЕВ

Российское военно-историческое общество

М.В. ПИТЬЕВА

МБУ «Краеведческий музей г.о. Сызрань»

Н.А. ДЕКТЯРЕВА

МБУ «Краеведческий музей г.о. Сызрань»

A.V. NIKOLAEV

Russian military historical society

M.V. PITKOVA

Museum city district Syzran

N.A. DEKTYAREVA

Museum city district Syzran

ТРИ ПРЕДМЕТА ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО ЗАЩИТНОГО ВООРУЖЕНИЯ ИЗ СОБРАНИЯ МБУ «КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ Г.О. СЫЗРАНЬ»

THREE PARTS OF THE WESTERN EUROPEAN ARMOURS FROM THE COLLECTION MUSEUM CITY DISTRICT SYZRAN

Целью данного исследования является введение в научный оборот разрозненных элементов западноевропейского защитного снаряжения из коллекции МБУ «Краеведческий музей г.о. Сызрань», определение их датировки и возможных мест изготовления. К этим элементам относятся шлем с забралом (инв.№ О.10), нагрудник (инв.№ О.12) и латный наколенник (инв.№ О.69). Предметы до настоящего времени не имели подробного описания, не датированы и ранее в специальной литературе не публиковались.

Как такового, краеведческого музея в Сызрани до 20-х годов XX века не существовало. Печатались лишь не систематизированные труды по геологии, почвоведению, истории и предпринимались отдельные попытки по организации краеведческой работы. «Музей Местного Края» был организован летом 1923 г. Уже 1 января 1924 года в газете «Красный Октябрь» было опубликовано обращение ко всем гражданам г. Сызрани и Сызранского уезда с призывом принять активное участие в создании коллекции музея и предоставить в его распоряжение всевозможные источники, имеющие отношение к истории и культуре края.

В журнале учета поступивших в музей предметов за 1925 год среди более многочисленных единиц восточного оружия и вооружения значатся и исследуемые экспонаты с кратким описанием: «Шлем Родосских рыцарей» (п.н. 101), «Панцырь нагрудный Родосских рыцарей» (п.н.103) и «Наколенник рыцарских доспехов» (п.н.106). Все предметы имели происхождение из бывшей коллекции графов Орловых-Давыдовых из имения в селе Усолье под г. Сызранью. К сожалению, целостность собрания и архивов семьи коллекционеров сильно пострадала из-за событий 18–19 гг. XX столетия, последовавших за сменой власти в России и, как следствие, вынужденной эмиграцией хозяев усадьбы за пределы Родины. Информацию о времени и обстоятельствах приобретения предметов в коллекцию Орловых-Давыдовых выяснить не удалось.

Шлем.

Т.н. «салад» итальянского типа с забралом оформлен в немецком стиле («алла tedesca»). Шлем состоит из четырех выполненных отдельно деталей, собранных вместе при помощи клепки – тульи, налобного усиления, назатыльника и забрала. Купол тульи шлема декорирован продольными центральному гребню ребрами. Забрало и налобное усиление также декорировано ребрами, расходящимися веерообразно. Плоскости между ребрами, возможно, были дополнительно декорированы методом гравировки поверхности. На обеих скуловых и затылочной частях тульи шлема просматриваются идентичные друг другу цеховые клейма. Выявить принадлежность клейм конкретным мастерским или центрам производства доспехов пока не представляется возможным. Дополнительно стоит отметить уникальную для подобных шлемов геометрию забрала.

Шлем реставрировался дважды. Первый раз в не установленное время (до 1925 г.), второй раз в 1991 г. в московском кооперативе «МУЗЕУМ-ДИЗАЙН».

По сходным конструктивно образцам из зарубежных и отечественных музейных собраний, стилю и характеру декорирования, а также изобразительным источникам, шлем, возможно, датировать временным интервалом 1510–1530 гг. Если принять версию о происхождении шлема именно с острова Родос, то верхняя датировка ограничивается 1522 г. (год взятия укреплений острова войсками турецкого султана Сулеймана I).

Нагрудник.

Кираса довольно массивная и выполнена одной деталью. Поверхность нагрудника средней выпуклости с центральным вертикальным ребром. Шейный вырез и проймы имеют массивную отбортовку наружу. Нижний край нагрудника не обработан отбор-

товкой и не ровный. Судя по остаткам заклепок по бокам нижнего края, возможно предположить наличие 2–3 утраченных пластин кулета в изначальной комплектации нагрудника. Цеховые клейма на поверхности отсутствуют. Реставрация нагрудника не производилась.

По сходным конструктивно образцам из зарубежных музейных и частных собраний, общей геометрии и стилю оформления, нагрудник, возможно, датировать временным интервалом 1500–1510 гг. Местом производства могли быть мастерские Италии, Испании или Фландрии.

Наколенник.

Исследуемый элемент защитного вооружения изначально являлся частью правого полного латного поножа. В современном состоянии наколенник состоит из пяти отдельных деталей, собранных при помощи клепки. Это чаша непосредственно наколенника с наружной боковой пластиной, переходная пластина к набедреннику (вторая переходная пластина и сам набедренник утрачены), две переходные пластины к наколеннику и пластина для защиты фронтальной части голени. Все элементы поножа имеют выраженное вертикальное центральное ребро. Поверхность защищающей голень пластины полностью покрыта вычеканенными волнообразными ребрами, расходящимися от центра к периферии. Нижний край пластины декорирован пропилами. Сама деталь необычно длинна и должна была закрывать всю голень целиком до стопы. Боковая пластина наколенника округлой формы с небольшим загибом внутрь и граненой впадиной треугольной формы по центру. Цеховые клейма на поверхности отсутствуют. Реставрация наколенника не производилась. Состояние неудовлетворительное и внушает опасения за целостность и общую сохранность предмета.

По сходным конструктивно образцам из зарубежных музейных и частных собраний, общей геометрии и стилю оформления наколенник, возможно, датировать концом XV – началом XVI столетия (до 1510 года). Местом производства могли быть мастерские Италии или Испании.

К сожалению, из-за лакун в архивных документах и сведениях о бывшей коллекции Орловых-Давыдовых, безапелляционно атрибутировать предметы, как связанные именно с островом Родос, не представляется возможным. Тем не менее, параметрические характеристики, конструктивные и стилистические особенности исследуемых элементов защитного вооружения из МБУ «Краеведческий музей г.о. Сызрань» идентичны экземплярам из государственных и частных коллекций, уверенно атрибутированным в мировом

оружиеведении как детали защитного вооружения из арсенала ордена Св. Иоанна. Также, в этом вопросе внушает некоторый оптимизм уверенное определение принадлежности предметов Родосским рыцарям в записях о поступлении в фонды музея. Вполне возможно, что они были основаны на точных документальных источниках, ныне утраченных.

В любом случае, рассмотренные в статье предметы являются редкими и уникальными сохранившимися до нашего времени образцами западноевропейского защитного вооружения рубежа XV–XVI столетий, и становятся в один ряд с единичными экземплярами, представленными в коллекциях ведущих музеев Мира. Еще большая ценность этих предметов латной экипировки заключается в том, что они, так или иначе, связаны с историей России и находятся в собрании именно отечественного музея.

Н.А. ОВОДКОВ
Военно-исторический музей артиллерии,
инженерных войск и войск связи

N.A. OVODKOV
Military-historical museum of artillery, engineer and signal corps

**НЕИЗВЕСТНЫЙ ОРУЖЕЙНИК Н.В. ЛУТКОВСКИЙ:
К ИСТОРИИ РАЗРАБОТКИ И ИСПЫТАНИЙ
МАГАЗИННЫХ ПЕРЕДЕЛОЧНЫХ ВИНТОВОК СИСТЕМЫ
БЕРДАНА-ЛУТКОВСКОГО РАЗЛИЧНЫХ МОДЕЛЕЙ
В 1880-е ГОДЫ В РОССИИ**

**UNKNOWN ARMSDESIGNER N.V. LUTKOVSKIY: CREATION
AND TRIALS OF BERDAN-LUTKOVSKIY EXPERIMENTAL
RIFLES IN 1880-th IN RUSSIA**

Путь перевооружения армий стран мира в 1870–80-х годах кардинально отличался от русского. Перевооружение магазинными системами в ряде стран произошло в конце 1870-х и в 1880-е годы, а Россия в этот период ограничилась масштабными опытами и испытаниями магазинных систем. Этот период можно назвать «промежуточным», так как армии перевооружались магазинными винтовками под дымный порох, а в 1886 году с появлением бездымного пороха, многим пришлось вторично проходить процесс перевооружения. Во Франции была принята на вооружение 11-мм. магазинная винтовка системы Гра-Кропачека обр. 1874–78 гг. (с подствольным магазином), модернизированная в 1884 году, а в 1886 году была принята 8-мм. магазинная винтовка системы Лебеля обр. 1886 г. уже под бездымный порох; в Китае была принята магазинная винтовка системы Ли обр. 1872 года (с серединным магазином); в Австро-Венгрии была принята магазинная винтовка системы Манлихера обр. 1886 года (пачечный магазин); в Дании была принята 11-мм. магазинная винтовка системы Бомон-Витали обр. 1871-78 гг. (с подствольным магазином); в Италии была принята магазинная винтовка системы Веттерли-Витали обр. 1871–87 гг. (с подствольным магазином) и т.д.

В 1870-х годах исследования и испытания магазинных систем в России носили хаотичный характер, ведь совсем недавно была при-

нята на вооружение надежная и простая 4,2-лин. винтовка системы Бердана обр. 1870.

На рубеже конца 1870-х и начала 1880-х Отдел по оружейной части Артиллерийского комитета Главного Артиллерийского управления (далее ГАУ) начал систематически изучать и испытывать разнообразные магазинные винтовки. Очевидно, что на это повлияло все большее распространение магазинных винтовок в армиях по всему миру.

Первым этапом в организации процесса изучения и испытаний магазинных систем в России можно считать образование различных комиссий, помимо уже существовавшего Оружейного отдела Артиллерийского комитета.

В 1883 году были образованы Комиссия по испытанию магазинных ружей при оружейном стрельбище на Волковом поле, а после закрытия стрельбища в июле 1883 года, была образована Комиссия при Офицерской стрелковой школе.

Более значимой считалась Комиссия по испытанию магазинных ружей, а Опытная комиссия при Офицерской стрелковой школе, в свою очередь, оказывала ей полное содействие. В действительности, обе Комиссии работали бок о бок, имея схожий состав, тем более что после закрытия стрельбища на Волковом поле, основным полигоном стало стрельбище при Офицерской стрелковой школе.

В 1883 году Комиссиями сообщено было намечено два пути подготовки перевооружения русской армии магазинными винтовками: переделка уже существующей штатной винтовки системы Бердана обр. 1870 года в магазинную и разработка новой 4,2-лин. магазинной винтовки. В действительности, на протяжении 1883–1888 гг. специалисты шли и тем и другим путями, но акцент делали на переделке штатной винтовки. При налаживании процесса это было финансово выгоднее, быстрее по времени и удобнее для русского солдата. С другой стороны, переделочная система не должна была быть сверхсложной в использовании.

На тот момент существовало не так много оружейников, которые, представляя на рассмотрение Артиллерийского комитета свои конструкции, могли удивить разнообразием модельного ряда предлагаемых ими конструкций. Это означает, что каждый оружейник работал над каким-то определенным видом магазинных устройств, не переходя с разработки подствольных магазинов на разработку магазинов в прикладе. Но, бывали и исключения.

Именно такой незаурядной личностью оказался офицер-оружейник Николай Владимирович Лутковский. На данный момент известен достаточно короткий период его деятельности, как

оружейника, а именно, 1882–1885 годы. Официально, в 1882 году Н.В. Лутковский был прикомандирован к Тульскому оружейному заводу на срок до 3 месяцев для изготовления там ускорителей заряжания для винтовок. Некоторое время спустя срок был продлен.

Если говорить о разнообразии предложенных им магазинных системы, Н.В. Лутковский был уникальным изобретателем – в истории ручного огнестрельного оружия встречаются упоминания о приспособлении к штатной винтовке Бердана обр. 1870 года сначала магазина в прикладе, затем U-образного постоянно-приставного магазина и, наконец, постоянно-приставного магазина со сменной пачкой на шесть патронов.

В коллекции Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи удалось обнаружить второй и третий варианты, а также неизвестный на данный момент боковой постоянно-приставной магазин. Собственно говоря, все вышеуказанные системы, как и их автор, практически не изучены.

Отдельный интерес при изучении биографии Н.В. Лутковского представляют предпосылки создания им магазинных конструкций. Оружейник не получал никакого специального технического образования но, явно, имел склонность к конструированию. Кроме того, создание перспективных конструкций требовало от разработчика некоего уровня осведомленности о том, что происходило на тот момент в мире и, частности, в России, в рамках развития ручного огнестрельного оружия. В контексте изучения его биографии этот вопрос требует дальнейшего изучения.

Н.В. Лутковский родился в 1852 году. В 1869 году он выпустился из Московской 4-й гимназии с серебряной медалью [Соколов Д.А. Пятидесятилетие Московской 4-й гимназии (1849–1899). М.: тип-я «Рус. т-ва печ. и изд. дела», 1899. С. 252].

В 1877 году, став рядовым на правах охотника в Санкт-Петербургского местном батальоне, русско-турецкую войну 1876–77 года он прошел в составе 13-го драгунского полка (позже 37-го драгунского конного Военного ордена полка) и был награжден знаком отличия. В 1879 году он был командирован в Тверское кавалерийское юнкерское училище для слушания лекций [РГВИА Ф. 400 Оп. 17 Д. 1059 Л. 5-12].

В 1881 году прапорщик Н.В. Лутковский был назначен исполняющим дела заведовавшего оружием в полку. В 1882 году, уже, будучи произведенным в корнеты, молодой офицер неожиданно предстает перед нами в роли оружейника, прикомандированного к Тульскому оружейному заводу для разработки своих же опытных магазинных систем. Более того, из источников становится

известно, что корнет некоторое время состоял в качестве совещательного члена при Артиллерийском комитете во время масштабных испытаний магазинных винтовок в первой половине 1880-х годов.

Данная статья – первая попытка изучить биографию неизвестного русского оружейника Н.В. Лутковского, а также ввести в научный оборот материальные источники, сохранившиеся в коллекции ВИМАИВиВС, а именно, редкие магазинные винтовки, датируемые первой половиной – серединой 1880-х годов.

А.С. ПАНИН

«Тульский историко-архитектурный музей» (МБУК «ТИАМ»)

A.S. PANIN

«Tula historical and architectural museum» (МБУК «ТИАМ»)

КРИВОНОГОВ – ОРУЖЕЙНИК, КРАЕВЕД, ИЗЫСКАТЕЛЬ

**KRIVONOGOV – GUNSMITH, LOCAL HISTORIAN,
PROSPECTOR**

Говоря о необходимости изучения города как целостного «социального организма» можно согласиться с известным тульским историком и знатоком оружейного производства В.Н. Ашурковым (1904–1990), который ещё в первой половине прошлого века отмечал, что городская социальная история «разработана весьма неравномерно». «Само население города в процессе его векового развития... мало освещено... остаётся недостаточно изученным городское ремесленное население...» [Ашурков В. Н. Тульские оружейники и их классовая борьба в XVII – 1-й четверти XIX веков. – Тула, 1947. С. 9 – 10].

В какой-то степени проблемы городской социальной истории сегодня разрабатывает история повседневности, однако в центре её внимания зачастую оказываются привилегированные сословия и образованные классы, оставившие наиболее заметный след в письменных источниках. «Безмолвствующее большинство» реже попадало на страницы документов, хотя то же «городское ремесленное население» нередко делало для процветания города больше, чем материально обеспеченное купечество или духовно богатое дворянство. Представляется что это верно для многих русских городов но, в особенности для такого города как Тула.

Тула это город преимущественно мастеровой, ремесленный, основную часть «градских жителей», во всяком случае, до второй половины XIX столетия, составляли мещане и оружейники. «С конца 1810-х гг. по меньшей мере, до начала 1860-х общая их доля в городском населении стабильно превышает 70%...» [Тульские оружейники: Сборник документов/ Отв. Ред. И.Н. Юркин. – М., 2003. С.21].

Следует отметить, что в Туле «безмолвствующее большинство» часто вовсе не безмолвствовало. Посвящая свою работу борьбе тульских оружейников за свои интересы, Ашурков упоминает о любопытных документах, составленных рабочим людом и, в частности, о доносе, поданном в качестве «обобщённых претензий» оружейников правящему императору Александру I (1777–1825) в 1800-м году. В этом доносе было отражено «стремление массы оружейников-ремесленников и «кустарей» отстоять своё право на самостоятельное существование, если не избавиться, то хотя бы ограничить злоупотребления богачей» [Ашурков В. Н. Тульские оружейники и их классовая борьба в XVII – 1-й четверти XIX веков. – Тула, 1947. С. 125]. Этот документ, отражающий «конкретную историю» ремесленного населения Тулы, был подан оружейником Фёдором Кривоноговым.

Человек, по-видимому, не робкого десятка и пользующийся авторитетом у товарищей, Фёдор Кривоногов был ярким представителем «искусного и предприимчивого» оружейного сословия Тулы. Кажется, именно он попал на страницы исторических работ в качестве первооткрывателя месторождений тульского каменного угля на месте будущего Подмосковского угольного бассейна.

Ещё в 1840 году, говоря об истории открытий угольных месторождений в Московской, Тульской и Калужской губерниях, горный инженер и геолог Александр Иванович Оливьери отметил, что залежи каменного угля в пятнадцати верстах от Тулы обнаружил оружейный мастер Фёдор Кривоногов [Оливьери А.И. О розысках каменного угля, бывших в губерниях: Калужской, Тульской и Московской//Горный журнал. 1840. Ч. 2, кн. V. [СПб,1840]].

В 1812 г. Фёдор Иванович Кривоногов открыл несколько месторождений бурого угля на территории Тульского края, проводя геологоразведку в Одоевском уезде (в том числе в деревне Страховка – в пятнадцати верстах от Тулы) и Крапивенском уезде. Обладая «врождённой склонностью к минералогии», кроме угля «кузнец и оружейник» обнаружил ещё немало полезного в тульских недрах, – например, торф, который он «одним из первых применил для отопления жилья» [Глаголева О.Е. Русская провинциальная старина. Очерки культуры и быта тульской губернии XVIII – первой половины XIX веков. – Тула: 1993. С. 115].

В 1814 году присланный в Тульскую губернию горный чиновник доносит министерству финансов, что «...тамошнего оружейного завода оружейник Кривоногов по доброй воле своей занимается

с давнего времени приискиванием там каменного угля, открыл многие оного прииски, подающие немалую благонадёжность, и несмотря, что находясь в престарелых летах и в бедном с семейством состоянии, употребляет и поныне последние силы свои и малое иждивение на изыскание ископаемых...» [Ашурков В.Н. Оружейник Ф.И. Кривоногов//Тульский край. 1929. № 1 – 2 (14 – 15). С.60].

Вадим Николаевич Ашурков, сам принадлежавший к «оружейному сословию» называет «выходца из казённых тульских оружейников» Ф.И. Кривоногова «упорным и самоотверженным краеведом». Неудивительно, что биография этого «подлинного самоучки» привлекла молодого Ашуркова ещё тогда, когда он сам трудился на Тульском оружейном заводе, изучая в свободное время азы родной истории. «Юность В.Н. Ашуркова была связана с прославленным оружейным заводом... В 20-е годы у Вадима Николаевича пробудился интерес к истории родного предприятия и милому сердцу тульскому краю. Он активно участвует в деятельности Общества по изучению Тульского края... Первые опыты оружейника Ашуркова в самостоятельном исследовании появились на страницах журнала «Краеведение», издававшегося в Москве. Они определили его действительное призвание...» [Плотников А.П. Предисловие// Ашурков В.Н. Избранное: История Тульского края: Статьи и очерки. – Тула, 2003. С. 5].

«Первые опыты» «оружейника Ашуркова» в самостоятельном историческом исследовании на самом деле были сделаны не в Москве, а в родной Туле и появились на страницах журнала «Тульский край» ещё в 1929 году. Одна из первых публикаций Вадима Николаевича была посвящена Фёдору Ивановичу Кривоногову.

Обратившись к ней, мы можем узнать, что «оружейник Кривоногов» родился в 1748 году и, «состоя в комплекте» с 1770 года работал на Оружейном заводе в цехе «белого», то есть холодного оружия, из которого был исключён «за малозрением и старостью» в 1810 году. После этого он посвятил себя геологическим изысканиям, благодаря чему «с его именем тесно связывают открытие и применение каменных углей в пределах Тульского края» [Ашурков В.Н. Оружейник Ф.И. Кривоногов//Тульский край. 1929. № 1 – 2 (14 – 15). С.60].

Вероятно в фактах биографии «казённого тульского оружейника», который «более чем сто лет назад» отдавал «все свои силы отысканию, а отчасти и изучению полезных ископаемых» двадцатипятилетний рабочий «прославленного оружейного завода»

Вадим Ашурков видел для себя поучительный пример.

Действительно, Фёдор Иванович Кривоногов представляет собой яркий пример человека, который в одиночку, вооружённый лишь «двухметровым буром», по сути уже не являясь работником Тульского оружейного завода смог сделать и для завода и для города в целом больше, чем многообразные казённые учреждения и ведомства, занимавшиеся изысканием угля под Тулой, по меньшей мере, с середины XVIII века.

Вадим Николаевич Ашурков, называя тульского оружейника Кривоногова краеведом и изыскателем, полагал, что его вклад в «социальную историю» города не исчерпывался заслугами перед «оружейным сообществом». Фёдор Иванович не только награждался «похвальными листами и аттестатами», по мнению Ашуркова «весьма вероятно, что именно ему обязана Кривоноговская улица своим и донныне существующим названием...» [Ашурков В.Н. Оружейник Ф.И. Кривоногов//Тульский край. 1929. № 1 – 2 (14 – 15). С.60].

В настоящее время упомянутая улица носит имя Клары Цеткин. Клара Цеткин (Clara Zetkin; 1857—1933) — немецкий политик, деятельница немецкого и международного коммунистического движения, одна из основателей Коммунистической партии Германии, активистка борьбы за права женщин. Вероятно, после её смерти в 1933 году маленькая тульская улочка, и поныне сохраняющая бревенчатые домики в один этаж, и была переименована. Хотя деятельница немецкого и международного коммунистического движения для Тулы сделала меньше тульского оружейника Кривоногова.

После Октябрьской социалистической революции 1917 года для многих городов начался новый период «социальной истории». В 1933 году Тула уже один из районных центров Московской области, а на её улицах кипит «гигантская стройка» [Парамонова И.Ю. Тула. XX век: подробности. – Тула, 2008. С.86 – 91]. В целом за советский период истории Тула значительно преобразилась, однако наряду с приобретениями были и утраты. Можно сказать, что с победой советской власти «классовая борьба тульских оружейников» помимо прочего завершилась забвением имён многих из них.

В.Б. ПЕРХАВКО

Институт российской истории РАН

Valeriy PERKHAVKO

Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences

ХОЛОДНОЕ ОРУЖИЕ ГЕРОЕВ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ WEAPON BELONGING TO THE HEROES OF THE TIME OF TROUDLES

Бурные события Смутного времени начала XVII в. отразились не только в письменных источниках, но и в сохранившихся вещественных памятниках, в том числе разнообразных предметах вооружения. В боевых столкновениях периода Смуты противоборствующие стороны широко использовали как огнестрельное, так и холодное оружие. Особое внимание посетителей Государственного исторического музея, Оружейной палаты и Сергиево-Посадского государственного музея-заповедника привлекают предметы вооружения, принадлежавшие героям Смутного времени (Кузьме Минину, Дмитрию Пожарскому, Михаилу Скопину-Шуйскому) либо отождествляемые с ними.

До 1830 г. в Троице-Сергиевой лавре находились сабли, согласно устному монастырскому преданию, вложенные в ризницу Мининым и Пожарским, а также седло последнего [Новоселов В.Р. Судьба арсенала Троице-Сергиевой лавры: мифы и документы // Вестник истории, литературы, искусства. М., 2012. Т. 8. С. 348–350]. В 1830 г. они были переданы в Оружейную палату, где экспонируются и поныне. Сабля Минина и ножны от нее отличаются простотой, отсутствием богатого декора, у ее рукояти помещено резное клеймо с арабской надписью «Изделие Ахмеда, мастера из Каира» [Новоселов В.Р. Судьба арсенала Троице-Сергиевой лавры // Материалы и исследования / Государственный музей-заповедник «Московский Кремль». М., 2012. Вып. XXI. С. 318–319. Рис. 1]. Возникает закономерный вопрос, можно ли доверять этому позднему преданию, если никаких письменных свидетельств о таких вкладах в Троице-Сергиев монастырь руководителей Второго земского ополчения не сохранилось?

Архимандрит Досифей в описании Соловецкого монастыря, которое было издано в 1853 г. несколько раз упоминает, о саблях героев Смутного времени: 1) «1647 года Князь Димитрий Михайлович Пожарский дал вкладом Евангелие на престольное, письменное, обложенное атласом золотым, на нем Евангелисты серебряные, золоченые, с камнями и жемчугом; также разные книги; а по кончине его от Князя Семена Васильевича Прозоровского прислана в монастырь сабля его, с серебряною оправою и с дорогими камнями» [*Досифей, архимандрит*. Географическое, историческое и статистическое описание первоклассного ставропигиального Соловецкого монастыря. М., 1853. Ч. 1. С. 220]; 2) «1647 года. Окольный Князь Семен Васильевич Прозоровский по Князе Иоанне Иоанновиче Шуйском-Скопине дал палаш в серебряной оправе с камнями, собственный Князя Михаила В. Шуйскаго-Скопина» [*Досифей, архимандрит*. Географическое, историческое и статистическое описание первоклассного ставропигиального Соловецкого монастыря. М., 1853. Ч. 1. С. 220]; 3) «Палаш с сребропозлащенной оправою с камнями, Князя Михаила Васильевича Шуйскаго Скопина»; «Сабля в сребропозлащенной оправе и с камнями; дана вкладом от Князя Димитрия Михайловича Пожарского» [*Досифей, архимандрит*. Географическое, историческое и статистическое описание первоклассного ставропигиального Соловецкого монастыря. М., 1853. Ч. 1. С. 289].

Архимандрит Досифей перечисляет также среди разных достопримечательных вещей, хранившихся в ризнице Соловецкого монастыря «палаш с сребропозлащенной оправою с камнями, Князя Михаила Васильевича Шуйскаго Скопина» и саблю «в сребропозлащенной оправе и с камнями; дана вкладом от Князя Димитрия Михайловича Пожарскаго» [*Досифей, архимандрит*. Географическое, историческое и статистическое описание первоклассного ставропигиального Соловецкого монастыря. М., 1853. Ч. 1. С. 301–302].

Более ранних свидетельств о хранении холодного оружия Пожарского и Скопина-Шуйского на Соловках в описях ризницы Соловецкого монастыря и других монастырских документах пока не обнаружено. Не упоминается о дарении сабли Пожарским соратнику по Второму земскому ополчению, князю С.В. Прозоровскому и в завещании национального героя России. Согласно завещанию, составленному не позднее 20 апреля 1642 г., князь Димитрий Пожарский пожаловал личное оружие своим сыновьям: «Да сыну моему князю Петру бехтерец наводной, да шапка резаная, да сабля с камнем, да сабля ж оправная по зеленому хозу, да сабля ж езжалая

оправная ж, да мушукан серебря, да топорок турецкой оправной. Да сыну моему князю Ивану сабля с камнями же, да сабля оправная по белову хозу, да ево ж сабелька, о моя езжалая. Да зятю моему князю Ивану Пронскому да сыну моему князю Ивану – булава серебряная да чекан серебряной, да брус, да что ни на есть служилой [рух] леди, да бахтерец, то все им з братом пополам разде[лить]» [см.: *Эскин Ю.М.* Завещание князя Дмитрия Пожарского // *Отечественная история*. 2000. № 1. С. 143–157].

Член Петербургской академии наук И.И. Лепехин (1740–1802) путешествовавший в 1771–1772 гг. по русскому Северу, посетив Соловецкий монастырь, заходил и монастырскую ризницу, и в хранилище оружия, где хранилось холодное оружие М.В. Скопина-Шуйского и Д.М. Пожарского, но не оставил, к сожалению, их описаний [Полное собрание ученых путешествий по России. СПб., 1822. Т. 5. С. 444].

Русский литератор и этнограф Петр Иванович Челищев (1745–1811), в мае 1791 г. отправился за свой счет в путешествие по северным областям России, объехав до конца года Олонецкую, Архангельскую, Вологодскую и Новгородскую губернии [*Челищев П.И.* Путешествие по северу России в 1791 году / Издано под наблюдением Л.Н. Майкова. СПб., 1886; См. также переиздание: М., 2009]. В «ружейной» палате Соловецкого монастыря Челищев увидел в 1791 г. «множество старинных ружей, ружейных стволов, лож, порошниц, стрел, пистолетов, шпаг, шишаков и прочего старинного военного орудия, и несколько платья, что все не составляет важности...» [*Челищев П.И.* Путешествие по северу России в 1791 году. С. 43]. Но Челищев также почему-то не обратил внимание на палаш князя М.В. Скопина-Шуйского и саблю князя Д.М. Пожарского либо ему не показали эти реликвии воинской славы России.

В начале 1920-х гг. они были изъяты из хранилища Соловецкого монастыря и в 1923 г. переданы в Государственный исторический музей. Судя по клейму на клинке, парадную саблю Дмитрия Пожарского изготовил в начале 1640-х гг. персидский мастер Тренка Акатов, работавший в Оружейной палате в Москве. Ее ножны богато декорированы серебряной чеканкой и гравировкой, бирюзой, изумрудами, перламутром, рубинами, яшмой; рукоять – изумрудом. [*Денисова М.М.* Палаш М.В. Скопина-Шуйского и сабля Д.М. Пожарского // *Труды ГИМ. Памятники культуры*. Вып. XIX. Именное и художественное оружие XVII–XIX вв. М., 1956. С. 5–7]. В Государственном историческом музее хранится также лезвие меча итальянского производства, с изображением единорогов и пространством девизом, содержащим имя одного из его владель-

цев – оруженничего Ивана Васильевича Измайлова из рода рязанских дворян, служившего рындой Лжедмитрия I, стольником у царя В.И. Шуйского, а в 1612 г. примкнувшего ко Второму земскому ополчению Минина и Пожарского [Лаврентьев А.В. «Слуга двух господ», или итальянский меч и русская Смута // РИМ. 2008. № 1 (8). С.6].

В Сергиево-Посадском государственном музее-заповеднике сегодня экспонируется пороховница, возможно, принадлежавшая Дмитрию Пожарскому. Если даже не все упомянутые выше предметы вооружения держали в своих руках герои Смутного времени, сам по себе факт такой их персональной атрибуции властями двух крупнейших русских монастырей свидетельствует о формировании и сохранении за монастырскими стенами в XVIII–XIX вв. памяти о Кузьме Минине, Дмитрии Пожарском, Михаиле Скопине-Шуйском.

Т.В. ПЕТРАКОВ
Тульский государственный музей оружия

T.V. PETRAKOV
Tula State Arms Museum

БРОНЕПОЕЗД «ТУЛЬСКИЙ РАБОЧИЙ». БОЕВОЙ ПУТЬ «TULA WORKER » ARMORED TRAIN. OPERATIONAL RECORD

Сведения о боевом пути бронепоезда «Тульский рабочий» приведены в ряде газетных статей [Елькин А.А. Бронепоезд № 13 // Коммунар. 1971. 16 июля], а так же в нескольких обобщающих работах по истории бронепоездов Красной армии [Ефимьев А.В., Манжосов А.Н., Сидоров П.Ф. Бронепоезда в Великой Отечественной войне 1941–1945. М.: Транспорт, 1992. С. 92 – 93]. Между тем, многие обстоятельства боевой деятельности этого бронепоезда остаются совершенно неизвестными или значительно искажаются в публикациях. Во многих публикациях боевая деятельность «Тульского рабочего» смешивается с действиями под Тулой армейского бронепоезда № 16. Существуют противоречия и в ряде источников. В связи с этим актуальной задачей представляется собрать воедино все имеющиеся источники по данной теме и, критически их осмыслив, восстановить боевой путь данного бронепоезда на всем его протяжении.

Строительство бронепоезда «Тульский рабочий» было окончено в ночь с 27 на 28 октября 1941 г. Выйдя из ворот депо, бронесостав сразу же оказался на передовой. Линия фронта установилась в считанных километрах от станции Тула-1, но главную опасность для станции и бронепоезда представляла авиация противника. Именно борьбой с авиацией «Тульский рабочий» занимался в начальный период своей боевой деятельности. Имевшееся на бронесоставе вооружение – несколько скорострельных зенитных и авиационных пушек, а так же пулеметы, не позволяло эффективно бороться с танками противника или наносить артиллерийские удары с закрытых позиций, но давало возможность отражать налеты авиации, что так же было весьма актуальной задачей. «Тульский рабочий» действовал на всех железнодорожных путях, ведущих из Тулы кро-

ме западной ветки, идущей к Суворову и Козельску. Главной оценкой боевой работы бронепоезда является то, что тульские станции не получили критичных повреждений и через них в город продолжали поступать продовольствие, боеприпасы и даже пополнения.

Уже через несколько дней после окончания строительства от начальника Отдела бронепоездов Главного автобронетанкового управления Красной армии генерал-майора П.Г. Чернова поступил приказ об отправке бронепоезда в Москву. Однако на станции Ревякино он был задержан. В дело вмешался первый секретарь Обкома партии В.Г. Жаворонков, добившийся того, чтобы бронепоезд еще на несколько дней был оставлен под Тулой [Паничкин В.К. На рельсах огненной дуги. Сб. воспоминаний. Харьков, 1988. С. 27], переживавшей самый опасный период своей обороны. «Вооружены вы слабо, это мы знаем. Но поймите: одно ваше присутствие среди защитников города прибавляет людям уверенности. Так что вы ходите, где возможно, и пыхтите – обороняющимся будет веселее» – говорил В.Г. Жаворонков [Железной дорогой – к победе! Тула, 2015. С. 129]. Вскоре «Тульский рабочий» все же был отправлен на довооружение. Таким образом, в боях под Тулой он участвовал всего около десяти дней, однако его боевая деятельность бронепоезда пришлось на тот период, который оказался наиболее опасным и напряженным как для Тулы, так и для страны в целом. Проведенная на Мичуринском паровозоремонтном заводе доработка бронепоезда позволила еще более увеличить его боевой потенциал. Вооружение «Тульского рабочего» стало значительно более мощным, хотя и осталось достаточно разнородным, что должно было затруднять его применение. Характер действий Тульского рабочего показывает, что чаще он использовался все же в качестве зенитного бронепоезда. После довооружения «Тульский рабочий» поступил в состав 26-й дивизии войск НКВД. Очевидно тогда же, как сообщает В. А. Ермаков, бронепоезду был присвоен № 13, и он получил наименование «Тринадцатый отдельный бронепоезд войск НКВД».

После довооружения Тульский рабочий – теперь бронепоезд № 13 прибыл на Юго-Западный фронт в район станции Волчанск. В.К. Паничкин, подробно описавший боевую деятельность бронепоезда, отметил эпизоды различного характера. Он сообщил об отражении воздушных налетов на участках дороги Купянск-Волчанск и Купянск-Булацеловка, отметив, что активности вражеской авиации способствовала ясная морозная погода [На рельсах огненной дуги: воспоминания железнодорожников: сб. статей / сост. Н.В. Рыльцов; предисл. Н.С. Конарев. – Харьков: Прапор, 1988. С. 28]. В наградном листе В.К. Паничкина отмечено, что только 24-го и

25-го января было отбито 11 и 9 налетов соответственно [ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 180. Л. 217]. Бронепоезд при этом подвергался значительной опасности. 25 января в результате авианалета был выведен из строя вспомогательный «черный» паровоз [ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 180. Л. 217 об.], не имевший брони и использовавшийся для перемещения бронесостава в тыловых районах.

Помимо отражения воздушных атак В.К. Паничкин описал эпизод, когда бойцы бронепоезда в районе станции Булацеловка с угрозой для собственной жизни эвакуировали из-под обстрела раненого корректировщика огня, работавшего в боевых порядках пехоты. Очевидно, в этих боях бронепоезд поддерживал огнем своих орудий пехотные части, действуя с закрытой позиции. Вести огонь прямой наводкой бойцам бронепоезда № 13 пришлось в новогоднюю ночь, когда они отражали атаку противника на г. Волчанск [На рельсах огненной дуги: воспоминания железнодорожников: сб. статей / сост. Н.В. Рыльцов; предисл. Н.С. Конарев. – Харьков: Прапор, 1988. С. 30]. 2 марта 1942 г. бронепоезд был направлен для нового довооружения и устранения конструктивных недостатков в Воронеж на ремонтную базу бронепоездов Юго-Западного фронта [Коломиец М.В. Бронепоезда в бою 1941 – 1945. «Стальные крепости» Красной армии. М.: Стратегия КМ; Яуза; Эксмо, 2010. С. 131]. По характеру боевой деятельности «Тульского рабочего», можно заключить, что по мере доработок этот нетиповой, «кустарного» производства состав все больше приближался к армейским образцам. Его вооружение при этом усиливалось и из исключительно зенитного становилось универсальным артиллерийским, что позволяло бронепоезду наносить артиллерийские удары и бороться с танками противника. В то же время, он сохранял и возможность противодействия авиации.

Согласно воспоминаниям К.К. Поздняка, подтверждаемым так же В.К. Паничкиным, в начале апреля бывший «Тульский рабочий» вместе с бронепоездом № 5 вошел в состав 60-го отдельного дивизиона бронепоездов и получил новый номер – «2». В оперативном отношении он вошел в состав 6-й армии Юго-Западного фронта. Здесь на участке Изюм-Савинцы он вновь отражал налеты вражеской авиации. 29 апреля бронепоезд и соседние объекты станции последовательно атаковали группы из 31, 23 и 4 вражеских самолетов. 4 бомбы разорвались в 10 метрах от бронесостава, разрушив обе линии железнодорожных путей [ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 180. Л. 217 об.]. В особенно сложном положении дивизион оказался в ночь с 21 на 22 мая. Получив приказ выйти в район южнее станции Букино, он с трудом миновал станцию Изюм, за которую шли

ожесточенные бои, но на перегоне Изюм – Букино столкнулся со сложным препятствием. На небольшом мосту застрял поврежденный состав с топливом. Перед ним скопились два бронепоезда дивизиона, их база и состав с ранеными, который необходимо было эвакуировать в тыл [На рельсах огненной дуги: воспоминания железнодорожников: сб. статей / сост. Н. В. Рыльцов; предисл. Н. С. Конарев. – Харьков: Прапор, 1988 С. 32]. С рассветом такое скопление составов могло быть легко обнаружено с воздуха и стало бы удобной мишенью для вражеской авиации. В этих условиях экипажам бронепоездов совместно с уже работавшей на месте транспортно-восстановительной ротой пришлось всего за 4 – 5 часов проложить обводной рельсовый путь длиной около 200 метров с мостом. Совершив настоящий трудовой подвиг, экипажи бронепоездов и бойцы транспортно-восстановительной роты окончили работу к рассвету. Важную роль в организации работы сыграл комиссар бронепоезда № 2 В. К. Паничкин. Действия в ночь с 21 на 22 мая стали одним из главных оснований для награждения В. К. Паничкина орденом Отечественной войны 1-й степени [ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 180. Л. 217 – 217 об.].

Успешно выйдя в назначенный район – южнее станции Букино, 60-й дивизион бронепоездов до 25 мая 1942 г. поддерживал части 296-й и 51-й стрелковых дивизий, нанося артиллерийские удары по немецким позициям на южном берегу реки Северный Донец. Особенно отличился при этом экипаж бронепоезда № 2, спасший 48 вагонов с боеприпасами во время пожара, возникшего от немецкой бомбежки на станции Радьковские Пески [Коломиец М.В. Бронепоезда в бою 1941 – 1945. «Стальные крепости» Красной армии. М.: Стратегия КМ; Яуза; Эксмо, 2010. С. 132]. 31 мая сам бронепоезд подвергся мощному налету вражеской авиации. Броня не выдержала попаданий авиабомб. Повреждения бронеплощадок были настолько существенными, что оказались выведены из строя все орудия и повреждена ходовая часть. Бронесостав удалось вывести в Воронеж, где, вероятно, планировалось отремонтировать, но вскоре был уничтожен второй бронепоезд дивизиона, а к Воронежу прорвались немецкие войска. В этих условиях 4 июля 1942 г. бронепоезд № 2, с которого уже сняли поврежденное вооружение, и базу дивизиона было решено вывести сначала в Романовку, а затем в г. Балашов Тамбовской области. Ремонт затягивался, и 2 августа личный состав дивизиона был отправлен для пополнения и получения новой материальной части в г. Москву. Поврежденный тульский бронепоезд был отправлен на рембазу № 6. Каких-либо сведений о его восстановлении и дальнейшем использовании не сохранилось.

Повреждения, были столь серьезны, что ремонт, вероятно, оказался нецелесообразным.

Гибель бронепоезда вряд ли нужно считать следствием его изначальных конструктивных недостатков. В том же 1942 году Красная армия и войска НКВД помимо «Тульского рабочего» потеряли еще 42 бронепоезда, одним из которых стал и «Тульский рабочий». Он принял участие в двух крупнейших и тяжелейших для советских войск сражениях: Московской и Сталинградской битвах. В первой его роль оказалась значительной в силу крайнего недостатка у защитников Тулы сил и средств для обороны города. На начальном этапе Сталинградской битвы раскрылся боевой потенциал бронепоезда. Таким образом, из вспомогательного бронесостава «кустарной» постройки «Тульский рабочий» постепенно превратился в полноценную и достаточно эффективную боевую единицу, вполне оправдавшую силы и средства, затраченные на ее создание.

И.Н. ПЕТРУХИН

Российское военно-историческое общество, ТРОО ВИК «Стальной Орел»

I.N. PETRUKHIN

Russian military historical society, TRSO MHC "Steel Eagle"

**ЛАТНАЯ ЗАЩИТА КОРПУСА У ПЕХОТЫ В СВЯЩЕННОЙ
РИМСКОЙ ИМПЕРИИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVI в.
К ВОПРОСУ О МОРФОЛОГИИ И КОНСТРУКЦИИ**

**PLATE ARMOR OF TORSO PROTECTION OF HOLY'S
ROMAN EMPIRE INFANTRY AT THE FIRST THIRD
OF XVI c. TO QUESTION OF MORPHOLOGY AND DESIGN**

Конец XV века ознаменовался началом довольно длительного международного военного конфликта – Итальянскими войнами (1494–1559 гг.), куда были вовлечены многие европейские государства. В кампаниях, которые происходили на Апеннинском полуострове противоборствующие стороны стали использовать на полях сражений большие пехотные формирования.

Для пехоты, вооруженной длинными пиками, которой отводилась весьма существенная роль, требовалась в основном защита корпуса. А учитывая, что количество пикинеров в армиях было довольно большим, к латам пехотинцев помимо защитных свойств предъявлялись и требования по снижению себестоимости. Чтобы решить подобные «задачи» крупнейшие производственные центры Европы старались создавать защитное вооружение для пехоты, отвечавшие многим требованиям данной категории. И это, в свою очередь, подтолкнуло к дальнейшей эволюции доспехов в Европе.

В данном исследовании, основываясь на корпусе вещественных и изобразительных источников, созданных в изучаемый нами период, мы предпримем попытку более детально рассмотреть латы для туловища кон.XV – первой трети XVI вв., использовавшихся пехотой «Священной Римской Империи». Так на примере рисунка Пауля Дольштайна «Битва со Шведами» 1504 г. прослеживается сходство с рядом кирас из фонда городского музея Вены. На картине «Битва в лесу», созданной неизвестным художником сразу же после событий, именуемой в немецких хрониках, как «Битва у во-

рот г. Нюрнберга 1502 г., можно увидеть пехотинцев, облаченных в кирасы, схожие на предметы из «Музея города Мюнхен», Музея Армии г. Вена и других различных музеев мира и частных собраний, датируемых рубежом XV/XVI веков.

При этом будет уделено отдельное внимание конструктивным и морфологическим особенностям строения. Так, например, начиная с последней декады XV века, уровень технологического развития, позволяет создавать нагрудники кирас из цельного куска металла, в отличие от более ранних образцов, склепанных из нескольких больших кусков. Форма нагрудника приобретает более обтекаемый контур, служащий для обеспечения лучшего соскальзывания вражеского оружия в сторону при попадании.

В начале второго десятилетия XVI века, в целях повышения уровня технологичности производства, крупнейшие производственные центры Империи вновь возвращаются к схеме компоновки нагрудников из нескольких сегментов. На примере предметов из открытой экспозиции Музея Армии г. Вена, Музея Королевской Охоты и Оружейной г. Вена можно увидеть появляющиеся на кирасах подвижные пластины в области пройм под руки. На примере кирасы Георга фон Фрундсберга видно, что в месте соединения основной части нагрудника с пластинчатой юбкой, закрывающей нижнюю часть туловища и зону бедер, появляется соединительная пластина. Наличие таковой позволяет улучшить подвижность человека в кирасе и облегчает процесс по выковыванию более глубокого профиля.

Однако, основная защитная пластина нагрудника, в отличие от более ранних образцов, остается, достаточно больших размеров.

В результате исследования будет выстроена типологизация кирас первой трети XVI века и дана обобщающая схема строения, по которой можно будет пользоваться в дальнейшем, чтобы дать атрибуцию тому или иному предмету, относящемуся к пехотным кирасам первой трети XVI века.

И.Б. ПИНК
Тульский государственный музей оружия

I.B. PINK
Tula State Arms Museum

**ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ОПЫТНЫЕ МАГАЗИННЫЕ
ВИНТОВКИ 20-30 х ГОДОВ XX ВЕКА В СОБРАНИИ
ТУЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ОРУЖИЯ**

**RUSSIAN EXPERIMENTAL MAGAZIN RIFLES
of the 20's – 30's of the XX CENTURY IN the COLLECTION of
the TULA STATE ARMS MUSEUM**

Тульский государственный музей оружия обладает уникальной коллекцией винтовок системы С.И. Мосина. Ее частью являются опытные образцы, созданные на базе штатной винтовки обр. 1891/10 гг. Описания некоторых из них были опубликованы в каталоге выставки ТГМО, посвященной 150-летию со дня рождения С.И. Мосина [Каталог выставки в Тульском государственном музее оружия, посвященной 150-летию со дня рождения С.И. Мосина // 150 лет со дня рождения конструктора 3-линейной винтовки обр. 1891 г. С.И. Мосина: юбилейный сборник. Под ред. Парамонова В. А. – Тула: Туламашзавод, 1999. – С. 47 – 50].

Российская магазинная винтовка обр. 1891 г. прошла модернизацию в 1910 г. и в этой модификации широко использовалась российской армией в период Первой мировой войны, а затем состояла на вооружении РККА, зарекомендовав себя как надежное и безотказное оружие. Тем не менее, накопленный опыт ее применения и производства привел к решению о необходимости внести в винтовку обр. 1891/10 гг. некоторые конструктивные изменения.

В начале 1924 г. на расширенном заседании Артиллерийского комитета при участии представителей инспекции пехоты, стрелково-тактического комитета, школы «Выстрел» и промышленности были намечены план усовершенствования. Он предусматривал осуществить в винтовке только те необходимые изменения, которые не потребуют значительных изменений в уже налаженном производстве. В работах по модернизации винтовки приняли участие

Е.К. Кабаков, И.А. Комарицкий, А.И. Осинцев, И.А. Федорцев и др. [Болотин Д.Н. История советского стрелкового оружия и патронов. – СПб.: Полигон, 1995. – С. 55].

Производственной базой усовершенствования образца 1891/10 г. стал Тульский оружейный завод [Вклад тульских оружейников в модернизацию 3 линейной винтовки обр. 1891 г. // 150 лет со дня рождения конструктора 3 линейной винтовки обр. 1891 г. С.И. Мосина. – С.37 – 38]. В 1927 г. опытные образцы прошли полигонные и войсковые испытания, которые завершились в 1929 г. [Там же. – С. 38, 40]. В результате 28 апреля 1930 г. приказом Реввоенсовета СССР на вооружение РККА была принята магазинная винтовка обр. 1891/30 г., а 10 июня того же года последовало распоряжение начальника вооружений РККА И.П. Уборевича о переходе на производство нового образца [Болотин Д.Н. История советского стрелкового оружия и патронов... – С. 56].

В собрании Тульского государственного музея оружия хранятся несколько опытных образцов магазинных винтовок, произведенных на Тульском оружейном заводе в 20-х гг. Они позволяют проследить различные варианты модернизированных образцов.

После принятия на вооружения винтовки обр. 1891/30 гг. также предпринимались попытки ее дальнейшего усовершенствования. Так, в 1931 г. В.Е. Маркевич предложил собственную модель ВЕМ на базе винтовки Мосина [Маркевич В.Е. Ручное огнестрельное оружие. – М.: Полигон, 1995. – С. 386 – 388]. В собрании ТГМО представлено несколько опытных винтовок произведенных на Тульском оружейном заводе в 1936 г.

Однако ГАУ посчитало нецелесообразным вносить все эти изменения на том основании, что винтовка обр. 1891/30 гг. уже запущена в массовое производство, и вскоре ей на смену придет автоматические или самозарядные винтовки, разработка которых интенсивно проводилась отечественными конструкторами в 30-х гг. [Маркевич В.Е. Ручное огнестрельное оружие... – С. 388]

Как показал опыт Великой Отечественной войны винтовка обр. 1891/30 г., несмотря на свои высокие боевые свойства, оказалась неудобной при ведении боя в ограниченном пространстве. Поэтому после войсковых испытаний, проводившихся в ноябре 1943 г. – январе 1944 г., Государственный Комитет Обороны 17 января 1944 г. принял постановление о прекращении производства винтовки обр. 1891/30 г. и постановке на вооружение вместо нее карабина обр. 1944 г. с неотъемно-откидным штыком конструкции Н.С. Семина [Болотин Д.Н. История советского стрелкового оружия и патронов... – С. 57].

Тем не менее, в качестве временной меры продолжала использоваться снайперская винтовка обр. 1891/30 г. до принятия на вооружение Советской Армии в 1963 г. снайперской винтовки Драгунова (СВД) [Болотин Д.Н. История советского стрелкового оружия и патронов... – С. 85, 87].

Е.М. ПОЛОЗОВ, С.Н. НЕМОВА

Объединение

«Историко-краеведческий и художественный музей» (Тула)

E. M. POLOZOV, S. N. NEMOVA

Association “Local history and art Museum” (Tula)

**ВЫСТАВКА «МАСТЕР КРАСОТЫ. К 110-ЛЕТИЮ СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ ТУЛЬСКОГО ХУДОЖНИКА-ОРУЖЕЙНИКА**

М.И. ГЛАГОЛЕВА (20.4.1907–2.9.1992)»

В ТУЛЬСКОМ ОБЛАСТНОМ КРАЕВЕДЧЕСКОМ МУЗЕЕ

**THE EXHIBITION «MASTER OF BEAUTY. TO THE 110th
ANNIVERSARY OF TULA PAINTER AND ARMOURER**

M.I. GLAGOLEV (20.04.1907–02.09.1992)»

IN TULA REGIONAL MUSEUM

Выставка посвящена жизни и деятельности нашего замечательного земляка Михаила Ивановича Глаголева. Он был кореным туляком, разносторонне талантливым человеком, долгие годы с 1929 г. работавшем на Тульском оружейном заводе (далее ТОЗ) и в Центральном конструкторско-исследовательском бюро спортивного и охотничьего оружия (далее ЦКИБ СОО).

М.И. Глаголев известен как художник-оружейник, один из создателей школы оружейного мастерства, охотник, фотограф, путешественник, страстно любивший родную природу и высоко ценивший мастерство и талант тульских умельцев.

Работая на ТОЗе, а затем в ЦКИБ СОО М.И. Глаголев постепенно изучил все ступени изготовления и отделки охотничьего оружия. Он работал на разных должностях, осваивая всё новые специальности. Был слесарем, фрезеровщиком, техником по оптике, технологом, старшим технологом, мастером оружейного цеха, инструктором слесарно-сборочных работ и художественного оформления – мастером высокой квалификации.

В 1944 г. Михаил Иванович был включён в состав спецгруппы ТОЗа по изготовлению специальных образцов оружия с высокохудожественной отделкой. С сентября 1945 г. по март 1946 г. выезжал в командировку в Германию в г. Зуль для изучения опыта работы немецких оружейников. Стал одним из организаторов и препода-

вателей школы оружейного мастерства. С 1946 г. работал в Центральном конструкторско-исследовательском бюро спортивного и охотничьего оружия после его создания.

Он стал крупным специалистом в художественном оформлении оружия, пройдя путь от рабочего до главного художника-конструктора ЦКИБ СОО. По его эскизам изготавливалось и украшалось уникальное охотничье оружие и другие высокохудожественные изделия. Сюжеты этих эскизов он часто находил в мире своих увлечений, связанных с любовью к природе.

М.И. Глаголев участвовал в реставрации музейных экспонатов, в частности ружья, подаренного в 1923 г. В.И. Ленину, ружей Л.Н. Толстого. В Тульском областном краеведческом музее (далее ТОКМ) он был членом учёного совета и активно помогал музею, передав в его фонды ряд предметов музейного значения.

Он был большим любителем природы, почётным членом областной организации общества охотников и рыболовов, в которой состоял с 1923 г., вступив в него шестнадцатилетним паренком. Михаил Иванович прекрасно рисовал, прежде всего, пейзажи и животных, увлекался фотографией, до последних лет своей жизни путешествовал. Производственная деятельность, а также увлечение охотой и путешествиями, привели к тому, что М.И. Глаголев побывал за границей и посетил многие интересные места нашей страны. Впечатления, полученные во время этих путешествий, помогали ему в работе, превращаясь в прекрасные сюжеты на его эскизах оформления охотничьего оружия.

Выставка в ТОКМ размещалась на девяти баннерах, на которых были воспроизведены фотографии, документы и даны пояснительные тексты о жизни М.И. Глаголева. Кроме того объёмные подлинники предметы, фотографии и документы экспонировались в трёх витринах, а на отдельном планшете помещались шесть предметов из коллекции рогов охотничьих животных, которая при жизни М.И. Глаголева размещалась в его доме по улице Будённого, 37 (в начале XX в. улице Прямой Беляевской). Особенно привлекали внимание среди представленных экспонатов подлинная картина М.И. Глаголева «На тяге», рисунки собак на берёзовых срезках, его фотоальбомы, в которых чёрно-белые фотографии были раскрашены их автором, диорамы, созданные им после осуществлённых путешествий и другие предметы, находившиеся в «волшебном доме мастера».

На одном из баннеров выставки воспроизводились публикации в газетах, журналах и книгах о М.И. Глаголеве.

На выставке были представлены также одиннадцать эскизов оформления ружей, сделанных им в период работы в ЦКИБ СОО.

Сюжеты его эскизов до сих пор используются в ЦКИБ СОО при художественном оформлении изделий. Экспонировались также семь копийных картин на охотничью тематику. Такие копии были написаны М.И. Глаголевым в 1940-1950-х гг. и до сих пор украшают производственное помещение, где он работал в ЦКИБ СОО. Среди этих работ две являются копиями с картин известного художника-анималиста В.Л. Муравьева «Медведь в сосновом лесу» и «Глухарь на току», а на других картинах изображены токующий глухарь, токующий тетерев, тяга вальдшнепов и сеттеры на охоте.

Материалы, экспонировавшиеся на выставке, хранятся в Тульском областном краеведческом музее, Центральном конструкторско-исследовательском бюро спортивного и охотничьего оружия, Тульском государственном музее оружия (далее ТГМО), Государственном архиве Тульской области (далее ГАТО), а также у родных и друзей М.И. Глаголева: П.Н. Пальцева, Л.М. Коновой-Агаповой, В.П. Густова, В.Б. Малахова.

Авторы данной выставки - ведущие специалисты ТОКМ Е.М. Полозов, С.Н. Немова, А.Ф. Лакомов и резчик по дереву ЦКИБ СОО А.В. Бородавкин. Художественное оформление баннеров выполнено художником-дизайнером отдела информатизации и дизайна А.А. Альмашовой.

Выставка была торжественно открыта 20 апреля на период до 30 мая 2017 г. На её открытии собрались коллеги покойного юбиляра тульские оружейники из ЦКИБ СОО и ТОЗа, музейные работники ТОКМ и ТГМО, архивисты ГАТО, тульские туристы и просто неравнодушные туляки, знавшие юбиляра при жизни или посчитавшие необходимым отдать дань уважения художнику-оружейнику М.И. Глаголеву. Участники открытия выставки в завершении мероприятия высадили во дворе ТОКМ в память о М.И. Глаголеве саженец дуба, выращенного из жёлудя, привезённого из Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря.

Выставка имела задачу не только отметить юбилей нашего замечательного земляка-оружейника, но и привлечь внимание к вопросу продолжения в Туле традиций художественного оформления охотничьего оружия.

В период работы выставки её активно посещали туляки и гости нашего города, как взрослые, так и молодёжь, в частности, учащиеся Тульского технического колледжа им. С.И. Мосина, а также участники XXV Всероссийского фестиваля «Студенческая весна 2017», проходившего с 15 по 18 мая в Туле. А в июне 2017 г. в ТОКМ была прочитана авторская мультимедийная лекция, посвящённая М.И. Глаголеву по материалам данной выставки.

В.Р. ПОЛЧАНИНОВ
Морская Академия в Кингс-Пойнт (США)

V.R. POLCHANINOV
US Merchant Marine Academy, King's Point, NY

ВОЕННАЯ КОЛЛЕКЦИЯ В. Р. ПОЛЧАНИНОВА MILITARY COLLECTION OF V. R. POLCHANINOV

Меня зовут Владимир Ростиславович Полчанинов. Я родился в Бруклине (часть Нью-Йорка) в 1958 г. и с ранних лет знал, что мой дед Владимир Павлович Полчанинов служил с 1916 г. капитаном в штабе Верховного Главнокомандующего, когда Главнокомандующим был император Николай II; затем у Деникина и уже в чине полковника у Врангеля.

Отец моей бабушки, Михаил Новгородский был то же военным. И он, и мой отец были коллекционерами предметов на военную тему. Военным был и мой крёстный отец Евгений Нагибин - сотник лейб-гвардии Атаманского полка, воевавший с красными в партизанском отряде Чернецова. Он показывал мне знак Чернецовцев и рассказывал, как они воевали.

Неудивительно, что я с малых лет стал страстным собирателем «военных миниатюр» или попросту оловянных солдатиков. Мое первое знакомство с ними было в 1969 г. Отец преподавал русскую историю в церковной школе и устроил поездку с учениками в музей «Родина» в Лейквуде (штат Нью-Джерси). На меня сильное впечатление произвели диорамы битв с сотнями оловянных солдатиков. В следующий раз мы поехали с отцом в музей Военной академии США в Вест-Пойнте (US Military Academy at West Point, NY). Поездка укрепила во мне интерес ко всему военному. Потом отец отвез меня в Манхеттен (главная часть Нью-Йорка) в магазин «Полк хобби-шап», где я купил своих первых солдатиков, которых надо было самому красить. Отец, будучи членом Общества ревнителей русской военной старины, переписывался с известным коллекционером оловянных солдатиков Михаилом Хитрово. Однажды он написал прямо мне и в письме давал советы, как можно переделать

американских солдатиков в русских, как из современных кавалеристов можно сделать средневековых витязей. Для этого надо было использовать женский чулок как кольчугу, а для плаща тубик зубной пасты.

Стандартная высота солдатиков была 54 мм. Но бывали 20 мм высоты. И для того, чтобы их раскрасить во всех деталях масляной краской, нужна была устойчивая рука и тонкая кисточка, требующая лупу и руки мастера миниатюрного художника. С практикой, в конце концов, я смог выделить даже цвет глаз в миниатюре.

В моей коллекции солдатиков были и римские полководцы, и русские витязи, и американские спецназовцы – «Зелёные береты». Моё главное внимание было сосредоточено на российской армии, но в годы холодной войны фигурки в русской форме были относительно редкими. Американские и британские производители, естественно, концентрировались на американских и британских фигурках, хотя интерес к воинам средневекового мира и классической древности был всеобщим.

Теперь у меня в коллекции не только оловянные солдатик, но и русская трёхлинейка Ижевского завода выпуска 1898 г., фуражка красноармейца и многое другое, в том числе каталоги и специальная литература.

Р.В. ПОЛЧАНИНОВ
Историк, журналист (США)

R. V. POLCHANINOV
Historian, journalist (USA)

**НАША ИГРА БУМАЖНЫМИ СОЛДАТИКАМИ
(К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ БОРИСА МАРТИНО)**

**OUR GAME PAPER SOLDIERS
(TO THE CENTURY OF THE BIRTH OF BORIS MARTINO)**

Итак, вспомним Сараево. 20-е годы XX века. Дети русских офицеров...

...Вера Михайловна Опокова, желая отметить чьи-то старания, дарила мальчикам в детском саду солдатиков, подчёркивая, что это не какие-нибудь обычные бумажные солдатик, – а русские, из России. Получая таких солдатиков, я испытывал всегда особое чувство радости, понимая всю необыкновенность подарка. Знал, что ни в одном магазине Сараева таких солдатиков не продают, и вообще – «солдатыка из России» за деньги здесь не купишь: его можно только заслужить.

Эти солдатик принадлежали двум сыновьям Веры Михайловны – кадетам Сергею и Владимиру. Покидая родину, они взяли их с собой, не думая, что их игрушки ещё послужат службу и будут напоминать о России тем мальчикам, которые покинули родину слишком маленькими, чтобы её помнить.

У меня вскоре собралось штук десять таких солдатиков. Подставок у них не было, и, чтобы поставить их в одну шеренгу, надо было к чему-то прислонить. Маме и бабушке эти солдатик не нравились. Мамины братья – Миша и Саша, – когда были маленькими, играли не бумажными, а оловянными солдатиками.

Мама и бабушка советовали мне выкинуть бумажных солдатиков, обещая подарить на Рождество оловянных. Я не хотел расставаться с «солдатыками из России», и мама тогда просто собрала их и бросила в печь. Я, конечно, стал плакать, и сжигание русских солдатиков мне запомнилось на всю жизнь.

На рождество двадцать третьего года под мою первую ёлку мне положили коробку с маленькими оловянными солдатиками. На моих бумажных были видны все детали формы и их мужественные лица, а на оловянных ни форм, ни лиц не было видно. Плоские, вместо лиц – розовые кляксы, шапка – чёрная точка, ружьё – тонкая палочка с облаком серого дыма на конце. Все их достоинство было в том, что они умели стоять.

На хороших, дорогих оловянных солдатиков у родителей не было денег. Подарок был мне не в радость, а в слёзы, но отец успокоил, что обменяет в магазине оловянных солдатиков на бумажных.

На следующий день отец пошёл со мной в пищебумажный магазин Симона Катана, у которого сохранились ещё довоенные запасы бумажных солдатиков. Были у него и русские, конечно, не из России, но всё же русские. Взамен за коробочку оловянных я смог взять несколько листов бумажных и был доволен.

Но мне приходилось вырезать самому. Ножницы не слушались пальцев и отрезали то кусок фуражки, то кусок шинели. Отец предложил свою помощь. Я, конечно, с радостью согласился и с восторгом смотрел, как у папы всё хорошо получается. Мои солдатик оказались так похожими на русских солдатиков из России!

Мой закадычный друг Боря Мартино был дольше меня в детском саду, и у него набралось больше солдатиков, чем я имел раньше, но теперь, хоть мои солдатик и не были «настоящими из России», зато численностью превышали Борину армию.

Он пришёл ко мне, конечно, с отцом, и мой отец должен был рассказать подробно, откуда у меня эти солдатик и где они продаются. С тех пор и Боря и я стали навещать к Симону Катану и пополнять свою армию новыми полками.

Сегодня коллекционеры дорого бы заплатили за бумажных солдатиков нашего детства, но где они?

Боря играл в солдатик, расставлял их на полу, прислоня к книжкам или к коробкам, и «стрелял» стеклянными шариками – «кликерами» – с «русских позиции» по неприятелю, а потом наоборот.

Однажды, когда я пришёл к нему в гости, то застал его прыгающим по полу от одной «позиции» к другой. Он мне предложил играть вместе и стрелять с «позиции неприятеля». Я отказался стрелять по русским солдатикам, но затем мы как-то договорились и играть вдвоём было, конечно, интересней.

С тех пор у нас шли бесконечные войны. Постепенно вырабатывались и правила игры, например, что солдатик должен быть виден хотя бы на две трети и мог бы упасть в случае попадания. Если

солдатык падал, то противная сторона «брала его в плен». После конца игры производился «обмен пленными». Необменные пленные становились собственностью «противника», и со временем их можно было включать в свою армию. Игра не была азартной, так как наши силы были примерно равными, и мы оба смотрели спокойно на потерю солдатиков.

На место сбитого можно было поставить нового, но если «крепость» – книга или коробка, к которой были прислонены солдатик, – оказывались без защитников, то её можно было «взять», поставив туда своих солдатиков. Из «взятой крепости» легче было стрелять по «неприятелю», но зато и свои солдатик подвергались «более прицельному огню». Удержать взятую «крепость» было не легко.

Солдатик были цветными, напечатанными с одной стороны полукартон. За «геройство» я награждал своих солдатиков крестами и медалями, которые рисовал на белой стороне. «Героизм» выражался двойко – либо моего солдатика Боря никак не мог сбить, либо от него я вёл особо удачный «огонь». На листах были всегда объяснения, – названия полков и какой они страны.

Таким образом, у нас были полки венгерских гонведов, итальянских берсальеров, греческих евзонов и так далее.

В игре могли участвовать только покупные солдатик, но у меня были и вырезанные из журналов одноцветные, занимавшие «штабные должности».

Инструкции, как организовать тыл, я получал от Лонгина Кирилловича Игнатъева, офицера топографа, который снимал комнату у Евгения Ивановича Гердта, в том же доме, где снимали квартиру и мы. Он был холостяк, своих детей у него не было, но у него всегда находилось время выслушать меня и что-то посоветовать.

Если у меня есть армия, говорил он, то должен быть и главнокомандующий – царь, а при нём – Генеральный штаб, военный министр, адъютанты, телеграфисты и машинистки.

Царём я сделал какого-то русского гвардейца в эполетах, который мне особенно нравился. Из других «солдатиков из России» были сформированы Конвой Его Величества и гвардейские полки – Семёновский и Приображенский. Численность полков соответствовала численности солдатиков на листе – обычно одиннадцать человек при одном офицере. Каждый полк имел отдельные «казармы» – конверты, в которых хранились солдатик полка. Благодаря этой игре мы с Борей с детства знали формы полков разных армий.

Когда Борин отец поехал в Париж держать экзамен на инженера, он привёз ему несколько листов солдатиков наполеоновской

армии. Среди солдатиков были все маршалы и сам Наполеон. У солдат рисунок был с обеих сторон, а у маршалов только с лицевой стороны. На обратной – была написана их краткая биография. У Наполеона, помню, был и автограф гусиным пером...

Мы вырастали и играли в солдатик всё меньше и меньше. В феврале тридцать первого года скаутский строй заменил нам строй бумажных солдатиков...

Р.В. ПОЛЧАНИНОВ
Историк, журналист (США)

R.V. POLCHANINOV
Historian, journalist (USA)

**ПСКОВ В ГОДЫ ОККУПАЦИИ 1941–1944
(КАК ПСКОВИЧИ ПОМОГАЛИ СВОИМ ПЛЕННЫМ)**

**PSKOV IN THE YEARS OF OCCUPATIONS 1941–1944
(AS RESIDENTS OF PSKOV HELPED THE PRISONERS)**

«Россия была инициатором выработки правил по ограничению варварских средств ведения войны. Начало этому было положено Брюссельской декларацией, которую предложил Александр II в 1874 году. По инициативе Николая II в 1899 году была созвана I Гагская мирная конференция, где на основе Брюссельской декларации были выработаны ограничения в отношении законов и обычаев сухопутных войск. Один пункт этой декларации касался военнопленных. На II Гагской конференции (1907) были внесены изменения и поправки, в частности, дополнявшие пункт о правах и обязанностях военнопленных» [Ионцев В.А. и др. Эмиграция и репатриация в России. Изд-во Попечительства о нуждах российских репатриантов. – М., 2001. С.70].

Предусматривался обмен раненых и больных пленных, переписка с родными, право не строить для врагов стратегических дорог, грузить или разгружать вооружение. Известны случаи нарушения этих правил и даже расстрела пленных за отказ. После конца войны Международный Красный Крест в Женеве рассматривал тысячи жалоб бывших пленных на бесчеловечные условия жизни в плену. На основании этого опыта, в 1929 г. в Женеве была принята новая конвенция об обращении с военнопленными. В новой конвенции были предусмотрены, кроме всего прочего, и удовлетворительное питание, и гигиенические условия, и оплата труда. Эту конвенцию подписали все страны кроме Японии и Советского Союза [Encyclopaedia Britannica, Chicago: London: Toronto/ 1960, v. 18, P.519 B].

Это объясняется тем, что советское правительство считало своих пленных изменниками родины. В Уставе Красной армии было сказано: «Ничто, в том числе и угроза смерти, не может заставить бойца Красной Армии сдаться в плен» [Ионцев В.А. ...С.71].

В первые месяцы вторжения немцев и их союзников в СССР в их сводках говорилось о молниеносном продвижении вглубь страны и о сотнях тысяч советских пленных. Известно, что пленных балтийцев, западных украинцев и белоруссов немцы отпускали домой, или использовали для охраны лагерей. Были случаи и освобождения русских пленных, особенно если они были нужными специалистами.

С первых дней войны немецкая пропаганда твердила, что немцы освобождают народы Советского Союза от коммунизма, и были люди, которые первое время этому верили. Бывали случаи, когда население встречало немцев с цветами, а пленные выражали готовность бороться против коммунизма с оружием в руках. Так было в первые месяцы войны, но бесчеловечное обращение немцев с советскими пленными, вскоре развеяло эти иллюзии. Количество сдававшихся в плен резко уменьшилось.

Немцы на советских пленных вымещали злость, за то, что их пленным, в советском плену приходится не сладко, но главное было в звериной ненависти национал-социалистов к русскому народу. Нацисты считали, что русских, мол, слишком много и их надо частично истребить. Немцы не понимали, что своим отношением к пленным они роют себе яму. Были, конечно, и исключения. Говорили, что немецкий комендант Гдова относился к пленным по-человечески.

Моя будущая теща, до прихода немцев, работала в ветеринарной лечебнице Пскова (Тоголевская, д. 19), а с приходом немцев моя будущая жена стала там же работать переводчицей. Главным врачом был Владимир Матвеевич Григорьев, его помощником был врач Иван Гаврилович Преображенский и фельдшером Митрофан Максимович (его фамилию моя жена не запомнила).

Заняв Псков, немцы в считанные дни взяли всё под свой контроль, в том числе и ветеринарную лечебницу, составили опись склада и следили за тем, как расходуются медикаменты. Но В. М. Григорьев предусмотрительно кое-что спрятал. Потом, когда у лечебницы была установлена связь с партизанами, заведующий лечебницей отправлял им кое-что из припрятанных лекарств. В книге «Псков. Очерки истории» С. И. Колотилова и др., «Лениздат» 1971, в главе «Псковское подполье» говорится только о партийцах и их работе, а о том, что делали беспартийные, умалчивается. Мало того, беспартийного В.М. Григорьева, который, рискуя жизнью, снабжал партизан медикаментами, спасал пленных, и принял в семью еврейскую девочку Люсю Вербицкую (в замужестве Мартысенкова), выдавая ее за свою дочь, осудили в 1951 г. по ложному

доносу на 10 лет концлагеря. Правда, через четыре года он был освобожден, но, подорвав здоровье, через год скончался.

Об ужасном положении, в каком оказались пленные, знали все жители Пскова. Многие старались им помочь. С одной стороны это было строжайше запрещено немцами, а с другой стороны, бывало, что и часовые и их начальство, смотрели на эту помощь сквозь пальцы. Моя будущая жена иногда варила суп и отвозила его в лагерь. Многие ее знакомые тоже старались из своего скудного пайка поделиться хлебом с пленными.

Были случаи освобождения пленных на поруки. Известно, что большинство врачей, при приближении немцев было эвакуировано и, в связи с этим, главному врачу Колобову удалось освободить несколько пленных врачей из лагеря, взяв их на поруки. На поруки можно было освободить из плена и других специалистов. Медсестра Зинаида Матвеевна Одоранская взяла на поруки пленного переводчика еврея Ефима Хейфеца, выдававшего себя немцам за Ибрагимову, а В.М. Григорьев освободил, взяв на поруки ветеринарного врача Николая Васильевича Лукина и ветеринарного фельдшера Ивана Ивановича Иванова.

Ефима немцы расстреляли, но не как еврея, а за связь с партизанами. Мы были знакомы, и он не скрывал от меня своей настоящей фамилии. После конца войны я сообщил через Красный Крест его родителям о судьбе их сына. » [См.: ЗаСвР. № 59-2].

В сентябре 1941 г., на площади перед кремлём, немцы разрешили устроить базар, куда крестьяне привозили продукты, включая мясо. Ветеринары должны были проверять качество мяса и лечить немецких лошадей и собак. Русские крестьяне тоже приводили в лечебницу своих больных коров и лошадей, а иногда вызывали ветеринаров в деревню к больному скоту. Всё это делалось под наблюдением немецкого ветеринара, которому моя будущая жена писала отчёты на немецком языке.

Ветеринарная лечебница организовала посильную помощь пленным. Все участвовали в этом деле, и если бы немцы узнали, то всех бы расстреляли.

Бывало, что на двор ветеринарной лечебницы немцы приводили пленных, которые, голодные и больные, еле двигались. Ветеринары потихоньку подкармливали их и давали им лекарства, а иногда и прятали в сарайчике, принадлежавшем лечебнице. Там их прятали до вызова ветеринаров в какую-нибудь деревню. Врач или фельдшер ехали в деревню с пропуском от немцев, а в телеге или санях прятали пленных, которых потом выпускали, указывая им путь к партизанам.

Вторым способом помощи пленным была отправка немецких лошадей, как якобы неизлечимых, в лагерь пленных на убой. Вот это и показалось однажды немцам подозрительным. Всех служащих арестовали и допрашивали, но ничего не смогли узнать.

Для пленных самым страшным была зима 1941–1942 гг. За годы оккупации, по советским данным, только в лагере на Завеличье погибло 75 тыс., в Крестах – 65 тыс. и в Песках – 50 тыс.

Священник Псковской православной миссии в Острове о. Алексей Ионов в своих воспоминаниях писал: «Когда отношение немцев к русским военнопленным стало меняться – увы, это произошло только к концу войны – я постарался вступить в контакт с военнопленными и хоть чем-нибудь помочь им. Я взял под свой протекторат небольшой лагерь под К. Там было не больше 200 человек. Всё, что мы с помощью населения могли сделать – это сварить для этих несчастных дважды в неделю мало-мальски приличный обед, состоявший, конечно, из одного блюда... Но и это было уже много: смертность в лагере заметно уменьшилась. Как жаль, что погибли письма этих несчастных людей!» [См.: ЗаСвР. № 59-3].

«Добился я (о. Алексей Ионов – прим. Р.В.П.) и разрешения совершить для военнопленных Пасхальное богослужение. Правда, оно, по требованию начальника лагеря, было совершено в храме, откуда предварительно все остальные должны были выйти; двери храма охранялись вооружёнными солдатами, но, тем не менее, человек 300 военнопленных по личному желанию, наполнили наш храм, и для них было совершено специальное Пасхальное богослужение. С каким волнением я его совершал. Я произнёс слово, в котором убеждал их не падать духом, помнить, что их матери молятся о них. При упоминании о матерях у многих на глазах показались слёзы. Со слезами на глазах слушали военнопленные и радостные пасхальные песнопения. Одевая каждого не одним традиционным, а четырьмя-пятью яичками – их принесли накануне верующие люди, как только я объявил им о богослужении для военнопленных, – я приветствовал всех обычным: «Христос Воскресе!». И все, как один, отвечали: «Воистину Воскресе!». Это были бойцы Красной армии, попавшие в плен в 1941-1942 году».

Воспоминания о. Алексея Ионина были первоначально опубликованы в журнале «По стопам Христа», Берклей (США) сент.1954 – августа 1955, затем отдельной брошюрой, Си-Клифф (США) 1955, в «Новом русском слово» 22 июня – 6 июля 1975, в «Православной Руси» Джорданвилл (США) 1982, в «Нашей стране» Буэнос-Айрес (Аргентина) 15 апр. 2000 (только отрывок) и в «СПб епархиальных ведомостях» вып.26-27/2002.

Др. РАДОСЛАВ РАСПОПОВИЧ
Исторический институт Университета Черногории

Dr. RADOSLAV RASPOPOVIC
Historical Institute of the University of Montenegro

**НИКОЛАЙ МИХАИЛОВИЧ ПОТАПОВ:
СОСТОЯНИЕ ЧЕРНОГОРСКОЙ АРМИИ С НАЧАЛА XX в.
И ЕЕ РЕОРГАНИЗАЦИЯ**

**NIKOLAI MIKHAILOVICH POTAPOV: ON THE STATE OF
MONTENEGRIN ARMY FROM THE BEGINNING OF XX AND
ITS REORGANIZATION**

Научно обосновано как сильно было влияние России (от 1711 г.) в многообразных сферах внутренней общественной жизни Черногории. Вначале оно касалось освободительной борьбы, сохранения церковной организации, влияния на православную духовную жизнь населения, его культурное развитие; потом – на провозглашение Черногории княжеством и введение новых форм правления. Наконец, особое место имело отношение России к военному состоянию страны. Подробнее см.: Ровинский П.А. Черногория в её прошлом и настоящем. В 3 тт. – СПб. 1888-1915; Хитрова Н.И. Россия и Черногория в 1878–1808 годах. – М., 1993; Её же. Черногория в национально освободительном движении на Балканах. – М., 1979; Её же. Руски војни представници у Црној Гори – учесници Октобарске револуције // Историјски записи XXIV, св. 4, 1967; Её же. Россия и провозглашение Черногории княжеством // Славянско-балканские исследования. – М., 1979; Достян И.С. Проблема государственной организации Черногории в Русско-черногорских политических связях начала XIX в. // Балканский исторический и политический сборник. – Кишинев, 1974 и другие.

В данном случае нас интересует состояние черногорской армии, начиная от начала XX века, и роль России в ее модернизации на основании донесений русского военного агента в Черногории

Н.М. Потапова¹. Эти материалы хранятся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) в фонде Генерального штаба (Ф. 2000. Оп. I и др.) и Архиве внешней политики Российской империи: в фонде Политархив (Ф. ПА). Это, прежде всего, рапорты, телеграммы, записки, письма и отчеты о деятельности Потапова в Черногории.

Чтобы ответить на вопрос, почему по просьбе черногорского князя Николая I русский военный агент в 1903 г. приехал в Черногорию, требуется ответить на два ключевых вопроса из сферы внутренних и внешне-политических отношений.

Комментируя первый вопрос, нужно сказать, что в это время Черногория не имела регулярной армии. Главная сила – народное войско – формировалось на территориально-родовой основе. Милиционная система обуславливала связанность воинов со своей областью и слабую воинскую дисциплину. Поэтому народное войско было больше приспособлено к оборонительным, чем к наступательным действиям. Оно было слабо обучено, испытывало недостаток в подготовленном офицерском составе и имело на вооружении устаревшее оружие – ружья австрийской системы Верндля и винтовки Крнка. Всё это было далеко от создания армий современного типа, которая была нужна Черногории после получения независимости 1878 г. и очень важна для внешней политики России.

Почему для Петербурга это было так важно, свидетельствуют обстоятельства международной обстановки. Известно, что на рубеже XIX и XX веков усиливается соперничество великих держав из-за сфер влияния. Одним из регионов столкновения их интересов явились Балканы. В особенности острый характер приобретают противоречия между Россией и Австро-Венгрией. После распада Союза трех императоров все более реальной становится опасность, что Австро-Венгрия и Германия выступят в качестве противников России. В условиях назревавшего конфликта с Японией на Дальнем Востоке царское правительство продолжало придерживаться заключенных в 1897 и 1903 годах соглашений с Габсбургской мо-

¹ Первым российским военным агентом в Черногории был офицер Генерального штаба Н.М. Потапов (в 1903-1915 гг.). Он прибыл в Цетинье в чине подполковника и, пробыв в стране 12 лет, вернулся в Россию генерал-майором. Николай Михайлович Потапов родился 2(14) марта 1871 года в семье чиновника. После ее окончания 1-го Московского кадетского корпуса в течение полувека находился в рядах русской армии. Завершив в 1897 году учебу в кадетском корпусе, он поступил в артиллерийское училище и затем успешно закончил Академию Генерального штаба. После этого Потапов проходил стажировку в западноевропейских странах, изучая организацию военного дела в Германии, Франции, Швейцарии и Австро-Венгрии.

нархией о сохранении статус кво на Балканском полуострове, в надежде ограничить ее экспансионистские устремления и стабилизировать там обстановку.

Особое значение имело то, что Балканы занимали существенное место в политике России. Важным моментом в этом смысле было то, что после Берлинского конгресса 1878 года произошла переориентация Сербии на Австро-Венгрию, что привело к укреплению отношений России с Черногорией. Видя в Черногории союзника в будущей войне с Австро-Венгрией, российское правительство решает предоставить денежную помощь на усиление боеспособности черногорского народного войска. В ответ на ходатайство князя Николая Александр III в 1893 году дал согласие на продолжение военной субсидии в размере 82 тыс. рублей в год которая, до этого времени выплачивалась в меньшем размере (ещё от 1872 г.).

Так формировались интересы России и Черногории по вопросу модернизации черногорской армии. Для российского правительства было важно сохранение позиций в Черногории, которую она продолжала рассматривать в качестве союзника, отводя ей большую роль в случае возникновения конфликта с Австро-Венгрией и Германией или же с Турцией. Поэтому Россия была заинтересована в создании в Черногории современной армии, способной не только к обороне, но и к наступательным действиям.

Плохое состояние черногорского войска и экспансия со стороны Габсбургской монархии постоянно вынуждали Черногорию искать поддержки России. Учитывая международное положение страны, князь Николай решил приступить к модернизации армии. Это предполагалось разрешить путем реорганизации войска, усиления его боеготовности, а также снабжения оружием и боеприпасами.

Причин для такого решения черногорского князя было много. Черногорское «народное войско» состояло из пехоты и артиллерии. В Записке Н.М. Потапова «Краткий очерк организации и боевой подготовки черногорского народного войска» отмечено, что в Черногории: „ имеется 4 действующих батальона, составленных исключительно из магометан (так называемых «турецких»), а именно – по одному при 2-й и 5-й бригадах и два при 7-й бригаде. Батальоны эти явятся боевою силою лишь в случае войны с Австриею. В случае же враждебных действий на турецкой границе они будут отведены внутрь страны.“ (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 837. Л. 2-4.)

Кроме того: “основным принципом тактической организации черногорского народного войска является «землячество». Каждая чета составляется из людей одного селения или по крайней мере

одного братства. Каждый батальон – из людей одного братства или по крайней мере одного племени. В состав бригад могли входить батальоны разных племен“. Н.М. Потапов добавляет и то, что: “Все люди 1-го класса вооружены винтовками образца 1891 года (называемыми «московками»), находящимися у них постоянно на руках. У военнообязанных 2-го класса до последнего времени находились на руках ружья Бердана, за исключением лишь двух бригад (6-й и 8-й), резерв которых был вооружен ружьями Верндля; в настоящее время решено не позже наступающей осени отобрать «берданки» и сохранять их в артиллерийских складах, а всему 2-му классу выдать ружья Верндля.“ (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 837. Л. 2-4.)

Н.М. Потапов далее пишет, что: “...3-й класс ружьями не снабжен, а...все мужское население Черногории по обычаю должно быть постоянно вооружено револьверами. Но так как последние приобретаются жителями на собственные средства, то у менее состоятельных людей револьверов не имеется. По сведениям черногорского Военного министерства не достаёт револьверов приблизительно у 20 тыс. человек“. (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 837. Л. 2-4. Подлинник.) Насчёт артиллерии было записано: “Артиллерия народного войска состоит из 6 батарей по 6 орудий. Из них в пяти батареях имеется по 4 горных 75 мм орудий Круппа и по 2 полевых крупновских орудий того же калибра, а в одной – 2 орудия горных 75 мм Круппа, 2 орудия горных 60 мм турецких и 2 орудия полевых 75 мм Круппа. Кроме того, имеется в складах 6 орудий 8 см турецких“. (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 837. Л. 2-4.)

Подчёркивает и то, что “люди для формирования батарей числятся на особом счету в пехотных четах; что касается лошадей, то таковых предназначено для артиллерии 600 штук, но в мирное время они по батареям не распределены (на руках у жителей). Списки лошадей, имевшиеся в Военном министерстве и «капетанов» (начальников административных округов) исправляются один раз в год“. (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 837. Л. 2-4.)

Далее Н.М. Потапов обратил внимание на то, что “наблюдение за адриатическим побережьем в границах Черногории возложено на Австрию...“, что угрожает суверенитету Черногории. (РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 111. Л. 2-4, 9-16, 22-23, 27-27 об., 29 об.-30 об., 37-38 об., 45 об.-46 об. Подлинник.)

Всё это предопределило решение России: “нельзя упускать из виду векового (со времен Петра Великого) верного друга России и всегдашнего передового бойца за славянство и православие на Европейском Востоке – маленькой героической Черногории. (РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 111. Л. 2-4, 9-16, 22-23, 27-27 об., 29 об.-30 об., 37-38 об.,

45 об.-46 об.) Поэтому отвечая на ходатайство черногорского князя, император Николай II в 1902 году согласился на увеличение до 249 тыс. рублей военной субсидии, которая предназначалась на финансирование военной реформы.

В процессе модернизации черногорского народного войска большая роль отводилась обучению воинов. В первые годы деятельности Н.М. Потапова были достигнуты некоторые успехи. Это было продемонстрировано во время проведения маневров в 1905 году. Но из-за задолженности Черногории австрийским банкам часть субсидии пошла на покрытие займов. Поэтому к началу XX в. за счет выплаченных Россией денег было подготовлено менее одной десятой части народного войска (около 3 тыс. человек). Народное войско продолжало испытывать острую нехватку в командном и административном составе. Многие должности занимали совершенно неподготовленные лица. Отрицательное действие оказывала также все возрастающая эмиграция мужского населения, в результате которой происходила убыль рядового состава.

Со временем рапорты Н.М. Потапова в Генеральный штаб становятся все более критичными. Он резко критикует политику князя Николая и его правительства, которые после первых поражений России в войне с Японией стали предпринимать шаги по сближению с Италией и Австро-Венгрией. В 1906 году Потапов приходит к выводу, что несмотря на все свои усилия народное войско не отвечает современным требованиям, поэтому дальнейшую выплату военной субсидии Черногории следует признать «бесполезной» и «излишней», так как эти деньги расходуются не на народные нужды, а на содержание высшей бюрократии и на «легионы» совершенно лишних чиновников. Однако российское правительство не желало наносить ущерб влиянию России в Черногории, поэтому продолжило выплату субсидии. Но, принимая во внимание доводы Н.М. Потапова, было решено усилить контроль за расходованием. В 1907 году был установлен новый порядок её выдачи. Тем самым была сделана попытка устранить злоупотребления, которые не только неблагоприятно сказывались на реорганизации вооружённых сил, но и вызывали недовольство в стране. Князь Николай был вынужден согласиться с новым порядком выдачи субсидии.

В 1906-1907 годах в Черногории были основаны новые рода войск: артиллерия, пулеметчики, телеграфисты, разведчики и санитарная служба. В конце 1907 года, благодаря совместной работе черногорского Военного министерства и Н.М. Потапова было завершено составление воинского закона, содержавшего основные положения об устройстве армии и порядке несения воинской служ-

бы. Слабую подготовку военных кадров Н.М. Потапов надеялся ликвидировать путем организации учебных сборов для командиров и открытием военно-учебных заведений. Благодаря его инициативе за период 1903-1907 годов их было открыто три: Цетинское пехотное училище, артиллерийские курсы в Никшиче и Подгорицкая унтер-офицерская школа.

При проведении преобразований Н.М. Потапов неоднократно поднимал перед Генеральным штабом вопрос о необходимости подготовки офицерских кадров. Он ходатайствовал о приеме черногорских юношей в русские военно-учебные заведения и писал о необходимости военных училищ в самой Черногории. Результатом его ходатайства явилось торжественное открытие в 1911 году кадетского корпуса, директором которого был назначен полковник Генерального штаба В.Н. Егорьев. Российское правительство командировало в Черногорию для проведения в жизнь военного закона офицеров-инструкторов: подполковника А.П. Колосова и полковника В.Г. Рачинского. Последний прибыл в страну, сопровождая артиллерийский транспорт, направляемый Россией.

Наряду с подготовкой командного состава продолжалось обучение рекрутов и рядовых воинов в учебных батальонах. При содействии Н.М. Потапова разрабатывались штаты войсковых единиц и разного рода военные уставы и инструкции.

Все финансовые ассигнования, о которых просил черногорский правитель через посредство военного агента, после соответствующего решения в правительственных инстанциях представлялись на утверждение в Государственную Думу. Вопрос о субсидировании военных реформ в Черногории обсуждался на Особых совещаниях.

Вместе с тем оказание поддержки в совершенствовании черногорской армии Н.М. Потапов обуславливал военно-политическими интересами России и рассматривал в непосредственной связи со способностью черногорской армии к наступательным действиям, к оказанию противодействия австрийской армии. Поэтому он поддерживал предложение князя Николая о заключении политического соглашения, которое должно обеспечить участие Черногории «в нужной России войне».

Этот вопрос был решён заключением Военной конвенции с Черногорией в декабре 1910 г. Русская военная субвенция Черногории увеличивалась с 331 тыс. до 600 тыс. Но Черногория зачастую не могла использовать указанную сумму без одобрения и согласия России и русского императора.

Внезапно начавшаяся Балканская война нарушила планы Н.М. Потапова, прервав работу по усовершенствованию черногор-

ской армии. Н.М. Потапов не был извещен заранее королем Николаем (с 1910 г. – **королевский титул**) о намерении Черногории вступить в войну, как не знал об этом и император Николай II. Военная конвенция потеряла значение, а выплата военной субвенции России Черногории прекратилась.

Первая мировая война застала Н.М. Потапова в Черногории. В 1915 году он был отозван на родину. После Февральской революции был назначен генерал-квартирмейстером Генерального штаба. На этой должности встретил события Октября 1917 года в чине генерал-лейтенанта. Генерал Н.М. Потапов добровольно перешел на сторону Советской власти. Это круто изменило его судьбу, сделав активным участником создания новых вооруженных сил Советской России. 23 ноября 1917 года он был назначен начальником Генерального штаба Красной Армии.

Более подробную информацию по многим рассматриваемым вопросам можно получить в научных работах автора, в частности, см.: Распопович Радослав. Дипломатија Црне Горе 1711-1918. Подгорица – Белград, 1996; Его же. *Црна Гора и Русија. Огледи и есеји*. – Подгорица – Белград, 2002;

Его же. Военная конвенция между Черногорией и Россией 1910 года // Российская история. 2009. N 2. С. 54 – 67 и другие.

Характеризуя источниковую базу исследования, следует подчеркнуть, что помимо указанных архивных источников существует ряд опубликованных сборников документов. К примеру, представляет интерес издание: Н.М. Потапов. Русский военный агент в Черногории. Донесения, рапорты, телеграммы, письма 1902 – 1915 гг. Т. I. /Отв. редакторы А.Н. Сахаров, Р. Распопович. – Подгорица – Москва, 2003; Т. II: Дневники 1906 –1907, 1912, 1914 – 1915 гг. – Подгорица – Москва, 2003.

М.А. РЕМИЗОВА
Тульский государственный музей оружия

М.А. REMIZOVA
Tula State Arms Museum

ОБЗОР ВИЗИТОВ ЧЛЕНОВ ИМПЕРАТОРСКОЙ СЕМЬИ НА ТУЛЬСКИЙ ОРУЖЕЙНЫЙ ЗАВОД В 1850–1890 гг.

AN OVERVIEW OF THE VISITS OF MEMBERS OF THE IMPERIAL FAMILY OF THE TULA ARMS FACTORY IN THE 1850-1890's.

История старейшего в России Тульского оружейного завода уже достаточно подробно изучена. Однако некоторые аспекты вызывают живой интерес и сегодня. Одним из таких является роль Дома Романовых в развитии оборонного предприятия. На этот раз, хотелось бы остановиться и подробнее осветить визиты августейших особ на завод.

Промышленный рост и строительство стратегических объектов требовали личного присутствия российских императоров и членов их семей во многих губерниях России. Часто маршрут высочайших путешествий пролегал через Тулу. Во время своего пребывания в городе Романовы особое внимание уделяли оружейному заводу, одному из первых крупных государственных оборонных предприятий, построенному по указу Петра I.

Среди более ранних исследований есть статья, посвященная визитам Александра II на Тульский оружейный завод [Ремизова М.А. Посещение тульского оружейного завода цесаревичем Александром Николаевичем/ М.А. Ремизова// Война и оружие: новые исследования и материалы: Труды Четвертой Международной научно-практической конференции, 15-17 мая 2013 г. – СПб.: ВНИМАИВиВС, 2013. – Ч.4. – С. 58-65].

После вступления на престол Александр II впервые побывал в Туле 21 сентября (3 октября по новому стилю) 1856 г., менее чем через месяц после коронации. В город он прибыл вместе со своим младшим братом Великим князем Михаилом Николаевичем. По традиции Александр II и Михаил Николаевич сначала отправились в кремлевский Успенский собор на молебен. Затем прибыли на оружейный завод, где были встречены заводским начальством

и оружейниками, «украшенными медалями и жалованными каф-танами» [Кириленко Н.Н. Посещение Тулы императором Александром II: [Электронный ресурс]. 2016. <http://www.tulainpast.ru/news/row1983/> (Дата обращения: 22.03.2017)]. Осмотрели все корпуса, мастерские и производящиеся в них работы. Император выразил свою благодарность оружейникам за мастерство, а Павла Дмитриевича Захаву, который с 16 августа 1853 г. был назначен инспектором образцовых мастерских, наградил на память перстнем [Камоликов А. Павел Дмитриевич Захава и его потомки//Тульский краеведческий альманах. 2006. – №4. – С. 95-98.].

В четыре часа дня Александр II отобедал и отбыл обратно в Москву. Великий князь, напротив, остался в Туле. На следующий день он вновь посетил оружейный завод, подробно изучал производство оружия и побывал во всех мастерских [Там же]. Его повышенное внимание к тульскому предприятию не случайно, дело в том, что с 1856 г. Михаил Николаевич занимал должность генерал-фельдцейхмейстера – главного начальника артиллерии в Российской империи. Он также посетил оружейную слободу и частные мастерские некоторых оружейников. В воскресенье, 23 сентября, Великий князь слушал Божественную литургию в церкви при оружейном заводе, и пожертвовал храму образ, преподнесенный ему ранее епископом Тульским и Белевским Димитрием.

Вечером, в качестве развлечения для Михаила Николаевича недалеко от Тулы была устроена охота на лис и зайцев.

В день своего отъезда 24 сентября в понедельник генерал-фельдцейхмейстер опять побывал на заводе – осмотрел госпиталь и арсенал.

Годом ранее Александр II вместе с братом Великим князем Михаилом Николаевичем на пути из Санкт-Петербурга меняли лошадей за Киевской заставой [ГУ ГАТО Ф. 187. Оп.1. Д. 1554. Л. 1.] и следовали через город, не останавливаясь. На «чугунном мосту» [Там же] (Зареченский мост) с традиционным хлебом-солью их встречали: командир Тульского оружейного завода – генерал-майор Герман Романович Самсон, его помощник по искусственной части – генерал Карл Карлович Стандершельд, штаб и обер-офицеры, чиновники, а также почетные оружейники. Император приказал остановить лошадей, принял хлеб-соль, не выходя из экипажа, спросил о ходе работ на предприятии, высоко отозвался о ружьях, приготовленных для Стрелкового полка, как в прочем и обо всех остальных образцах, за что лично объявил благодарность [Там же].

Наряду с официальными отчетами, воспоминаниями современников и архивными документами свидетелями императорских

визитов являются и памятники материальной культуры, чей художественный уровень соответствует значимости событий. В экспозиции Тульского государственного музея оружия почётное место занимают царские ружья. В честь посещения оружейного завода императором Александром II в 1875 г. мастерами Николаем Морозовым и Алексеем Полосатовым была украшена пехотная винтовка обр. 1870 г. На ней золотом наведена надпись: «Его Императорское Высочество Государь император Александр Николаевич в память посещения Тульского оружейного завода 1 сентября 1875 года соизволил собственноручно оттиснуть на сем стволе название завода». Ниже этой надпись: «Тульский оружейный завод. 1875 г.». На шейке приклада со всеми мельчайшими подробностями вырезан герб Российской империи, в центре которого вензель Александра II. На цевье вырезан герб Тулы, символизирующий «примечания достойный и полезный оружейный завод». Герб Тулы увенчан короной и обрамлен лавровой и дубовой ветвями [Ремизова М.А. Посещение Тульского оружейного завода цесаревичем Александром Николаевичем...С. 62-63.].

Хотелось бы отметить, что после каждого посещения Тульского оружейного завода правящий на тот момент император объявлял «Высочайшее благоволение» всем руководящим лицам предприятия [ГУ ГАТО Ф. 187. Д. 1434. Л. 1.; Д. 1437. Лл. 1-2; Д. 1580. Лл. 2-3]. Так, например, после своего визита осенью 1850 г. Николай I «найдя завод в порядке и устройстве, объявил Высочайшее благоволение: Его Высочайшему превосходительству господину инспектору всей артиллерии, ...командиру, и помощникам – полковникам артиллерии: по искусственной части Стандершельду, по хозяйственной – Андрееву; старшему смотрителю работ, артиллерии капитану Николаеву и всем штаб и обер-офицерам завода» [ГУ ГАТО Ф. 187. Оп. 1 Д. 1434. Л.1]. Всё это в конечном итоге стимулировало руководящих лиц предприятия и самих оружейников вырабатывать норму, изготавливать качественную продукцию – тем самым поддерживать работу завода на высоком уровне.

О.А. РОМАНОВ
Союз Реставраторов РФ

O.A. ROMANOV
UNION OF RESTORERS OF RUSSIA

ХРАНЕНИЕ И ЭКСПОНИРОВАНИЕ ОРУЖИЯ ЗАМКА МОНСЕЛИЧЕ (ИТАЛИЯ)

STORAGE AND EXHIBITING OF WEAPONS OF THE CASTLE OF MONCELISE (ITALY)

Византийский каstrум Монселиче – один из древнейших замковых комплексов в мире. Первые упоминания о нем датируются IV-III вв. до н.э. Он пережил Римскую империю и множество войн, был во власти лангобардов и франков, являлся важнейшей военной крепостью и административным центром. С Монселиче связано немало исторических имен: король лангобардов и герцог Турина Агилульф; император Фридрих II Гогенштауфен; властители Падуи Каррарези; князья Милана, Феррары и Вероны; кровожадное семейство Эццелино да Романо и др. Последним частным владельцем каstrума стал ученый, магнат, интеллектуал и коллекционер граф Витторио Чини. Отчасти благодаря ему, отчасти – бесчисленным многовековым тайнам, Монселиче стал одним из интереснейших, но пока еще малоизвестных туристических объектов Италии.

Замок Монселиче представляет собой комплекс зданий, состоящий из четырех основных сооружений, построенных, реконструированных и дополненных между XI и XVI веками. Расположился замок на горных склонах Эуганских холмов. Об истории и принципах строения этой архитектурной ценности известно совсем немного. До нашего времени не дошло ни единого, подтверждающего какие-либо факты, исторического документа. Нет никакой достоверной информации о строительстве этого комплекса. Еще Ганнибал Маццаролли, представлявший исполнительную власть в замке Монселиче с 1927 по 1943 гг., рассказывал о своих переживаниях относительно недостаточного упоминания об исторических корнях замка. «К большому сожалению, памяти о нем почти не осталось» – писал он. Возможно, такая таинственность каждого уголка этих древних фортификаций и притягивает к себе внимание.

Особенно интересны основные объекты, входящие в состав комплекса. Их в 1940 году описывал знаменитый итальянский искусствовед и архитектор Нино Барбантини в своей книге, посвященной замку Монселиче. Также им был составлен план замкового комплекса. Согласно описаниям Барбантини, среди всех построек наиболее четко выделяется Романский дом, дополненный стилевыми строениями Каррарези. Эти постройки датируются XI–XIV веками. Комплекс сооружений, построенный между XI и XIX веками, а также небольшая церковь XVIII в., были посвящены Святой Елене.

На западной стороне расположился Дворец Эццелино да Романо – самая впечатляющая постройка. Некоторое время тут базировалась фабрика Марчелло, работавшая в первой половине XV века. Далее на запад расположился комплекс Палазетто XVII в., который, спустя время, стал частной коллекционной библиотекой графа Чини. Название этого комплекса неоднократно менялось с целью сохранения целостности библиотеки. Помимо официального названия «Ка Марчелло», использовались и такие, как «Замок Чини» или «Башня Эццелино».

Понятие «замок», применяемое к Монселиче в наше время, не соответствует старинному термину «каstrум», обнаруженному в древних документах. Это связано с тем, что «замок» подразумевает исключительно строение, а «каstrумом» обозначается весь комплекс, расположенный на территории Эуганских холмов. Сохранившиеся исторические документы и исследования Археологического Общества Венето показали, что комплекс строился как минимум в семь этапов. Также археологи указали на осуществлявшиеся в те времена реставрационные работы и другие физические вмешательства. Эти сведения были получены на базе изучения нижних слоев каждой конструкции комплекса и деградации почв.

Известно, что граф Чини, с 1935 г. являвшийся полноправным собственником комплекса, изначально планировал уступить его городу Монселиче, но глава исполнительной власти Маццаролли пояснил, что финансовое положение города не позволяет согласиться на данную процедуру. Во времена, предвещавшие вторую мировую войну, на графа Чини была возложена задача, требующая сохранения и реструктуризации комплекса. К тому же, во время Первой мировой каstrум очень сильно пострадал. Известный итальянский ученый, исследователь Эуганских холмов Адольфо Каллегари в 1923 году описывал замок словами: «...снаружи – зубчатые стены, готовые бросить вызов многим векам, но внутри – пустынные и безжизненные коридоры. Замок необитаем. Его голые, выбеленные известкой стены покрыты трещинами, а полы прогнуты».

Витторио Чини совместно с Нино Барбантини решили провести реставрационные работы, в ходе которых были восстановлены опорные балки, остеклены окна, воссозданы стены и осуществлен целый комплекс работ по особенной реставрации помещений. Также предстояло воспроизвести обстановку давно минувших времен, с сохранением архитектурных памятников и исторических строений. И сегодня в восстановленном комплексе гостям представлены практически все объекты в их первоначальном виде, несмотря на то, что в процессе реставрации в 1930-х годах были проведены многочисленные сносы и переделки.

Оружейный зал

Особый интерес вызывает музей старинного оружия, созданный графом Витторио Чини в 1942 году. Он расположился на первом этаже Дворца Эццелино, выстроенного еще в XIII веке. Оружейная коллекция распределена по трем залам, в каждом из которых находятся ценнейшие экспонаты военных и турнирных доспехов и орудий. Нино Барбантини, помогавший Чини с реконструкцией, воплотил главный замысел графа – не создать исторический музей, а по-настоящему перенести гостей в прошлое. По фрескам и картинам, обнаруженным в замке во время реставрационных работ, он воссоздал средневековую обстановку, в которую удачно «вписал» бесчисленную коллекцию оружия, старательно собранную графом Чини по всей Италии.

Древковое оружие

Граф Чини был знатным коллекционером и обладал великолепным вкусом. Помимо произведений изобразительного искусства, он коллекционировал старинные предметы интерьера и оружие. Все это делалось ради того, чтобы создать не просто музей: он хотел в максимально полной мере передать дух и атмосферу средневековья. У него получилось, ведь все, кто посещал музей и особенно его оружейные залы, действительно ощущали некую энергетику. Посетителям казалось, что еще мгновение – и где-то стукнет ведрами прислуга, из невидимой кухни донесутся ароматы жареного гуся и душистых приправ, а в залы ворвутся рыцари в шлемах и, расхватав оружие, умчатся на войну. Недаром здесь собрано такое количество копий, алебард, протазанов и прочих устрашающего вида орудий.

Артиллерийское оружие музея замка Монселиче

Самой первой артиллерией можно считать метательные конструкции IV-III вв. до н.э., с помощью которых врага забрасывали зажигательными смесями из смолы, серы, пакли и щепок. Примерно в VII в. н.э. появился «греческий огонь» – настоящий ночной кошмар противников Византийской империи, ведь погасить его

было фактически невозможно. Вода для этих целей не подходила, она лишь усугубляла положение. Загнать «греческий огонь» можно было лишь уксусом, вином или песком. Было много и других способов «доставать» врага с большого расстояния, но однажды, с появлением первого примитивного пороха была изобретена и первая пушка.

Официальным «отцом» артиллерии считается патер Шварц – некий немецкий монах, якобы изобретший первую пушку в 1354 году. Но существуют свидетельства, что пушки использовались гораздо раньше. Поэтому истинный «автор» этого артиллерийского изобретения до сих пор не установлен. Но с тех пор пушки стали неотъемлемой частью любого боевого сражения. Постепенно они преобразовывались, совершенствовались. В оружейном музее замка Монселиче представлено несколько хорошо сохранившихся орудий XVI–XVIII столетий.

Клинковое оружие

Отдельного внимания стоит коллекция клинкового оружия, собранная графом Витторио Чини. Прекрасно сохранившиеся мечи, шпаги и кинжалы выполнены настолько мастерски, что даже современные оружейные дел мастера, не в силах придумать что-то новое, изготавливают абсолютно идентичные реплики этих орудий. Бесспорно, они очень красивы, но у них нет истории, как у тех, что представлены на фото.

Центральную часть занимают обычные двуручные мечи-эспадонь, получившие название «цвайхандер». Такими пользовались пехотинцы с XV по XVII век. Их длина могла достигать 180 см, а вес колебался в пределах 3,5 кг. Носили такие мечи за спиной или перебросив через плечо, без ножен. Самый большой меч такого типа хранится в нидерландском музее (королевство Фризия, г. Левуарден). Его длина составляет 215 см, а вес – 6,6 кг. Это церемониальный меч, но есть легенда, что однажды, когда этот меч вынесли в бой в качестве знамени, известный фризийский наемник и пират Пьер Герлофс Дониа, обладавший гигантским ростом и недюжинной силой, захватил его и стал использовать в бою.

Ударное оружие

Редкие средневековые войны обходились без ударного оружия. Коллекция музея Монселиче располагает интересными экземплярами «потомков» первобытной дубинки – булавами, шестоперами и кистенями. Булава считается первым видом оружия, специально изготовленным человеком, и берет начало от палки и насаженного на нее камня. Самые простые булавы изготавливались из дерева или кости. Уже в III в. до н.э. люди создавали булавы с наверхия-

ми из камней, искусно обработанных и доведенных до идеальных форм. На протяжении столетий оружие совершенствовалось, а его увесистый набалдашник обретал все более новые конфигурации.

Метательное оружие

И еще один вид древнейшего оружия представлен в оружейном зале замкового комплекса Монселиче – арбалет. Это оружие возникло приблизительно в V в. до н.э. и, наряду с луком, состояло на вооружении разных армий мира вплоть до XVI столетия, после чего исчезло в качестве боевого орудия. Все чаще его стали использовать для развлечения, охоты, спортивных состязаний. Но до тех пор арбалет применялся для осады городов и замков. Он обладал высокой дальностью стрельбы, легкостью прицеливания и очень высокой точностью. И стрелять из него было намного проще, чем из лука. Все, что требовалось от арбалетчика – это сила, которой хватало бы для натяжки тетивы.

Арбалеты XV века.

Именно в этот период деревянные дужки оружия были заменены стальными. Корпус же оставался деревянным. Достаточно толстая тетива изготавливалась из конопляной нити на специальном станке. Нити на нем располагались таким образом, чтобы сила натяжения каждой из них была одинакова. Узелков и утолщений нитей не допускалось. Можно сказать, изготовление одной только тетивы было целым искусством и добавляло стоимости и без того дорогому оружию. На рис. 45 представлены классические арбалеты с обычными дугами. Лишь одно орудие имеет более изогнутые дуги. Такая форма «плечиков» немного облегчала процесс натяжки тетивы.

Заключение

Сегодня интереснейший замковый комплекс Монселиче известен, разве что, самым заядлым отечественным путешественникам, любящим историю и искусство. А, между тем, это старинное место могло бы наверняка понравиться любителям реконструкций всевозможных исторических событий, таких как, к примеру, рыцарские турниры. С начала мая по начало октября эти зрелищные мероприятия проводятся по всей Италии, и Монселиче – одно из мест, где турниры, в том числе и конные, проводятся наиболее масштабно и атмосферно. Даже воссозданные в мельчайших деталях военные механизмы, катапульты, арбалеты, смоляные котлы и прочий антураж приведут в восторг каждого, кто захочет ощутить дух средневековья и побороться за сердце прекрасной дамы.

Л.Д. САБУРОВ

Центральный музей Вооруженных Сил Российской Федерации

L.D. SABUROV

Central museum of Armed Forces of the Russian Federation

ХОЛОДНОЕ И СТРЕЛКОВОЕ ОРУЖИЕ, ИМЕЮЩЕЕ МЕМОРИАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ, В ЭКСПОЗИЦИИ ЦМВС РФ COLD ARMS AND SMALL ARMS, WHICH HAVE MEMORIAL VALUE, IN THE EXPOSITION OF CENTRAL MUSEUM OF ARMED FORCES OF THE RUSSIAN FEDERATION

За годы своего существования музей собрал значительную коллекцию оружия и боевой техники. В 1990-е гг. фонд и экспозиция пополнились уникальными экспонатами, переданными ЦМВС РФ американо-русским обществом «Родина», в число которых вошло холодное оружие офицеров Русской армии, участников Первой мировой войны 1914–1918 гг.:

Наградное Георгиевское оружие шашка офицерская казачья образца 1904 г. генерал-лейтенанта А.И. Деникина, которую его дочь Марина Деникина передала президенту В.В. Путину в 2005 г. В Высочайшей наградной грамоте было указано, что оружие было вручено «За то, что вы в боях с 8 по 12 сентября 1914 г. у Гродека с выдающимся искусством и мужеством отбивали отчаянные атаки превосходного в силах противника..., а утром 12 сентября сами перешли с бригадой в решительное наступление» [А.И. Деникин. Путь русского офицера. Издательство имени Чехова. Нью-Йорк. 1953. С. 335].

Одним из интереснейших экспонатов является шашка офицерская наградная образца 1881 г. «Золотое оружие за храбрость» генерала от инфантерии Н.Н. Юденича. Доклад военного министра генерал-адъютанта В.А. Сухомлинова Николаю II коротко и емко раскрывает его роль в успешно проведенной операции: «Результатом всех распоряжений и мероприятий названного генерала была обеспечена полная победа под Сарыкамышем» [ГАРФ. Ф. 400. Оп. 12. Д. 26981. Л. 23–24].

В разделе экспозиции «Балтийский флот» представлен кортик наградной офицерский «Георгиевское оружие» начальника штаба

Балтийского флота вице-адмирала Л.Б. Кербер, который был им награжден за отличия в военной кампании 1914 г. на Балтийском море.

В отдельной витрине помещена шашка драгунская офицерская образца 1909 г. «Анненское оружие» полковника лейб-гвардии конного полка В.Ф. Козлянинова, которой он был награжден за отличие в бою 6 августа 1914 г. под Каушеном в Восточной Пруссии.

В фондах музея хранится реликвийное оружие участников Гражданской войны:

Личное оружие Главкома Вооруженных Сил Республики С.С. Каменева – 9 мм пистолет Борхардта-Люгера образца 1908 г., модель 1917 г. (для артиллеристов); карабин обр. 1907 г., изготовленный на Ижевском оружейном заводе и подаренный ему в 1919 г. после освобождения г. Ижевска).

6,35 мм пистолет системы Маузера образца 1910/1914 г. Германия. Из коллекции И.В. Сталина. Поступил из комендатуры Кремля в 1987 г.

Почетное революционное оружие К.Е. Ворошилова, М.В. Фрунзе, С.М. Буденного.

7,63 мм пистолет системы Маузера образца 1896 г., модель 1912 г. Германия. Принадлежал начальнику 6-й кавалерийской дивизии 1-й Конной армии И.Р. Апанасенко. На левой щечке рукоятки металлическая пластина «Начдиву 6 кав. 1 Конармии И.Р. Апанасенко за взятие Ростова от Реввоенсовета 1-й Конармии».

6,35 мм пистолет сист. Браунинга образца 1906 г. Бельгия. Принадлежал адмиралу А.В. Колчаку. Изъят при аресте под Иркутском. Поступил в музей от бывшего командира полка 30-й Иркутской дивизии генерал-лейтенанта И.К. Смирнова в 1964 г.

После убийства в 1934 г. С.М. Кирова были введены жесткие ограничения на хранение оружия всех видов, в том числе и в музеях. Была команда – реликвийное оружие всех героев Гражданской войны сдать на склад ГАУ РККА. В результате почти все оружие, в том числе уникальные образцы, собранное за 15 лет существования музея, было сдано. Из 656 единиц огнестрельного и холодного оружия, числившихся в музее в апреле 1934 г., к марту 1941 г. осталось всего 91. Начальник музея В.К. Трофимов, рискуя жизнью, не выполнил приказ, благодаря этому оно сохранилось.

Шашка кавказская начдива В.И. Чапаева, которую он подарил своему заместителю И.С. Кутякову за взятие Бугуруслана. В 1937 г. И.С. Кутяков был репрессирован. Длительное время шашка считалась пропавшей. После Великой Отечественной войны руководство музея обратилось к председателю КГБ И.А. Серову с просьбой най-

ти шашку. Ее обнаружили у одного из работников КГБ в Средней Азии.

Оружие участников Великой Отечественной войны:

Снайперская винтовка, подаренная Герою Советского Союза Л.П. Павличенко работниками Ижевского завода. На её счету к июлю 1942 года было 309 уничтоженных фашистов. В 1943 г. ей было присвоено звание Героя Советского Союза [Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь: в двух томах. / Под ред. В.П. Горемыкина. Т. 2. М.: Буки Веди. 2015. С. 235].

7,65 мм пистолет системы Маузера командира 123-й стрелковой дивизии генерал-майора А.П. Иванова. 13 февраля 1944 г. Москва салютовала войскам, освободившим г. Луга. Девяти соединениям и частям было присвоено наименование Лужских. Это наименование появилось и на Боевом Знамени 123-й стрелковой дивизии.

7,62 мм пистолет-пулемет сист. Шпагина обр. 1941 г. Героя Советского Союза А. М. Матросова [Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь: в двух томах. / Под ред. В.П. Горемыкина. Т. 2. М.: Буки Веди. 2015. С. 89].

В годы Великой Отечественной войны возрождается целый ряд традиций дореволюционной Русской армии. Одной из них является навечное зачисление героев в списки части, в которой они несли службу. Первым военнотружущим, навечно зачисленным в состав 254-го стрелкового полка, стал рядовой Александр Матросов, закрывший своим телом вражескую огневую точку. А имена, навечно зачисленных в состав воинской части, выбиты на мраморных досках в зале Победы нашего музея.

14,5 мм противотанковое ружье системы Дегтярева образца 1941 г., заводской № 961. Оно принадлежало стрелку-бронбойщику 4-го стрелкового полка 98-й стрелковой дивизии 2-й гвардейской армии рядовому И.М. Каплунову. 19 декабря 1942 г. Илья Каплунов у хутора Нижне-Кумский подбил 9 немецких танков.

Станковый пулемет сист. Максим командира расчета пулеметной роты 262-го гв. стрелкового полка 87 гв. стрелковой дивизии 2 гв. армии. рядового В.П. Жаркова. Он отличился в ходе проведения Мелитопольской операции. Из представленного пулемета сист. Максим уничтожил расчеты 4-х станковых и 4-х ручных пулеметов, свыше 60 солдат и офицеров врага. В ходе боя был тяжело ранен, однако продолжил сражаться пока не погиб. Посмертно был удостоен звания Героя Советского Союза. [Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь: в двух томах. / Под ред. В.П. Горемыкина. Т. 1. М.: Буки Веди. 2015. С. 468].

В музее экспонируется подарочное оружие Маршала Советского Союза Г.К. Жукова:

7.65 мм пистолет системы Вальтера обр. 1931 г. Подарок Г.К. Жукову от генерал-лейтенанта Л.А. Говорова в период Московской битвы.

Шашка генеральская обр. 1940 г. Подарок Г.К. Жукову от коллектива оборонного завода. На клинке надпись: «Герою и Маршалу Советского Союза Г.К. Жукову».

Подарочное оружие Генералиссимуса Советского Союза И.В. Сталина: 7.62 мм пистолет системы Нагана обр. 1895 г. Подарок И.В. Сталину от Ижевских оружейников; 6,35 мм Пистолет Тульский, Коровина, образца 1926 г. Подарок И.В. Сталину от рабочих Тульского оружейного завода.

Представленное оружие является напоминанием подвигов солдат и военачальников в грозные годы истории нашего Отечества.

Е.И. САМАРЦЕВА
Тульский государственный музей оружия

E.I. SAMARTSEVA
Tula State Arms Museum

**ПОЛКОВНИК ПЕХОТНОГО АРХАНГЕЛОГОРОДСКОГО
ПОЛКА Т.П. БОЛОТОВ**

**COLONEL OF AN INFANTRY REGIMENT T.P. BOLOTOV
(ARKHANGELOGORODSK REGIMENT)**

Имя отечественного писателя, учёного, просветителя Андрея Тимофеевича Болотова (1738–1833) известно не только в России, но и во многих странах мира. Ему было всего 12 лет, когда не стало отца – полковника пехотного Архангелогородского полка Тимофея Петровича Болотова. Немногочисленные сохранившиеся документы свидетельствуют, что Т.П. Болотов был человеком незаурядным.

В своих знаменитых «Записках» Андрей Тимофеевич писал об отце: «Службу свою продолжил он с самого малолетства, сперва, в пехотных полках, потом, как начали составлять Измайловский гвардейский полк, то взят был в оный, в котором дослужился до капитанов, и был в походах с Минихом, против турок и на приступе очаковском; а как выпустили его в сей полк в полковники, то ходил он во время шведской войны с Кейтом на галерах» [Болотов А.Т. Записки Андрея Тимофеевича Болотова / Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. В 4-х тт. – СПб., Печатня В. Головина. 1738 – 1793: Т.1. ч. I – VII: 1738 – 1760. – 1870. – Стб. (столбец) 124].

Документы РГАДА, во многом обобщённые А.Л. Толмачевым, конкретизируют служебную деятельность Т.П. Болотова: 1714 г. – драгун 1-го драгунского полка; 1721 г. – подпоручик гренадерского полка, «по поручению Петра I сопровождал жнецов из Прибалтики в Тамбовский край для обучения крестьян пользоваться косами»; с 30.03.1726 г. – поручик (Лессиева пехотного полка); 1736 г. – на Тульских оружейных заводах для «учреждения доброго порядка»; 1737 г. – участник Крымского похода Миниха, взятия Очакова; 1739 г. – участник Ставычанской битвы, взятия Хотина, получил

чин капитана гвардии; с 31.01.1741 г. – полковник пехотного Архангелогородского полка, жалованье 600 руб. в год... [Болотов Тимофей Петрович // Культура и быт русского дворянства в провинции XVIII в. Проект Германского исторического института в Москве / Науч. рук. О.Е. Глаголева, рук. И. Ширле. Электронный ресурс: http://adelwiki.dhimoskau.de/index.php/%D0%91%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D1%82%D0%BE%D0%B2_%D0%A2%D0%B8%D0%BC%D0%BE%D1%84%D0%B5%D0%B9_%D0%9F%D0%B5%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87#cite_ref.D1.81.D0.BD.D0.BE.D1.81.D0.BA.D0.B0.D0.A21_0-4 (дата обращения: 20.02.2017)].

Допустимо уточнить, что Т.П. Болотов принимал самое непосредственное участие в ряде военных походов русско-турецкой войны (1735 – 1739 гг.), когда и получил чин гвардейского капитана. В августе 1739 г. русская армия во главе с Христофором Минихом встретилась при Ставучанах (иногда – Ставычаных) с османской армией. Под началом Вели-паши было около 90 тысяч человек: 15-20 тысяч янычар, 8-20 тысяч спахов и сербеджей, 7 тысяч липканов и 40-50 тысяч крымских татар. Артиллерия армии состояла из 70 орудий. Русская армия насчитывала 61 тысячу человек при 250 орудиях, включая 85 полевых. В самом сражении «при ружье в строю» участвовало 48 тысяч человек. 17 (28) августа 1739 г. османская армия была разбита, что означало и падение Хотинской крепости [См. сайт «HistoryWars.info/http://historywars.info/p302501_RuTc1736.html; <http://100.histrf.ru/commanders/minikh-khristofor-antonovich/> (дата обращения: 22.02.2017)].

Нельзя сказать, что между отцом и сыном Болотовыми прослеживается явное сходство. Тем не менее, их объединяла не только военная служба, но и многие склонности, черты характера. В частности, А.Т. Болотов отмечал в отце: «...разум имел он острый и довольно просвещенный. Говорил весьма хорошо по-немецки, которому языку обучен он был ещё в малолетстве, знал арифметику и географию...»; «По причине любления справедливости и всегдашнего хорошего поведения, кроткого, тихого и миролюбивого своего нрава, был он всеми добрыми и честными людьми любим...»; «...не разумел нынешней зловредной политики, не умел притворно льстить...»; «К закону имел он должное почтение...»; «...не будучи ханжею и суевером, был довольно набожен и прибежен к церкви. Он имел о украшении оной особое попечение, и будучи охотником до музыки, завел в полку прекрасный хор певчих»; «К музыке он имел особливую охоту, и игрывал сам довольно хорошо на флейтузе...»; «К щегольству и пышности не имел он ни малейшей склонности...»; «Компании бывали у него хотя нередки, но никогда не

помню я, что видел его подгулявшим...»; «Не было в нём ни запальчивости, ни дальней склонности к гневу, лютой и жестокости; люди и домашние его не могли приносить в том на него жалобу и не стонали от жестокости, как у прочих...»; «С покойною родительницею моею жил он во всю свою жизнь согласно и мирно, несмотря хотя была она не совсем согласного с ним нрава...» [Болотов А.Т. Записки... – Т.1. Стб. 124, 125; 126; 127; 128].

Таким остался Т.П. Болотов в памяти своего сына. Тимофей Петрович умер 25 сентября 1750 г. Пройдут десятилетия и в 1833 г., переживая по поводу кончины уже самого Андрея Тимофеевича, его сын Павел будет упоминать аналогичные черты характера своего отца.

М.С. САМАРЦЕВА
Тульский государственный университет

M.S. SAMARTSEVA
Tula State University

**«РАССКАЗ ТУЛЬСКИХ ОРУЖЕЙНИКОВ И МЕЩАН
О ВОЛШЕБНИКЕ ДЕМИДЕ» И ДРУГОЙ ФОЛЬКЛОР
(по материалам Тульских епархиальных ведомостей)**

**«THE STORY OF TULA ARMOURERS AND WARSHEADS
ABOUT THE MAGIC DEMID» AND ANOTHER FOLKLORE
(Based on the materials of the Tula Diocesan Gazette)**

В сказках и легендах скрываются своеобразные истории и традиции, передающиеся из поколения в поколение. Во второй половине XIX века богатый фольклор Тульского края нашёл своё отражение на страницах Тульских епархиальных ведомостей (ТЕВ). С первых номеров издания (1862 года), знакомимся с традициями празднования Нового года, Рождества и многих других праздников – через исторический контекст поучений священнослужителей: «Слово на новый год Архимандрита Андрея», «Поучение на Богоявление Господня» и т.д. Регулярно авторы ТЕВ, особенно преподаватель В. Благовещенский, делились собственными краеведческими изысканиями.

Тульский край издавна славился легендарными мастерами: это и Левша, и мастер Тычка. Не обошли народные сказания род Демидовых. В 1881 году в Тульских епархиальных ведомостях был опубликован «Рассказ тульских оружейников и мещан о волшебнике Демиде»: «Жил был в Туле один мещанин, по имени Демид. Он любил охотиться за птицами. Но сначала он терпел одни только неудачи» [Благовещенский В. Рассказ тульских оружейников и мещан о волшебнике Демиде // Тульские епархиальные ведомости. – 1881. №1. С.12].

Как и во многих легендах о богатстве и успехе, в этой истории не обошлось без нечистой силы:

«Вот однажды, когда он горько жаловался на свою судьбу, ему является в поле старый престарелый человек и говорит: «Демид, чего ты так запечалился, загорюнился? Не печалься на свою судьби-

ну. Исполни то, что я тебе предложу, — отдай мне свою душу и у тебя будет много богатства и во всем успех. Демид послушался и отдал ему свою душу. С этих пор у него завязалась самая крепкая дружба — «любовь»: с нечистой силою, которая научила его многим чародействам и волшебствам, навозила ему так много золота, что целый двор был засыпан и полон этим добром».

Но, несмотря на проданную душу и несметные богатства, которые приписывают Демиду, он не теряет ни человеческого лица, ни щедрого сердца: «При всем том, он был так щедр и милостив, что всех и каждого наделял золотом. Вот однажды к нему приехал мужик попросить денег. Демид велел ему въехать на двор и сказал: «... бери, сколько хочешь, — сколько можешь насыпать на свою телегу».

Интересно, что в этой истории именно «мужик» показывается с нелицеприятной стороны: «Мужик обрадовался такой доброте Демиды и насыпал себе золота целую телегу». Увы, лошадь не смогла сдвинуть телегу с места. «Рассердившись, он начал бить ее палкой. От ударов палки и непосильной тяжести лошадь растянулась и околела. Мужик тогда кинулся бежать. Демид велел его напугать (выражение тул. мещан, значит — догнать). Мужика, догнали и привели к Демиду, который велел его жестоко наказать за жадность к деньгам и убийство лошади».

Помимо всего прочего, в легенде ведется речь и о церквях: «При своей жизни Демид построил, Никольскую церковь (около Демид. улицы) и решил выстроить золотую церковь, если Бог простит грехи, но Бог не простил, и ему не пришлось выстроить золотую церковь». В фольклорном изложении эту церковь построил Акинфий Демидов — внук Демиды Григорьевича Антуфьева — родоначальника рода Демидовых.

«После смерти его положили в большой, чугунный гроб и повесили его на цепях в огромной подземной пещере под выстроенною им Никольскую. Этот гроб висит там и доселе. После смерти его, некоторые бут-то бы отыскали подземный ход от его дома в том месте, где теперь находится Демидовская улица, хотели было туда проникнуть, но никак не могли: дул до того сильный и пронзительный ветер, что даже невозможно было стоять на ногах. Хотели-было туда пройти с крестным ходом. Но и тут та же неудача: явилось множество духов, которые совсем, не допустили до этой пещеры и строго охраняли доступы в это таинственное, мрачное и чудесное место».

Таковыми строками заканчивается одна из тульских легенд о Демидовых в интерпретации автора ТЕВ.

Как пишет учитель Георгиевского Тульского училища, Владимир Благовещенский: «Это предание о Демиде вероятно состави-

лось по поводу богатства известных Демидовых!.. Христорождественская церковь в Туле, которая прежде была освящена во имя Николая Чудотворца, и теперь, иногда по-старинному называется Николою-Богатым. Такое название, как рассказывают, она получила оттого, что близ этой церкви, жили Демидовы, которые славились своим богатством и были прихожанами этой церкви» [Благовещенский В. Рассказ тульских оружейников и мецан о волшебнике Демиде // Тульские епархиальные ведомости. – 1881. №1. С.13].

В ТЕВ периодически публиковались тексты народных песен. «Авсенева песня» была записана в селе Байдик Тульского уезда, её пели дети под Новый Год:

«Пошел Авсень мосты мостить, ох, Авсень, мосты мостить! Трём святителям: первому святителю Рождеству Христову, а второму крестителю, что крещению, третьему святителю Ивану Крестителю. Почему Авсень русам город мостил? Потому Авсень Русалим город спознал? Сам Иисус Христос Русалим город спознал» [Благовещенский В. Народные песни // Тульские епархиальные ведомости. – 1881. №20. С.259-260].

Подобные песни в достаточной мере показывают преимственность, взаимосвязь славянских корней и православной культуры, когда языческий персонаж вписывается в христианские традиции.

«Духовный стих», посвященный распятию Иисуса Христа был записан со слов нищих в Тульском уезде:

«...Ручки, ножки гвоздями прибивали,

Копьем ребра перешибали,

Святую Его кровь проливали,

Нетленные ризы изорвали,

По клокам ее разметали...» [Благовещенский В. Народные песни // Тульские епархиальные ведомости. – 1881. № 20. С.260].

«Бытовая песня» была обнаружена в Чернском уезде. Эта песня пелась на свадьбах и сопровождалась традиционными действиями: «По середине ходит молодая жена, а по сторонам сидят представляющие свекра, свекровь, деверя, золовок, теток и молодого мужа. Молодая жена указывает попеременно на того из них, про кого говорит, даже выталкивает за дверь двух теток, бьет мужа» [Благовещенский В. Народные песни // Тульские епархиальные ведомости. – 1881. № 20. С.261].

Вот такие сказки и песни встречались на страницах епархиальной газеты. Каждый год публиковалось что-то новое, вбирая и обобщая фольклорные находки по родному краю. В этом ключе Тульские епархиальные ведомости – ещё не до конца исследованный исторический источник.

И.А. СЕРГИЕВСКИЙ
Военная академия Генерального штаба ВС РФ

I.A. SERGIEVSKIY
Military Academy of the General staff of the Russian armed forces

**К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ ПРИЕМНОЙ КОМИССИИ
НА ТУЛЬСКОМ ОРУЖЕЙНОМ ЗАВОДЕ
В ХОДЕ ВОЕННОЙ РЕФОРМЫ Д.А. МИЛЮТИНА**

**THE QUESTION OF THE ESTABLISHMENT OF THE
ACCEPTANCE COMMISSION AT THE TULA ARMS FACTORY
IN THE COURSE OF MILITARY REFORM OF DMITRY
MILYUTIN**

Интенсивное развитие и успешная деятельность оборонно-промышленного комплекса невозможны без системы контроля качества выполнения государственного заказа. Эту важную функцию берут на себя военные представительства МО РФ, которые играют роль представителей заказчика на оборонных предприятиях.

На наш взгляд, довольно актуальным является изучение опыта работы военпредов в Российской империи. Имея в то время, как и сейчас, капиталистический уклад экономики, Россия столкнулась с необходимостью масштабного расширения производства военной продукции, особенно в середине XIX – начале XX веков. Особенно ярко данное явление можно рассмотреть в ходе изучения организации работы на Тульском оружейном заводе, который по праву являлся первым среди представителей своей отрасли, как по объемам производства, так и по внедрению технических новшеств.

К середине XIX века отечественный институт военной приемки представлял собой аппарат артиллерийских приемщиков, размещенных на постоянной основе на Уральских и Олонецких заводах горного ведомства. По приказу Артиллерийского департамента на оружейные заводы с определенной периодичностью прибывал приемщик (как правило офицер из ближайшей артиллерийской части) с группой оружейных мастеров, которые и осуществляли приемку. Стоит отметить, что во время приемки продукции они подчинялись не Артдепартаменту, а начальнику завода

[Маковская Л.К., Ильина Т.Л. Институт военного представительства (историческая справка) // Повелители огня: (Сб. ст. и материалов, посвящ. 135-летию Гл. ракет.- арт. упр.). / Под ред. Н.И. Караулова. М.; СПб.: ГРАУ МО РФ, ВИМАИВиВС, 1997. С. 230–257]. Таким образом, если на заводах горного ведомства военная приемка была постоянна и независима, то этого нельзя сказать об оружейных производствах.

Основное промышленное производство стрелкового вооружения базировалось на трех оружейных заводах: Тульском, Ижевском и Сестрорецком. Стоит заметить, что в Туле, кроме непосредственно военного завода, имелась масса частных оружейных мастерских, которые при выполнении госзаказов входили в тесную кооперацию с казенным предприятием.

Согласно воспоминаниям современников, оружейные заводы в то время работали в очень трудных условиях. Величина исполняемых ими нарядов постоянно зависела от накала международной обстановки, когда русское правительство предпринимало очередной переход армии на более современные образцы оружия. После чего объемы заказов от государства падали, а это негативным образом сказывалось на производстве и занятости рабочего персонала оружейных заводов [Генерал В.С. Михайлов (1875–1929 гг.): Документы к биографии. Очерки по истории военной промышленности. / Сост.: Ю.В. Ильин. М.: РОССПЭН, 2007. С. 119].

В то же время некоторые официальные государственные и военные деятели осознавали необходимость введения беспристрастного ведомственного контроля качества продукции на оружейном производстве. Так, в проекте положения об устройстве оружейных заводов, который был представлен инспектором всей артиллерии генералом Н.И. Корфом в 1852 г. на рассмотрение Военного Совета, отмечалось, что *«было бы полезным назначить в каждый из оружейных заводов для приема оружия особых штаб-офицеров, которые бы следить за всей выделкой оружия и принимать в свое ведение готовое оружие»* [Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (далее – ВИМАИВ и ВС). Ф. 6. Оп. 5/9. Д. 442. Л. 2-2 об.].

Тем не менее, к вопросу формированию органов военной приемки на производствах стрелкового оружия вернулись лишь к началу царствования Александра II. Большая заслуга в создании приемных комиссий на оружейных заводах принадлежит графу В.В. Левашеву (будущему генералу от артиллерии, члену комитета об улучшении штуцеров и ружей). Выявлено, что ходе свой команди-

ровки в Париж в 1856 г., он посещал французские военные заводы и строевые части, *«осматривая в подробностях как настоящее вооружение полков французской армии, так и подготовку ружей»* [Государственный архив Российской Федерации. Ф. 973. Оп. 1. Д. 254. Л. 1]. После чего, 8 апреля 1858 г. на тот момент штабс-капитан В.В. Левашев подает рапорт на имя генерал-фельдцейхмейстера великого князя Михаила Николаевича, где критикует старый порядок контроля качества продукции и признает полезным *«для приемки ружей в арсеналы всех наших заводов составить при каждом из них особую независимую от завода Комиссию»* [Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 3. Оп. 56. Д. 1086. Л. 1 об.]. Рапорт получил положительную оценку и Военное министерство приступило к созданию приемных органов на заводах по производству стрелкового оружия.

Высочайшее распоряжение о создании приемных комиссий на оружейных заводах последовал 17 октября 1859 г., в котором *«Государь император благоугодно утвердил, в виде опыта, на один год положение и штаты об учреждении при наших оружейных заводах приемочных комиссий для проверки и приема от заводов ручного огнестрельного оружия, принадлежащих к нему частей и других изделий»* [Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 504. Оп. 7. Д. 942. Л. 1.].

Продукция, изготавливаемая на оружейных заводах стала проходить не только военную, но и собственную заводскую приемку. На Тульском оружейном заводе учреждение, выполнявшее приемку, называлось «ладной», а на Сестрорецком и Ижевском – «приемной палатой». В этих заведениях *«оружие окончательно приводилось в надлежащий вид, и по осмотру его заводскими браковщиками, передавалось уже совсем готовое в приемные комиссии»* [РГВИА. Ф. 504. Оп. 7. Д. 942. Л. 24.]. Таким образом, эти органы являлись прообразом современного отдела технического контроля (ОТК). Нужно отметить, что по первоначальному плану данные органы планировалось расформировать, а на их месте создать приемные комиссии, независимые от заводов. Однако, руководствуясь здравым смыслом, двойной контроль как со стороны производителя, так и со стороны заказчика был сохранен.

Согласно временному штату приемных комиссий, учрежденных при Тульском оружейном заводе, руководство данной структуры осуществлял председатель комиссии, назначаемый генерал-фельдцейхмейстером из числа артиллерийских штаб-офицеров. В его распоряжении находились три обер-офицера (два из артиллерии и один из пехоты), *«преимущественно хорошо знакомые с оружейной частью»*. Число браковщиков составляло 17 человек,

причем старший из них назначался из числа наиболее опытных отечественных мастеров или был иностранным специалистом. Предусматривалось наличие в штате 3 писарей и 5 денщиков [РГВИА. Ф. 504. Оп. 7. Д. 942. Л. 33.].

На должность председателя приемной комиссии при Тульском оружейном заводе был назначен полковник (в последствии – генерал-майор) Зеланд Александр Львович, исполнявший на тот момент должность помощника начальника Сестрорецкого оружейного завода по искусственной части. Удалось установить имена двух других назначенных членов комиссии – это штабс-капитан Никифоров от артиллерии и поручик Быков (из 1-го стрелкового батальона 4-го армейского корпуса). Старшим браковщиком был назначен иностранный специалист – Рехенмахер (очевидно из Германии, на тот момент работающий браковщиком на самом Тульском заводе) [Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 3. Оп. 56. Д. 1095. Л. 5, 19, 214.].

Таким образом, в результате Милютинских реформ на оружейных заводах были созданы приемные комиссии, подчинявшиеся ГАУ через инспектора оружейных заводов. Впервые военные приемщики стрелкового оружия вошли в структуру, независимую от руководства подконтрольных им предприятий. В начальный период своей деятельности приемные комиссии будут вынуждены столкнуться с массой проблем, такими как: определение собственного правового статуса, решение вопросов денежного содержания, подготовка кадров, утверждение постоянного штата и др. Особенно ярко эти моменты можно проследить на примере Тульского оружейного завода, являвшимся лидером в своей сфере и выполнявшим наиболее объемные государственные заказы. В последующем, независимые приемные органы продолжили свою работу на отечественных оружейных заводах вплоть до своего упразднения в 1908 г.

М.А. СЕРОВА
Тульский областной художественный музей

M.A. SEROVA
Tula Museum of Fine Arts

**ТЕМА ОХОТЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЖИВОПИСИ,
СКУЛЬПТУРЫ И ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОГО
ИСКУССТВА ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ТУЛЬСКОГО ОБЛАСТНОГО
ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ**

**HUNTING TOPIC IN THE WORKS OF PAINTING,
SCULPTURE AND DECORATIVE AND APPLIED ART FROM
THE TULA MUSEUM OF FINE ARTS COLLECTION**

Человек занимался охотой еще с доисторических времен. Первые свидетельства этого древнего занятия, и, пожалуй, первые произведения искусства, посвященные охоте, это, несомненно, наскальные рисунки, которые носили в большей степени ритуальный и магический смысл. Но если в первобытном обществе охота была одним из основных источников пищи, и животное было для первобытного человека символом угрозы и страха, то с течением времени животное становится более легкой добычей, а в последнее время можно говорить о том, что животное, в конечном итоге, стало другом, нуждающимся в защите. Тема соперничества человека и животного шла через века, и охота из необходимого, насущного занятия становилась интересным времяпрепровождением, спортом, рискованной игрой.

С древнейших времен изображению животных отводилась важная роль. Изображая на стенах пещер счастливый исход охоты, первобытный человек как бы программировал событие, удачное завершение которого гарантировал ему пищу и сохраненную жизнь. Но помимо ритуального и магического смысла в наскальных рисунках много от восхищения перед миром диких животных, перед их красотой и силой.

Поклонение священным животным, обеспечивающим благополучие людей, продолжалось в Древнем Египте, где практически все боги были звероликими; люди замечали, что у многих представителей фауны намного больше физической силы и физических

возможностей, чем у человека, поэтому и начали отождествлять животных с богами. Культ животных присутствовал в верованиях древних греков, кельтов, индусов, китайцев, древних народов Америки и Сибири, и у многих других. Поэтому сцены охоты во все времена оставались одними из самых популярных. Об этом свидетельствуют и античные мозаики, и средневековые миниатюры, и шедевры мировой живописи.

Со временем охота стала считаться достойным времяпрепровождением. Она требовала не только особых знаний, умений и ловкости, но и существенных материальных вложений. Результатами своих охотничьих подвигов гордились не меньше, чем успехом у дам или продвижением по службе. Насчитывалось несколько видов охоты (псовая, соколиная, ружейная), все больше появлялось красивых охотничьих аксессуаров, появился даже так называемый «охотничий» стиль в интерьерах.

Обратимся к произведениям из коллекции Тульского областного художественного музея. Наибольшая популярность «охотничьего» жанра приходится на вторую половину 19 – начало 20 века. Практически все произведения живописи, графики, скульптуры и декоративно-прикладного искусства из фондов музея с темой охоты приходится на этот период. Рисунки и живопись Н.Е. Сверчкова (1880-е годы), живопись С.С. Ворошилова (конец 19 века), живопись и акварели А.С. Степанова и П.П. Соколова являются яркими примерами любимого жанра. Большинство художников охотничьего жанра были академиками, преподавателями или выпускниками Академии художеств, однако, несмотря на их приверженность традициям академизма, в большей части охотничьих сцен не соблюдалось академическое правило идеализации действительности. Охота – занятие по большей части мужское, охотничьей живописью интересовались мужчины, которые сами знали в охоте толк, поэтому заказчики хотели видеть изображение того, за что они так любили охоту: томление во время ожидания появления дичи, увлекательность действия, готовность идти на риск, бешеные погони за диким зверем и усталость после завершения охоты.

Несмотря на то, что охота – достаточно кровавое зрелище, примечательно, что в работах русских художников практически нет сцен жестокой расправы со зверем. Порой и вовсе художники использовали охотничьи мотивы исключительно для оживления пейзажей, в которые вводились изображения диких животных или бредущих охотников с собаками. В этом отношении примечательна картина И.М. Прянишникова из экспозиции русского искусства, на которой изображен художник В.Перов на охоте, то есть мы можем

видеть неразрывную связь живописи с охотой (следует заметить, что очень многие русские художники увлекались охотой, – например, И.П. Похитонов, В.Е. Маковский, К.А. Коровин). Но поскольку все-таки был большой спрос на охотничью живопись, активно приобретались работы иностранных мастеров. В фондах Тульского областного художественного музея хранятся цветные гравюры и раскрашенные литографии Т. Сазерленда, Дж.Э. Тернера и С.Ф. Дэдда (19 век, Англия), более старинные работы из Германии И.Э. Ридингера и Готтлиба Шиффнера (18 век). Работы «иностранцев» отличаются большей детализацией и скрупулезностью в изображении оружия и атрибутов для охоты.

Интересно, что произведения декоративно-прикладного искусства также в полной мере испытали модное влияние. Об этом свидетельствуют фарфоровые статуэтки Императорского фарфорового завода и завода А. Попова (статуэтки изображают, разумеется, охотников). Удивительной красоты кубки и кубки с крышками (Богемия, 1-я половина 19 века) украшают витрины экспозиции западноевропейского искусства. На гранях кубков выгравированы сцены охоты, сами охотники с собаками, олени. Изображения носят скорее идиллический, умиротворенный характер единения человека с природой.

Несколько слов хотелось бы сказать о некоторых уникальных экспонатах. В Тульском областном художественном музее находится единственный в мире полный комплект из 12 картин серии «Двенадцать месяцев» венецианского художника Леондро Бассано (авторское повторение, конец 16 века). На двух картинах серии изображены охотники со всеми атрибутами для охоты, с битой дичью («Декабрь») и с охотниками, направляющимися на охоту со специально обученным соколом («Январь»). Следующая работа – это копия с произведения нидерландского художника Якоба ван Рейсделя «Охота». Копия выполнена немецким мастером Готтлибом Шиффнером в 18 веке. На картине запечатлена популярная охота на оленя, когда гордого быстрого зверя загоняли в ловушку (либо в натянутую меж деревьев сеть, либо, как в нашем случае, в озеро). И, наконец, пожалуй, самый яркий экземпляр, свидетельствующий о всепоглощающей любви к охотничьим забавам – это уникальный шкаф 19 века, выполненный в Германии. Этому шкафу трудно найти аналоги в истории мебельного искусства; несомненно, что сделан он был на заказ страстным любителем охоты, поскольку весь шкаф украшен резьбой и фигурами, изображающими охотничьи атрибуты и символику. Наверху шкафа украшают путти, держащие оленя за рога и трубящие в охотничий рожок. Дверца шкафа

украшена фигурами дичи – зайца и лесной птицы, обвитой растениями. Подножие шкафа украшают две фигуры смиренно сидящих охотничьих собак. По бокам шкаф снабжен полукруглыми подставками с ячейками, в которые вставлялись прикладами ружья, вертикально, и удерживались в таком положении при помощи особых креплений (крепления не сохранились). Охотничий шкаф является прекрасным образцом мебельного искусства.

Подводя итог, хотелось бы сказать, что, несомненно, охота является неотъемлемой частью культуры многих народов, формировалась она на протяжении всей истории человечества и имеет право на существование, тем более, когда она так мастерски передается в произведениях искусства. Но хотелось бы, чтобы охота была скорее безобидным увлечением ее внешней стороны, и слово «безобидным» в этом случае употребляемо к животным. В 1967 году в Париже французским культурологом и писателем Андре Мальро был основан Музей охоты и природы. Это собрание охотничьего оружия, наград в виде охотничьих трофеев, живописных полотен начиная с 15 века. Но прежде всего музей был учрежден с целью показать тесную связь между человеком-охотником и природой, и научить людей искусству звероловства без нанесения вреда дикой фауне. Хочется верить, что и произведения, хранящиеся в Тульском областном художественном музее, будут доставлять, прежде всего, эстетическое удовольствие зрителям, и подводить посетителей к указанным выше выводам.

Е.С. СКВОРЦОВА
Историко-документальный департамент МИД России
E.S. SKVORTSOVA
Historical and documentary department of the Ministry of Foreign
Affairs of the Russian Federation

**ГОД КОРЕННОГО ПЕРЕЛОМА В ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
YEAR OF FUNDAMENTAL CHANGE IN THE GREAT
PATRIOTIC WAR**

В Министерстве иностранных дел вышел в свет двадцать шестой том из серии «Документы внешней политики СССР». Издание состоит из двух книг и содержит 677 документов, освещающих внешнюю политику нашей страны в 1943 году.

Разгром врага на Волге явился началом коренного перелома не только в Великой Отечественной войне, но и во Второй мировой. В январе была прорвана блокада Ленинграда. Красная Армия освободила Воронеж, Курск, Ржев, Вязьму. 5 августа в Москве был дан первый салют в честь освобождения Орла и Белгорода. Красная Армия начала контрнаступление. Были освобождены Харьков, Сумы, Новороссийск, Брянск, Полтава, Смоленск, Запорожье, Мелитополь, Днепропетровск, Днепродзержинск, Киев, Гомель. Стратегическая инициатива перешла от Германии к СССР. Как писал посол СССР в Великобритании И.М. Майский: «Эта война явилась потрясающим предметным уроком для всего человечества. Каждой стране пришлось держать жестокий исторический экзамен. Результат получился разный. ...Только СССР держал исторический экзамен на пятерку» [Документы внешней политики СССР. 1943. Т. XXVI. Кн. 1. С. 112]. Все эти победы укрепили международные позиции страны.

Знаковым событием года, нашедшим отражение в сборнике, было проведение третьей Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании. На конференции были рассмотрены важные вопросы, среди которых мероприятия по сокращению сроков войны, послевоенного устройства. Для согласования политики по вопросам послевоенного устройства мира была создана Европейская консультативная комиссия.

Московская конференция явилась важным этапом в подготовке встречи лидеров «большой тройки». В книге представлены материалы Тегеранской конференции, где впервые встретились главы государств антигитлеровской коалиции. Был принят ряд важных военно-политических решений, главным из которых было открытие второго фронта весной 1944 года.

Опубликованные в сборнике архивные документы отражают усилия советской дипломатии по открытию второго фронта и, с другой стороны, стремления США и Великобритании затянуть начало военных операций в Западной Европе. Как писал И.М. Майский «с одной стороны, британское правительство хотело бы отложить создание второго фронта на более отдаленный срок с тем, чтобы дожидаться момента, когда Красная Армия сделает всю основную работу и перешибет становой хребет германской военной машины. Тогда англичане (вкуче с американцами) смогли бы «комфортабельно» высадиться во Франции и без больших потерь проделать путь до Берлина. ...Но, с другой стороны, если англичане (и американцы) в погоне за своей «комфортабельностью» слишком затянут создание второго фронта на западе, они могут пропустить момент и позволить Красной Армии прийти в Берлин раньше союзников» [Документы внешней политики СССР. 1943. Т. XXVI. Кн. 1. С. 113]. Как подчеркивал далее И.М. Майский, в решении об открытии второго фронта «главную роль играли и играют не столько военные, сколько политические соображения» [Документы внешней политики СССР. 1943. Т. XXVI. Кн. 1. С. 113-114].

В сборнике представлены материалы по оказанию экономической помощи союзников нашей стране.

В материалах тома освещаются вопросы наказания нацистских преступников за развязанную ими войну и совершаемые злодеяния, подготовка условий капитуляции Германии и ее союзников.

С капитуляции Италии начался распад фашистского блока. В сложившейся ситуации Япония сделала предложение СССР о направлении в Москву «чрезвычайного посланца японского правительства» с целью его дальнейшего проследования через Турцию в Европу и затем возвращения его на родину через Москву. Это предложение было расценено советским правительством, как попытка «посредничества между СССР и воюющими с ним странами в целях подготовки почвы для перемирия или мира с ними» [Документы внешней политики СССР. 1943. Т. XXVI. Кн. 2. С. 44]. Предложение японской стороны было отклонено. Правительствами США, Великобритании и СССР была выработана линия поведения в слу-

чае получения пробных предложений мира от враждебных стран [Документы внешней политики СССР. 1943. Т. XXVI. Кн. 2. С. 235].

Материалы тома показывают, как начался сложный процесс переговоров по выработке условий выхода из войны Финляндии. Успехом советской дипломатии явился подписанный в декабре договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве с Чехословакией. В августе СССР, США и Великобритания официально признали Французский комитет национального освобождения.

Материалы освещают советско-польские отношения, показывают, почему были приостановлены дипломатические отношения с польским эмигрантским правительством в Лондоне. В издании представлены документы о контактах СССР с представителями правительств других стран.

Читатель может ознакомиться с документами о восстановлении дипломатических отношений с Уругваем, установлении дипломатических отношений с Колумбией, Исландией, Эфиопией.

В книге представлены различные по своему характеру документы. Это переписка глав государств и руководителей внешнеполитических ведомств, записи бесед, ноты, памятные записки. Специально для этого издания был рассекречен ряд шифртелеграмм. Большинство из представленных в сборнике документов опубликованы впервые.

Б. Е. СМЕРНОВ
Центральный Военно-Морской музей
Министерства обороны России

SMIRNOV B.E.
The Central Naval Museum of Ministry of Defence
of the Russian Federation

КОРТИКИ В СОБРАНИИ ЦЕНТРАЛЬНОГО ВОЕННО-МОРСКОГО МУЗЕЯ

DIRK IN THE CENTRAL NAVAL MUSEUM

Коллекция ЦВММ насчитывает более 750 тысяч единиц хранения и состоит из корабельного, изобразительного, знаменного, фото негативного, чертежного, специального и оружейного фондов.

Коллекция оружия насчитывает более 11,5 тысяч единиц хранения, представляет собой предметы, как обычного, так и военно-морского вооружения разных времен и разных стран.

В собрании оружейного фонда находится большая коллекция кортиков.

Кортик — холодное колющее оружие, прямой тонкий кинжал с гранёным (в основном ромбического сечения) клинком обоюдо-острой формы. Лезвия клинка не заточены. Носится в ножнах на поясной портуpee.

Кортик является предмет форменной одежды в военно-морских флотах и сухопутных подразделениях [Вирютин Виктор. Энциклопедия холодного оружия России и СССР, Ульяновск, ООО ИД «Владис», 2011. С. 264–277].

Кортик появился в конце XVI века. Первоначально применялся как оружие в abordажном бою, и в то время был достаточно длинным (по меркам кинжалов) и вполне серьёзным оружием.

В царской России кортик носили офицеры и гражданские чиновники морского ведомства.

В 1919 году кортик был принят на вооружение для командного состава Красной армии и флота. Он был старого образца, только на головке рукоятки изображался серп и молот.

Кортик в 1940 году был принят на вооружение командного состава ВМФ СССР.

С 1945 года к кортику была добавлена кнопка стопора, и кортик стал называться образца 1945 года. [Суханов Игорь. История российского морского кортика, Спб., Издательство «Бранко», 2007. С. 221–230].

Коллекция кортиков в ЦВММ самая большая в России. Многие родственники моряков, даря их вещи в ЦВММ, передавали и личное оружие, одним из которых и являлся кортик.

Кортики ЦВММ представлены следующими образцов:

Кортики дореволюционного периода.

Кортики послереволюционного периода, до 1940 года.

Кортики образца 1940 года, без кнопки стопора.

Кортики образца 1945 года с кнопкой стопора.

Иностранные кортики.

Наградные кортики.

Кортик Крузенштерна коллекции ЦВММ

В коллекции оружейного фонда ЦВММ хранится морской кортик, изготовленный в г. Толедо в 1968 году с гравировкой и надписями на клинке латинским шрифтом на испанском языке, в ножнах, с крестообразным эфесом. На кортике надпись на испанском.

В русском переводе это выглядит следующим образом: «ФА-БРИКА ТОЛЕДО 1968. На память от офицеров 3-го артиллерийского полка а. А. Крузенштерну, русскому императорскому моряку». Встает вопрос, какому? Просим обратить внимание на заглавную букву «А» перед фамилией Крузенштерна, она нам в последствие поможет «привязать» кортик к конкретному лицу.

В результате исследования были выявлены многочисленные сведения о самом Иване Федоровиче Крузенштерне, его детях, внуках и правнуках, но прямых сведений о том, кому принадлежал кортик не обнаружено. Тем не менее мы решили поделиться с Вами промежуточными результатами нашей работы.

Для начала, необходимо было выяснить, каким образом кортик попал в ЦВММ.

Первое упоминание о кортике обнаружено в главной инвентарной книге, заведенной по результатам инвентаризации 1938 года.

В более ранних архивных документах отдела научного комплектования и государственного учета музейных фондов, начиная с 1868 года, упоминаний о кортике нет. К сожалению, систематизированные записи заканчиваются 1925 годом. Есть вероятность, что кортик попал в музей в период с 1925 по 1937 год. Поиск документов в архиве продолжается.

Совершенно очевидно, что кортик не мог принадлежать всем известному мореплавателю, первым совершившем кругосветное

плавание Адаму Иоганну фон Крузенштерну (Ивану Федоровичу), поскольку он умер в 1846 году.

Но у Ивана Федоровича было шестеро детей четыре сына и две дочери. Нас в первую очередь должны интересовать сыновья.

Старший сын И.Ф. Крузенштерна – Отто Леонхард Николай Крузенштерн (Николай Иванович) родился в 1802 году. В семье его звали Николай. Он своих детей не имел и взял на воспитание приемную девочку. В 1854 году стал губернатором г. Орла, а в 1856 году – г. Одессы. Умер в 1881 году.

Второй сын И.Ф. Крузенштерна – Юлиус Александр Крузенштерн (Александр Иванович) родился в 1807 году. Был самым преуспевающим среди братьев. Сделал хорошую дипломатическую карьеру. В 1858 году был произведен в тайные советники (что соответствовало согласно Табелю о рангах Российской Империи генерал-лейтенанту в армии и вице-адмиралу во флоте) и назначен сенатором варшавских департаментов Сената. Имел трех дочерей и одного сына. Умер в 1888 году.

Четвертый сын И.Ф. Крузенштерна – Эмиль Платон Крузенштерн (Платон Иванович) родился в 1811 году. Посвятил себя военной службе. Дослужился до полковника гвардии. В 1865 году был назначен начальником Рижской таможни. Имел ранг коллежского советника. У него было семеро детей. Умер в 1867 году от тифа.

Мы намерено изменили хронологию повествования, поскольку третий сын И. Ф. Крузенштерна – Пауль Теодор Крузенштерн (Павел Иванович) интересуется нас больше всего.

Он родился в 1809 году и единственный из братьев выбрал профессию моряка и посвятил ей всю жизнь. В 1826 году окончил Царскосельский лицей и поступил юнкером в гвардейский экипаж.

В 1826–1829 гг. на военном шлюпе «Сенявин» совершил кругосветное плавание под командованием капитан-лейтенанта Литке Федора Петровича, за что был награжден орденом св. Анны 3 степени, а потом плавал на Балтике. 1843 по 1869 год посвятил себя изучению Белого моря и побережья Печорского края. В 1869 году уволен со службы с присвоением звания вице-адмирала. Умер в 1881 году.

Так вот у Павла Ивановича было два сына и оба тоже моряки капитан-лейтенанты.

Старший сын Адам Август Отто Пауль Крузенштерн (Павел Павлович). Родился в 1834 году.

Второй сын Адам Иоганн Крузенштерн (Иван Павлович). Родился в 1841 году.

Как видим они оба Адамы и оба русские моряки. А теперь вспомним гравировку на клинке кортика: «А. Крузенштерну, русскому, императорскому моряку».

Так какому же из «Адамов» принадлежал кортик? Дальнейшие исследования показали, что кортик почти наверняка принадлежал Павлу Павловичу Крузенштерну, но и Иван Павлович также имеет непосредственное отношение к нему. И вот почему.

Павел Павлович с детства воспитывался в любви к морю. В 15 лет он впервые вышел в Белое море на шхуне отца «Ермак». В 1853 году, в качестве юнкера стал участником дальнего плавания в Петропавловск-Камчатский на военном транспорте «Двина» под командованием капитан-лейтенанта Бессарабского. В 1854 году П.П. Крузенштерн был произведен в мичманы и в качестве командира канонерской лодки участвовал в защите города Або. В 1856–1859 гг. плавал на винтовом корвете «Полкан».

В 1860 году в качестве командира отцовской шхуны «Ермак» обследовал Печорское море и пытался пройти в Карское море через Карские ворота. В августе 1862 года он уже в чине лейтенанта командовал экспедицией, снаряженной отцом. Но в Карском море суда попали в ледовый плен. В сентябре он принял решение покинуть суда, и моряки благополучно дошли по льду до побережья Ямала и вышли к стойбищу местных жителей. [Летопись Российского флота Т.1, Санкт-Петербург «Наука», 2012. С. 497].

В 1863–1864 гг. Павел Павлович командовал винтовой лодкой «Хват», плавая в финских шхерах. Затем назначение на пароход «Витязь» и длительный поход в Средиземное море. Вот тогда то, по-видимому, он и заказал кортик в Испании, но получить его по каким-то причинам не сумел.

А во второй половине 1868 года он уже на Аральской флотилии капитан-лейтенантом на пароходе «Арал».

Суровые испытания Севером не прошли даром. В 1870 году он заболел ревматизмом и уже должен был ехать в Санкт-Петербург на лечение, но получает телеграмму от товарища о крушении парохода «Самарканд». В течение 17 суток он участвовал в спасении парохода, порой стоя по пояс в ледяной воде. Только в конце 1870 года Павел Павлович прибывает в Санкт-Петербург на лечение. Однако после операции он в августе 1871 умирает. Отец очень тяжело переживал кончину сына и сподвижника. [Черты из жизни лейт. Пав. Пав. Крузенштерна // Мор. Сб., 1874, №1. С. 9–16].

А что же кортик? Его только в 1880 году вместе с саблей для лейтенанта Егора Колонтаева, в запечатанном тюке от Российского

консула в Испании пытались доставить в Россию. Лишь с третьей попытки 23 апреля 1882 года кортик попал в канцелярию Инспекторского департамента России и вручен А. Крузенштерну.

Это, по-видимому, уже был Адам Иоганн Крузенштерн (Иван Павлович), потому что к этому времени ни старшего брата ни отца уже не было в живых.

Остались не выявленными два обстоятельства. Какое отношение П. П. Крузенштерн имеет к офицерам 3-го артиллерийского полка? Почему кортик 12 лет находился в Испании? Исследования продолжаются.

ХАСИБУЛЛА АБДУЛЛА
Тулский государственный университет
HASIB QAYOOMI
Tula State University

НАЦИОНАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ ГЕРАТА
NATIONAL MUSEUM OF HERAT

Герат – город на северо-западе Афганистана в долине реки Герируд. Он расположен на северо-западе страны на высоте 925 метров над уровнем моря. В исторической литературе город известен как «Бриллиант Азии» (Nagin Aseeya). Его история насчитывает несколько тысячелетий, в течение которых он неоднократно разрушался и перестраивался. Герат входил в состав империи Александра Македонского, Арабского халифата и многих других азиатских государств. Город сожгли войска Чингисхана в XIII веке, а через III столетия он достиг процветания, став одним из крупнейших торговых и ремесленных центров региона [См: <http://puteshestvenik.ru/gerat.htm>].

Национальный музей Герата (на английском языке: Herat National Museum) – один из старейших и самый большой музей в Афганистане.

Музей был основан в 1925 году при царствовании Аманулл-хана. В музее более трех тысяч экспонатов, датированных семью тысячами лет назад, а также коллекция сокровищ памятников периода Бактрии, Ахеменидов, Саманидов, Газневидов, Тимуридов и др.

Во время правления талибов повреждено около 110 статуй. 28 золотых, 826 серебряных монет, 811 медных монет (в основном эпохи Сасанидов), 52 миниатюры и картины, а также 45 драгоценных рукописей были украдены.

В настоящее время Национальный музей Герата находится в крепости Herat Citadel.

А.А. ХАТКЕВИЧ

Научно-просветительский центр
«Музей Сибири и Дальнего Востока» г. Москва

A.A. KHATKEVICH

Moscow Scientific Educational Centre
«Museum of Siberia and the Far East»

**МИХАИЛ ТИМОФЕЕВИЧ КАЛАШНИКОВ:
СИБИРЯК С АЛТАЯ, ЧЕЛОВЕК-ЛЕГЕНДА**

**MIKHAIL T. KALASHNIKOV: SIBERIAN FROM ALTAI,
THE MAN IS A LEGENDARY PERSON**

В мировой практике оружейного дела Михаил Тимофеевич Калашников занимает особое место: созданное им стрелковое оружие отличается надёжностью, многогранностью, оригинальностью, простотой устройств и высочайшими техническими характеристиками. Армии более пятидесяти государств мира приняли на вооружение автомат Калашникова, а на гербах и флагах шести зарубежных стран изображён силуэт автомата. Михаил Тимофеевич Калашников является единственным человеком, удостоенным звания Героя России и дважды звания Героя Социалистического труда.

На родине Михаила Калашникова в Алтайском крае бережно хранят память о великом земляке. В 1980 году в селе Курья, где родился будущий конструктор, установили бюст, а в 2013 году в здании будущей школы, где он учился, по распоряжению администрации Алтайского края, был открыт музей. Здание бывшей школы, которое является памятником архитектуры деревянного зодчества регионального значения, перед открытием музея было полностью отреставрировано.

Для коллекции музея сам Михаил Тимофеевич передал часть своего личного архива – книги, журналы, фотографии, награды, военную и гражданскую форму, коллекцию наручных часов, коллекцию оружия, автомобиль, многочисленные сувениры. Музей, посвященный человеку-легенде, рассказывает об удивительной судьбе сибиряка, профессионала, патриота своего Отечества, который очень любил Алтайский край, Курью и, будучи генерал-лей-

тенантом, известным на весь мир конструктором-оружейником, говорил: «Я был и остаюсь алтайским парнем!»

Мемориальный музей М.Т. Калашникова в селе Курья имеет статус филиала Алтайского государственного краеведческого музея. Экспозиция включает семь разделов: «Из истории создания музея», «Алтайский парень», «Человек-автомат», «Семья», «Арсенал», «Человек-легенда», «Конструкторское бюро XXI века». Благодаря усилиям профессионального коллектива, музей на малой родине Михаила Тимофеевича Калашникова в Курье – современный, познавательный, интересный, с каждым годом привлекает всё большее количество посетителей и туристов.

Активная деятельность Администрации Алтайского края, губернатора Александра Богдановича Карлина, забота о культурных объектах и музеях региона, систематическая работа по развитию туристической привлекательности края, грамотная маркетинговая политика ежегодно увеличивают количество туристов, в том числе зарубежных, посещающих Алтайский край, а культурные объекты становятся центрами притяжения гостей.

Алтайский край стал одним из первых партнёров Музея Сибири и Дальнего Востока, основанного в Москве в 2015 году. Главной целью Научно-просветительского центра «Музей Сибири и Дальнего Востока» является популяризация восточных регионов страны, уникальных природных объектов, культурного, архитектурного, археологического наследия и достижений великих сибиряков.

Московский музей сотрудничает со всеми сибирскими и дальневосточными регионами: партнёрами нового музея стали старейшие музеи Сибири и Дальнего Востока, научные организации и ведущие вузы, общественные организации, землячества и коренные жители, региональные структуры власти и промышленные предприятия. Целью межрегионального сотрудничества также является популяризация Сибири и Дальнего Востока в Москве и других российских регионах, в странах ближнего и дальнего зарубежья.

В рамках сотрудничества и совместных проектов с восточными регионами страны проводятся различные мероприятия, выставки, Дни делового сообщества, туризма, науки и культуры «Сибирские сезоны в Москве», лекции руководителей сибирских музеев в московских вузах, культурологические и этнографические экспедиции, научная работа по социологии туризма.

Готовится передвижная выставка «Наука, промышленность и предпринимательство Сибири и Дальнего Востока: история и современность», в которой принимают участия все восточные регионы страны. Выставка будет проходить в Москве и крупных городах

Сибири и Дальнего Востока. Личности и достижениям Михаила Тимофеевича Калашникова на выставке будет посвящён отдельный стенд.

Заслуживает внимания Международный проект «Сибирская аудитория» – открытие в Москве, российских регионах и зарубежных странах именных учебных аудиторий знаменитых сибиряков. В 2017 году в Российском университете дружбы народов, где обучаются студенты из 152 стран мира, откроются аудитории имени Роберта Ивановича Рождественского и Василия Макаровича Шукшина (также уроженцев Алтая), Виктора Петровича Астафьева, Валентина Григорьевича Распутина и Евгения Александровича Евтушенко.

К 100-летию юбилею великого конструктора-оружейника, празднование которого, учитывая выдающийся вклад в разработку отечественного стрелкового оружия, будет проходить в 2019 году по указу президента РФ на государственном уровне, запланировано открытие учебных аудиторий, носящих имя великого сибиряка, человека-легенды Михаила Тимофеевича Калашникова.

С.Х. ХОТКО

Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева

S.Kh. KHOTKO

Adyge Republican Institute of Humanitarian Researches named after Kerashev

**КОПЬЕ ЧЕСТНЕЕ СТРЕЛЫ, СТРЕЛА ЧЕСТНЕЕ ПУЛИ.
ОРУЖИЕ КАК СИМВОЛ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ И
СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА В ЧЕРКЕССИИ**

**SPEAR IS MORE HONEST THAN ARROW, ARROW IS MORE
HONEST THAN BULLET. COLD STEEL ARMS AS A SYMBOL
OF THE CULTURAL TRADITION AND THE SOCIAL STATUS
IN CIRCASSIA**

В черкесском воинском эпосе герою сопутствует рыцарское вооружение – доспехи, меч, копье, стрела. По мере эволюции систем вооружения и внедрения огнестрельного оружия, эта паноплия, оставаясь в неизменном виде в предании, неизбежно сокращалась в реальности. Но она так и не включила в свой сакрализованный круг ни ружье, ни пистолет, ни, тем более, пулю как непосредственно несущий смерть снаряд. Очевидно, что не только пуля не может быть символом, но и ружье как таковое так же. Ружье убивает благородным образом, оно принадлежит к эпохе, когда роль рыцарей ничтожна. Ружье не может быть символом по той простой причине, что им пользуется плебс или армия, рекрутированная из простолюдинов.

Копье престижнее и честнее стрелы

Это представление восходит к раннему средневековью и затем к меотской эпохе. Меотское войско было вооружено длинными копьями с массивными наконечниками, которые явно были предназначены для кавалерийской атаки. После копейного удара в дело вступали меотские мечи, которые отличались увеличенной длиной (в среднем 70-80 см и часто существенно длиннее – до 105 см) и также были приспособлены для того, чтобы их могли применять в конном бою [Эрлих В.Р. Меотские мечи // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М.: ГМИНВ, 1991. С. 77–99].

В этом отношении меоты были близки сарматам, которые исповедовали тактику копейной кавалерийской атаки с последующей рубкой мечами [Нефёдкин А.К. Под знаменем дракона: Военное дело сарматов во II в. до н.э. – V в. н.э. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2004; М.: «Филоматис», 2004. С. 116–119]. Эта меотосарматская тактика боя была противоположна типичной кочевнической тактике, которой следовали скифы. Скифское военное искусство было основано на массивном обстреле из луков на значительном расстоянии, призванном максимально ослабить противника, прежде чем начнется ближний бой.

Таким образом, копье в ареале адыгского этногенеза являлось символом автохтонной культурной традиции и в этом отношении противопоставлялось стреле. Это совершенно не означает, что использование лука каким-то образом уступало умениям и навыкам применения в кочевнической среде. Население Северо-Западного Кавказа существенно ранее скифов перешло с бронзовых наконечников на железные [Эрлих В.Р. Северо-Западный Кавказ в раннем железном веке // Канторович А.Р., Эрлих В.Р. Бронзолитейное искусство из курганов Адыгеи VIII–VII века до н. э. М.: ГМВ, 2006. С. 18].

Но при всем том, в воинском эпосе более высокую позицию занимало копье: это предполагало, что воин должен сразить противника своей рукой в поединке, а не пускать стрелу неизвестной жертве в толпе. Герой, опытный боец из числа врагов, мог погибнуть случайно, от непонятно кем пущенной стрелы. Соответственно победа, достигнутая обстрелом, не могла составить меотскому воинству такой же славы, как атака с копьями и мечами.

В средние века соотношение копье – стрела и оседлое население (черкесы) – кочевники (тюрки) повторяет сценарий раннего железного века. Характерно, что и для черкесских мамлюков в Египте символическая и практическая функции копья сохраняли доминирующее значение. Так, султан Баркук (1382–1399) заменил игры «кабак» (стрельба по «тыкве», укрепленной на высоком столбе) на копейное ристалище. Этот шаг символизировал разрыв с центрально азиатскими (тюрко-монгольскими) традициями [Нагель Т. Тимур-завоеватель и исламский мир позднего средневековья / Пер. с нем. Л.И. Ясинской. Ростов-на-Дону: «Феникс», 1997. С. 380–381]. Кабак не отменили, но сдвинули на 2-ю позицию.

В XIII–XV вв. черкесское войско вооружено длинными копьями. [Стрельченко М.Л. Вооружение адыгейских племен в X–XV веках (по материалам Убинского могильника) // Наш край. Материалы по изучению Краснодарского края. Вып. I. Краснодар, 1960.

С. 140–157]. В XVI в. произошел отказ от копий и остались только стрелы – именно по той причине, что они могли конкурировать с аркебузами (пищалами).

Стрела престижнее и честнее пули/ружья

И, таким образом, из ударного, наступательного оружия рыцарской эпохи осталась стрела. Она потеряла свое военное значение в XVIII в. окончательно, но осталась знаком отличия. Даже в этом столетии мы можем обнаружить примеры весьма успешного использования лука против регулярной армии европейского образца. «Генерал Апраксин сообщил мне, – писал Ф.Л. де Сегюр, – что в одном тяжелейшем сражении кабардинцы нанесли больше бедствия его войску стрелами, чем ружьями: эти стрелы, пущенные издали, вонзились в тела людей и лошадей до оперения. От первого выстрела в 400 русских кавалеристов последние потеряли убитыми и сбитыми с лошадей 70 человек» [Северный Кавказ в европейской литературе XIII–XVIII веков: Сборник материалов / Изд. подгот. В.М. Аталиков. Нальчик: Эль-Фа, 2006. С. 278].

В. Бакунин в 1748 г. отмечал: «Ружье у кабардинцев от большей части огненное, а у некоторых есть и сайдаки, и у владельцев их стрелы оклеены белыми перьями из орловых хвостов, а уздени их и прочие с белыми перьями стрел иметь не могут под опасением жестокого истязания» [Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы в 2-х томах. М.: Издательство Академии наук СССР, 1957. Т. II. С. 158]. Как видим, не только сам вид оружия, но и его цвет призваны были подчеркнуть аристократический статус.

Лук и колчан со стрелами носились черкесской знатью по торжественным случаям не только в XVIII, но и в первой половине XIX в. Это был элемент парадного облачения. Только этим можно объяснить большое количество этого оружия на встрече черкесов с Александром II в сентябре 1861 г. [Ольшевский М. Кавказ с 1841 по 1866 год. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2003. С. 528].

Доспехи оставались культурным и социальным маркером аристократического происхождения до самого конца существования Черкесии. И также символически была нагружена сабля, для определения которой использовалась архаичная лексема «меч» (ад. «чатэ», каб. «джатэ»). В первой половине XIX в. саблей опоясывались в торжественных случаях. Она была символом благородной старины в еще большей степени, чем все прочие элементы рыцарского вооружения. Такое отношение было предопределено древнейшим культом меча, характерным для многих народов, в том числе и для черкесов.

А.Н. ЧУБИНСКИЙ
Музеи Московского Кремля

A.N. CHUBINSKY
Moscow Kremlin Museums

«ОРУЖЕЙНЫЕ ЧЕХЛЫ» В РУССКОМ ВОИНСКОМ СНАРЯЖЕНИИ XVI–XVII ВВ.

«THE WEAPON CASES» IN RUSSIAN MILITARY EQUIPMENT OF THE XVI–XVII

Наше исследование посвящено тем предметам воинского снаряжения, которые применялись при ношении, транспортировке и хранении оружия. Эту тему достаточно сложно выделить из более общей области оружейной и воинской культуры. Также понятно, что далеко не все оружейные чехлы являлись специфически военным имуществом, часть из них могла выполнять хозяйственно-бытовые функции.

Главной задачей исследования был анализ письменных источников эпохи Московского царства с целью выявления и систематизации воинского снаряжения. В документах указанного периода времени в качестве военного имущества достаточно редко упоминаются *мешки* и *чехлы*, большая часть исследуемых предметов имеет экзотические для современного языка названия.

Наиболее ранние выявленные предметы, которые использовались для хранения оружия, носили название *пузьяры*. В описи оружия Бориса Годунова 1588 г. помимо «10 пузьяр», описанных среди огнестрельного оружия, имеется также «34 пузьяра шоломных однорядочных». Также в эту опись был включен «21 чемоданец» для зерцал и юшманов. В документах XVII в. *пузьяры* почти не встречаются, зато *чемоданы* или *чемоданцы* становятся одним из самых популярных оружейных чехлов. Помимо чемоданов для пластинчатого и кольчатого доспеха упоминаются также чемоданы для наручей, щитов, протазанов, пищалей, «чемоданы суконные барабанные», и даже чемоданы для саадачного покровца и походного шатра. Эти данные позволяют предполагать, что чемоданы шились по

специальным выкройкам и служили походными сумками, но вряд ли это была стандартная и отличительная форма, коль скоро в них хранились столь разные вещи. Пять сохранившихся в Оружейной палате чемоданов XVII в. имеют сходную форму вытянутых мешков с продольным разрезом, один из них кожаный, четыре других представляют собой однотипные сумки, сшитые из характерного и редкого бархата, с продольным карманом, который, надо полагать, затягивался шнуром, продетым сквозь серебряные колечки, нашитые по его периметру. Эти чехлы мы можем сопоставить с упоминавшимися в Росписи походной царской казны 1656 г.: «Пансырь черкасской, на нем чемоданец бархат цветной з голуном с колечки серебряными, пансырь же на нем чемодан бархат цветной з голуном с колечки серебряными». Крайне редкий для вещей XVII в. «цветной бархат», позволяет предположить, что сохранившиеся чемоданы и упомянутые в 1656 г. принадлежали к одной партии, изготовленной в середине XVII в. в Казенном приказе из разноцветного бархата, который в настоящий момент определяется как изготовленный в Средней Азии.

Другие предметы снаряжения, широко представленные в письменных источниках – это *лагалища* (*влагалища*) и *нагалища*, которые чаще упоминаются с длинноствольным огнестрельным оружием – ружьями и карабинами. Однако согласно описи походного царского оружия 1656 г., *лагалища* были у рогатины, сулицы и знаменного гротика (копьевидного наверхия). Точно также *нагалища* применялись для хранения копий, рогатин, ножей. Добавим, что оба вида чехлов могли использоваться для самых разных предметов, например, известны *нагалища* для музыкальных инструментов, и *лагалище* для государственных регалий: «Скипетр золотой с камнем... лагалище деревянное, обложено бархатом червчатым голун серебряной, две закладки серебряные с крючки». Ни один предмет военного назначения с этими названиями в музейных собраниях не выявлен.

Чушки и *сорочки* также широко представлены в документах XVII в. (и в позднейшее время), где они, чаще всего, позиционированы как чехлы для огнестрельного оружия.

Однако чушки служили чехлами также для таких вещей, как золотой пернат, царский парадный зеркальный довсех, знамена. Следующее описание чушки для панциря в Переписной книге царской оружейной казны 1687 г. – «чюшка бархат червчет, обшит голуном золотным, у чюшки десять колец серебряных» – при сравнении с вышеприведенным описанием бархатного чемоданца, позволяет считать, что чушки и чемоданы могли «конструктивно» не отли-

ваться друг от друга. К сожалению, в собрании музея не идентифицировано ни одной чушки XVII в., зато имеется одна сорочка. Это чехол для карабина, описанный в 1687 г. как «сорочка карабинная бархат струйчетой розных цветов, голун серебряной, шнур и кисти и варворки шелк зелен и з золотом». Восточная ткань, из которой сшита сорочка, полностью аналогична использованной на чемоданах, которые выше мы датировали серединой XVII в. Эта сорочка представляет собой продолговатый мешок, сходящийся конусом к «дульной части», широкое входное отверстие которого затягивается золотным шнуром.

Итак, письменные источники предоставляют достаточно широкую номенклатуру русской воинской амуниции XVI–XVII вв., но не позволяют правдоподобно реконструировать большинство упоминаемых предметов. Не позволяют они и заключить, соответствовал ли тому или иному названию отдельный тип вещей. Более определенно можно говорить о том, в каких-то случаях предметы одного типа могли носить разные названия, а за некоторыми из вышеприведенных наименований скрывались типологически неоднородные вещи, сильно различающиеся по функциональному назначению, внешнему виду и выбранному материалу. Не все чехлы были кожаными и тканевыми, в 1687 г. в описи Оружейной палаты были зафиксированы «нагалища черные деревянные, оправлены медью» для двух образцов клинкового оружия (пары ножей).

Сохранившиеся в Музеях Кремля оружейные чехлы крайне немногочисленны, их анализ не позволяет существенно дополнить данные документов и установить хоть сколько-то точные соотношения между историческими названиями и типологией воинского снаряжения. Для оружейных чехлов, хранящихся в других музеях, восстановление исторических названий возможно лишь гипотетически.

С нашей точки зрения, все вышеперечисленные наименования относились к предметам, которые предназначались для хранения или транспортировки оружия в небоевых ситуациях. Кроме того, письменные источники за небольшим исключением не упоминают, что на этих вещах имелись приспособления для подвески (ремни, пояса и т.д.), которые позволяли воину носить оружие на себе или крепить его к седлу.

Снаряжение, которое, безусловно, являлось боевым, – саадаки и пистолетные ольстры. В собрании Оружейной палаты сохранилось достаточно много саадаков, а также три пары ольстр, которые идентифицированы в документах XVII в., и сомнений в их исторических наименованиях не имеется. Аналогичные предметы

снаряжения в других музеях со всем основанием могут носить те же названия, что и «эталонные» предметы их кремлевского со- хранения.

Однако письменные источники показывают, что и с этими группами амуниции нет полной ясности. Название *саадак* (*сайдак*, *сагайдак*) в XVI–XVII вв. употреблялось, по меньшей мере, в двух значениях. Во-первых, как полный комплект стрелка-лучника, включающий лук, стрелы, а также футляры для лука и стрел с ремнями подвески. Во-вторых, как вспомогательное вооружение, комплект из двух чехлов – налуча и колчана (мы будем понимать саадак именно во втором значении). *Саадак* также мог выступать синонимом наименования *лубье* (*лубье саадашиное*), в то же время, *лубье* могло означать только *налуч*, без колчана. Как видно, системы в употреблении этих названий не было. Требуется прояснения наименование *тахтуй*. В настоящий момент считается, что тахтуи являлись чехлами для налучей. Однако ни один из тахтуев, которые сохранились в Музеях Кремля, не мог выполнять такой функции. Эти тахтуи представляют собой цилиндрические сумки-губусы с продольным разрезом в верхней части и с длинными лопастями. Надо полагать, что именно очертания этих лопастей, в действительности сходные с абрисом лука, сбили с толку исследователей и породили ложное представление о том, что тахтуй служил чехлом для налуча. Ближайшие аналоги русских тахтуев XVII в. продолжали бытовать на Северном Кавказе еще в XIX в., – эти предметы являлись ничем иным, как колчанами. С нашей точки зрения, сохранившиеся тахтуи также представляли собой колчаны, – походные (но не боевые) чехлы, в которых стрелы помещались почти на всю длину (до оперения), но быстрое извлечение стрел из такого чехла было затруднительно по сравнению с уплощенными колчанами, из которых стрелы торчали примерно на половину своей длины. Заметим, что на тахтуях из Оружейной палаты нет ремней подвески. Возможно, слово *тахтуй* в значении «колчан» в XVII столетии вытеснило традиционное русское *тул*.

Труднообъяснимым выглядит единичный факт включения в число саадаков *тебеньков*. В росписи царской казны, взятой в Смоленский поход 1654 г., среди саадаков упомянуты «тебеньки гзовые, вшивано в черной хоз розные гзы». Неясно, какой предмет снаряжения скрывался под этим названием. В прочих случаях *тебеньки* являлись частью традиционного русского седла – дополнительными широкими крыльями.

Особый род амуниции представляли собой саадаки для огнестрельного оружия. Так, например, в арсенале князей Голицыных

в 1689 г. были записаны «Лубье пистолные, строчены по зеленому гзу волоченым золотом и серебром». В документах Оружейной палаты также имелась «пара пистолей в саодаке, саодак шит волоченым золотом и серебром по еринному гзу». Эти «саадаки» являлись, скорее всего, пистолетными кобурами на плечевой портуpee.

Наиболее распространенное наименование кобур для пистолетов – *ольстры*. Эти кобуры подвешивались на ремнях к передней луке седла, были оснащены *отворотами* (клапанами), на которых иногда помещались гнезда для бумажных патронов. Тем самым ольстры могли служить и своеобразными патронными лядунками. Известные по документам ольстры для карабинов и пищалей вряд ли являлись боевым снаряжением, скорее всего, эти ольстры применялись для хранения оружия. Неясно, могли ли выполнять функции кобур пистолетные *чушки*. Чаще всего в документах XVII в. они значатся как суконные чехлы, дополняющие ольстры.

В завершение упомянем об обширной номенклатуре русской амуниции, которая «сопровождает» огнестрельное оружие (*пороховницы*, *рога*, *натруски*, *лядушки*, *банделеры*, *вязни*, *карабинные перевязи* и т.д.), но не является чехлами. Это снаряжение достаточно хорошо представлено в музеях и может быть успешно классифицировано. Также в документах XVII в. часто упоминаются предметы, которые, скорее всего, носились воинами на поясе (*мошны*, *амагили*), но в музейных собраниях не выявлены, и назначение которых определяется неоднозначно.

Таким образом, наше исследование показывает, что наименования в письменных источниках тех или иных «оружейных чехлов» лишь в редких случаях относятся к определенному типу предметов, и их назначение можно уточнить только при анализе контекста. Даже такие ясные, на первый взгляд, термины как *саадак* и *ольстры* оказываются многозначными. Те музейные экспонаты, которые носят рассмотренные в нашей работе названия, немногочисленны и за редким исключением также не позволяют сформировать представление о типологии воинского снаряжения.

Р.Н. ЧУМАК

Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск
и войск связи

R.N. CHUMAK

Military-Historical Museum of Engineer and Signal Corps

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КОНСТРУКТОРСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С.И. МОСИНА ПО СОЗДАНИЮ
МАГАЗИННЫХ ВИНТОВОК В 1882–1890 гг.**

**SOME ASPECTS OF THE DESIGN ACTIVITIES OF S.I. MOSIN
ON THE CREATION OF MAGAZINE RIFLES IN 1882–1890.**

Принятие в 1891 году на вооружение русской армии 3-лн винтовки конструкции Мосина стало знаковым событием для отечественной оружейной школы. Впервые за многие годы на вооружение поступил образец достаточно сложного многозарядного оружия, созданный русским конструктором с минимальной опорой на внешние разработки. До винтовки Мосина, считая с начала работ по созданию оружия, заряжающегося с казенной части, все поступавшие на вооружение армии России образцы ручного огнестрельного оружия имели исключительно иностранное происхождение с большей или меньшей степенью участия русских оружейников.

Победа винтовки Мосина в соревновании с винтовкой Нагана, являвшейся продуктом деятельности одной из самых авторитетных оружейных школ мира – бельгийской – была совсем не рядовым событием для России. До этого времени русские оружейники, за редчайшим исключением, не могли создавать самостоятельных конструкций винтовок мирового уровня качества и лишь пользовались плодами прогресса в данной области, приходящими в Россию извне. Появление винтовки отечественной разработки ни в чем не уступающей западному образцу, можно считать серьезным достижением отечественной оружейной школы.

Без всякого сомнения, этот успех основывался на массиве знаний и опыта изучения и создания казнозарядных винтовок, приобретенных русскими оружейниками на протяжении предшествующих

25 лет. Кроме того, технический облик 3-лн винтовки Мосина обр.1891 г, её главные функциональные и эксплуатационные особенности сформировались, в значительной степени, еще до начала работ над ней, в винтовках более ранних моделей. С 1882 по 1891 год С.И. Мосин создал и воплотил в металле 11 моделей опытных винтовок основных моделей, а считая с модификациями – не менее 17 моделей. Это очень высокий результат, на уровне самых продуктивных конструкторов-оружейников мира того времени. Но, несмотря на многочисленные исследования, посвященные истории создания 3-лн винтовки Мосина обр.1891года, в разные годы, издававшиеся в СССР и России, большинство этих винтовок остались неизвестными отечественным оружейникам. Такое положение с освещением конструкторской деятельности С.И. Мосина не может считаться удовлетворительным, т.к. не позволяет в должной мере оценить величину его квалификации как конструктора-оружейника, а также глубину и масштаб деятельности отечественной оружейной школы по разработке новых видов оружия для русской армии.

В статье приводится полный перечень созданных С.И. Мосиным магазинных винтовок. В ходе изучения коллекции оружия ВИМАИВ и ВС а также документов Оружейного отдела ГАУ, содержащихся в архиве музея, удалось установить, что за период с 1882 года по 1889 год включительно С.И. Мосиным были разработаны следующие модели опытных магазинных и однозарядных винтовок (по калибрам и годам разработки):

- а) в калибре 4,2 лин.: 1882, 1883, 1884, 1885 и 1887 года;
- б) в калибре 3,15 лин.: 1885, 1888 (магаз.), 1888 (однозар.) и 1889 года;
- в) в калибре 3 линии: 1890 и 1891 (магаз.), 1890 (однозар.).

Перечисленные модели винтовок в статье сгруппированы по этапам разработки. Особое внимание в статье автор уделил важному периоду конструкторской деятельности Мосина, состоявшемуся в 1887–1889 гг., когда он занялся разработкой винтовок под новые мощные патроны уменьшенного калибра (3,15 линии) с бездымным порохом. Использование таких патронов потребовало от Мосина практически полностью отказаться от использования опыта создания оружия, наработанного им ранее при разработке винтовок под патрон с дымным порохом. Тем не менее, опыт, высокий уровень конструкторской подготовки и талант изобретателя позволили С.И. Мосину успешно и значительно лучше других отечественных оружейников справиться с возникшими трудностями. В 1889 году он разработал модель 3,15-лн однозарядной винтовки с весьма удачным механизмом запираения соответствующим современным

требованиям по прочности и удобству в обращении. Механизм запираания винтовки Мосина 1889 года стал основой для разработки им затвора 3-лн магазинной винтовки модели 1890 года и 3-лн винтовки обр. 1891 года, принятой на вооружение в апреле 1891 года.

В статье приводятся описания особенностей конструкции винтовок основных моделей и результаты их испытаний. Конструкция наиболее значимых моделей винтовок подвергнута анализу на предмет качества примененных в них технических решений. Особое внимание уделяется выяснению причин введения Мосиным в конструкцию винтовок тех или изменений, улучшающих их боевые и эксплуатационные характеристики, в том числе – с учетом изменяющихся требований армии к магазинным винтовкам, а также нововведений в оружейной технике внедрившихся в 1880 гг. и конструкций винтовок зарубежных систем.

Б. Л. ШАПИРО

Российский государственный гуманитарный университет

B. L. SHAPIRO

Russian State University for the Humanities

**КИРАСИРСКИЙ ПАЛАШ ОБРАЗЦА 1826 ГОДА:
ПАМЯТНАЯ БРОШЬ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ
ФЕДОРОВНЫ**

**PALASH CUIRASSIER SAMPLE 1826: MEMORY BROOCH OF
THE EMPRESS OF MARIA FEODOROVNA**

Одной из наиболее актуальных задач по изучению русской воинской культуры является выявление малоизученных или неизученных в определенном контексте источников. Неисследованными в этом контексте являются мемориальные вещи, сопровождающие полковое шефство.

Даже на фоне исторически хорошо развитой в России традиции высочайшего шефства, особенной теплотой выделялись отношения с подшефными полками августейшей супруги императора Александра III Марии Федоровны. Свидетельством теплых отношений почетного шефа и ее подопечных были не только официальные дары, но и трогательные женские безделушки, которые преподносились императрице наряду с «серьезными» подносными вещами. Так, в Туалетной комнате Гатчинского дворца Мария Федоровна хранила парфюмерный флакон в виде каски кавалергарда (в настоящее время находится в собрании Государственного исторического музея, инв. № 109413/1262) [Empress Maria Fedorovna: A Life & Fate: exhibition catalog. St Petersburg: Petronivs Publishing, 2008. С. 139, 160].

Среди личных вещей императрицы также был веер, поднесенный императрице в память об одной из полковых каруселей, устроенных кавалергардией. Художественное решение веера было более чем символично. Его экран выполнен из алой ткани – прикладного цвета Кавалергардского Ее Величества полка, цвета супервеста, который полагался офицерам полка в особо торжественных случаях. Серебряная отделка веера повторяла цвет полкового приборного металла [Императорские веера из Эрмитажа. Веера из собрания Го-

сударственного Эрмитажа / авт.-сост. Ю.В. Плотникова, Л.А. Яковлева. СПб.: Славия, 1997. С. 52-53; Клочков Д.А. Обмундирование, снаряжение и вооружение Российской императорской армии. 1914-1917: Гвардейская тяжелая кавалерия. М.: Русские витязи, 2015. С. 237-238; 252-253].

Назначение Марии Федоровны шефом Кавалергардского полка состоялось 2 марта 1881 г., на другой день после вступления Александра III на престол; при этом кавалергардии было присвоено наименование Кавалергардского Ее Величества полка. В ознаменование особых отношений между императрицей и подшефным полком на полковом празднике 6 сентября 1882 г. ее величеству от имени полка вместе с букетом была поднесена брошь в виде миниатюрного палаша.

Это был первый полковой праздник после назначения Марии Федоровны шефом [Император Александр III. Императрица Мария Фёдоровна: Каталог выставки. 6 сент.-3 окт. 2006 г. / сост. В. Федоров, Т. Ларина. СПб.: НП Принт, 2006. С. 47; Панчулидзева С.А. История кавалергардов. 1724-1799-1899: в 4 т. Т. 4. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1912. С. 323]. Подробности этого значимого для обеих сторон события широко освещались не только в полковой «летописи», но и в прессе. Так, развернутое описание празднования было размещено в петербургской газете «Голос» от 8 сентября 1882 г. [Бибиков Г.В. История кавалергардов. Париж, 1992. С. 412]. Соответственно значению этого праздника, подарок кавалергардов можно рассматривать как особую вещь, несущую символическую нагрузку.

Известно, что с 1826 г. (с того самого года, когда кавалергардам был присвоен рассматриваемый образец палаша) маршем Кавалергардского полка была избрана мелодия из оперы Ф. А. Буальдьё «Белая дама». Однако на гвардейском сленге название произведения означало еще и холодное оружие, с которым гвардия, в полном соответствии с негласным этикетом, не расставалась никогда [Синдаловский Н.А. Марсово поле: военная столица Российской Империи в петербургском городском фольклоре. СПб.: Остров, 2006. С. 32]. Так, кавалергардия даже венчалась, вопреки церковным правилам, не снимая оружия [Клочков Д.А. Обмундирование, снаряжение и вооружение Российской императорской армии. 1914-1917: Гвардейская тяжелая кавалерия. М.: Русские витязи, 2015. С. 223].

Описания или изображения подношной броши Марии Федоровны не сохранилось, однако, думается, что схожий предмет был выставлен на продажу на аукционе «Награды России» в мае 2013 г. Согласно каталогу аукциона, это миниатюрный знак (брошь) в виде

палаша офицера гвардейских кавалерийских частей Русской Императорской Армии. Брошь изготовлена в Санкт-Петербурге в конце XIX века ювелиром Э.К. Шубертом. Известно, что специальностью именно этой мастерской были нагрудные знаки, юбилейные и так называемые «подносные» вещи, изготавливаемые специально для подношений [Иванов А.Н. Мастера золотого и серебряного дела в России (1600-1926). Руководство для экспертов-искусствоведов: в 2 т. Т. 2. М.: Русский национальный музей, 2002. С. 271-272]. На булавке броши находится два клейма: городское клеймо (герб) Санкт-Петербурга и именное клеймо ювелира «Э.Ш». Материал – золото и серебро, 3,47 г. Размеры броши 57 x 11 мм [Каталог нумизматического аукциона № 81 от 25 мая 2013 года «Награды России». М. 2013. [электронный ресурс] URL: http://https://numismat.ru/au_shtml?au=81&per=260&descr=&material=0&nominal=0&lottype=0&ordername=0&orderdirection=ASC&num=12&&page=2 (дата обращения: 04.04.2017)]. В целом этот мини-палаш соответствует уставной модели кирасирского офицерского палаша образца 1826 г., оставленного после присвоения в апреле 1881 г. новых образцов оружия, полкам гвардейской тяжелой кавалерии в качестве парадной зимней формы [Клочков Д.А. Обмундирование, снаряжение и вооружение Российской императорской армии. 1914-1917: Гвардейская тяжелая кавалерия. М.: Русские витязи, 2015. С. 223; Кулинский А.Н. Русское холодное оружие XVIII – XX вв.: в 2 т. Т. 1. Определитель. СПб.: ГПГ Атлант, 2001. С. 90; Федоров В.Г. Холодное оружие. М.: Яуза: Эксмо, 2010. С. 136].

Известно, что Мария Федоровна высоко оценила подарок и надевала брошь и впоследствии при полковых посещениях. Так, именно эта брошь украшала наряд августейшего шефа 30 января 1884 г., при осмотре казарм, манежа, лошадей и конюшен кавалергардии [Панчулидзева С.А. История кавалергардов. 1724-1799-1899: в 4 т. Т. 4. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1912. С. 323-325].

Несомненно, что традиция полковых подношений, вопреки «не раз повторенным приказам по военному времени о воспрещении всяких подписок и складчин между офицерами» [Милютин Д.А. Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина: 1879-1881. – 2-е изд., испр. и доп. М.: РОССПЭН, 2010. С. 210], занимала важное место в полковой жизни и в значительной степени способствовала формированию отношений между августейшим шефом и подопечным полком. В этом контексте несколько иначе выглядит предметный мир полковых памятных вещей, который на сегодняшний день уже рассмотрен как расширяющий событийную историю Российской империи [Ботт И.К. Подношения

императорам как документ времени и места // За кулисами парадной жизни. Поставщики императорского двора. Каталог выставки. СПб.: ГМЗ Царское село, 2013. С. 17-23]. С культурологической же точки зрения подносные вещи принимают на себя роль осязаемого символа русской полковой и – шире – воинской культуры. Полученный результат исследования позволяет включить их в круг актуальных и востребованных источников по истории оружия, истории русской армии и истории русской культуры.

О.В. ШАПОВАЛ
Российский государственный гуманитарный университет
O.V. SCHAPOVAL
Russian State University for the Humanities

**СОВРЕМЕННАЯ ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ
О СОВЕТСКО-ЯПОНСКИХ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТАХ
НА ОЗЕРЕ ХАСАН И РЕКЕ ХАЛХИН-ГОЛ**
**CONTEMPORARY HISTORIOGRAPHY
OF SOVIET-JAPANESE MILITARY CONFLICTS ON LAKE
KHASAN AND THE KHALKHIN-GOL RIVER**

В 2018 году наступает 80-летняя годовщина с момента первого боевого крещения Рабоче-крестьянской Красной армии. Это – вооруженное столкновение СССР с Японией в июле-августе 1938 года у озера Хасан. Через год (май–сентябрь 1939 года) происходит второй крупный военный конфликт – у реки Халхин-Гол, который по масштабам и по количеству привлекаемых участников можно назвать войной. В событиях на границе Монгольской Народной Республики и Маньчжоу-Го уже принимают участие вооруженные силы четырех государств. Молодая Красная армия впервые опробует свои силы против современной, агрессивной и динамичной силы – императорской армии Японии. В военных действиях принимали участие десятки тысяч военнослужащих, сотни танков, самолётов, артиллерийских орудий. Потери, которые понесли противостоящие стороны до сих пор остаются точно не установленными (в 1979 году, решением Совета Министров СССР потери РККА на Халхин-Голе были внесены в перечень совершенно секретных). Для обеспечения ведения военных операций было задействовано большое количество материальных средств и сил тылового обеспечения. На Халхин-Голе впервые проявил свой военный талант будущий маршал Победы – Г.К. Жуков.

О событиях советско-японского военного противостояния в 1930-е годы на Дальнем Востоке написано немало. В основном, эта литература начала появляться после окончания Второй мировой войны. Но самые первые работы увидели свет сразу после событий.

Первая работа, посвященная боям на озере Хасан, в Японии датируется 1939 годом, это – книга «История конфликтов Маньчжоу-Го и СССР» автора Накамуры Сатоси. В книге даётся первоначальная оценка событий современниками и очевидцами событий со стороны Японии. В СССР в 1939 году был издан сборник статей «Боевые эпизоды. Сборник статей и материалов о событиях у озера Хасан», в этом же году появился еще один сборник — «Герои Хасана». Это было только начало. До сих пор интерес историков и общественности к событиям 80-летней давности не ослабевает. Так, в июне 1989 году по инициативе МНР в честь 60-летней годовщины событий на Халхин-Голе в Улан-Баторе состоялся международный симпозиум (два месяца спустя в институте военной истории в Москве по итогам симпозиума прошел «круглый стол»). В 1991 году подобный симпозиум по инициативе Японии состоялся в Токио (материалы опубликованы отдельной книгой объемом около 300 страниц в 1992 году).

Исследователи из России и Японии, из других стран, чьи вооруженные силы непосредственно в событиях не принимали участие, по-разному трактуют произошедшее. Спектр различий очень широк – это и различное понимание того, кому принадлежала победа (касается событий у озера Хасан), несовпадение определений причин конфликтов, различная методика определения потерь (как правило, с завышением неприятельских потерь). Выводы в сфере военной теории и практики, сделанные после боевых действий диаметрально во многом противоположны. Политическая подоплека событий так же видится неоднозначно. Обзор основных публикаций зарубежной прессы о событиях на Халхин-Голе был сделан в 2013 год [См.: Гольман М.И. События на Халхин-Голе в российской и зарубежной историографии / Халхин-Гол: взгляд на события из XXI века. М.: ИВ РАН, 2013].

Наиболее авторитетными и фундаментальными из зарубежных исследований по рассматриваемой теме остаются работы Элвина Кукса, который по окончании Второй мировой войны работал в аппарате американской администрации и занимался обобщением опыта японской армии. В 1977 году выходит его работа «Анатомия маленькой войны: советско-японская борьба за Чанкуфен / Хасан. 1938». В 1985 году – «Номонхан: Япония против России». Данные работы не включают в себя материалы советской стороны, но там проанализированы реальные события и мифы, неизбежно появляющиеся после значительных исторических событий. Э. Кукс представляет халхин-гольские события, как поворотный пункт истории Японии. Автор приводит результаты опросов многих участников

событий, дипломатов, офицеров и солдат (большинство из них уже нет в живых, что делает результаты исследований Э. Кукса еще более ценным). В 1997 году специализированный японский журнал по военной истории «Гундзисигаку», №128, открывается статьей Э. Кукса «Новый подход к оценке событий в Номонхане». В статье развивается прежняя концепция автора, суть которой состоит в том, что поражение под Халхин-Голом имело для Японии серьезные, судьбоносные последствия. Э. Кукс считает, что Япония переориентировала свои усилия по военной экспансии с севера на юг, в результате чего была начата война с США и нанесен удар по Пёрл-Харбору. Если бы итог войны у Халхин-Гола был бы противоположным, то Япония начала бы нападение на СССР, который не смог бы выдержать борьбы на два фронта.

В 2013 году вышла книга американского автора Стюарта Д. Голдмана «Номонхан 1939: победа Красной армии, которая сформировала Вторую мировую войну». Автор считает, что вторая мировая война началась именно сражениями на Халхин-Голе, с которыми хасанский конфликт связан напрямую. По мнению С. Голдмана, конфликт на Халхин-Голе был использован советским политическим руководством и непосредственно И.В. Сталиным для заключения пакта о ненападении с Германией, подталкиванию Японии к нападению на США и подготовил почву для агрессии Германии против Польши. Так же С. Голдман считает, что И.В. Сталин тайно добивался союза с Германией, открыто ведя переговоры с Великобританией и Францией, целью которых явилось бы создание антигитлеровской коалиции. Эти же идеи излагаются автором в статьях «Забывтая советско-японская война 1939 года» и «Монголия 1939 – искуственный дебют Сталина» в японском журнале «The Diplomat».

Позицию авторов, возлагающих ответственность за расширение конфликта на Халхин-Голе на руководство Квантунской Армии (сторонники данной точки зрения полагают, что генералы Квантунской Армии не выполняли директив Генерального штаба сухопутных войск и распоряжений императорской ставки, которые всячески не желали и опасались эскалации боевых действий), представляет японский учёный Танака Кадзухико. Он считает, что майор Квантунской Армии Цудзи Масаноба был центральным персонажем, подтолкнувшим к этим военным действиям [См.: Кадзухико Т. Тревожные годы накануне боёв на Халхин-Голе / Халхин-Гол: взгляд на события из XXI века. М.: ИВ РАН, 2013].

Новейшими зарубежными исследованиями по теме советско-японских конфликтов 1930-х годов являются работы японского исследователя К. Касахара. В 2015 году в Японии вышла его книга

«Японо-советская история конфликта у озера Хасан». На русском языке был опубликован ряд статей. [См.: Касахара К. Бои на озере Хасан: обзор основных публикаций Японии и России / Япония: мир – традиция – перемены. М.: 2016; Касахара К. Какой урок извлекла Япония в боях у озера Хасан // Российский гуманитарный журнал. 2016, Т.5. № 6]]. К. Касахара считает, что к конфликту у озера Хасан привело недоразумение, выразившееся в разном понимании линии государственной границы, и Япония не планировала военную агрессию против СССР. Интересный подход озвучивается автором и к вопросу полученного Японией военного опыта в боях на Хасане. Неправильно оцененные результаты конфликта, которые японцы не считали своим поражением, привело к недооценке военной мощи СССР и к крупному военному провалу при Халхин-Голе.

Кроме военных, политических и дипломатических проблем советско-японских столкновений зарубежная историография начинает поднимать и гуманитарные аспекты, включая вопросы, связанные с людскими потерями и судьбами военнопленных. В 2006 году в Улан-Баторе прошел международный симпозиум, проведенный по инициативе Центра японо-российских исторических исследований по теме «События на Халхин-Голе и группа Зорге».

Р.М. ШЕПАРЕВ
Государственный центральный музей
современной истории России

R.M. SHEPAREV
The State central museum of contemporary history of Russia

ОРУЖИЕ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК. ПРОБЛЕМЫ ДОСТОВЕРНОСТИ

THE WEAPON AS HISTORICAL SOURCES. VERIFICATION PROBLEMS

Проблема достоверности источника – одна из самых важных проблем, стоящих перед исследователем – источниковедом. Достоверность – это степень правдивости информации, заложенной в источник. Источник может быть подлинным, т.е. относиться к определенному времени бытования, но при этом не быть достоверным, т.е. не содержать в себе информации именно об исследуемом событии.

Существует ли проблема достоверности применительно к оружию как к историческому источнику? Исследованные образцы холодного и огнестрельного оружия дают ответ на этот вопрос, но этот ответ не может быть однозначным. Оружие – источник специфичный, поэтому, применительно к некоторым аспектам исследования, проблемы достоверности как бы не существует, но применительно к другим – она может выходить на первый план.

Когда не существует проблемы достоверности? Иногда нам достаточно определить подлинность вещи, не задумываясь над степенью ее достоверности. Такое положение нас устраивает, если мы изучаем систему оружия с точки зрения технического совершенства. Достаточно существует оружейведческой литературы, в которой подробно описаны практически все системы огнестрельного и холодного оружия. Поэтому мы можем сравнить имеющийся экземпляр оружия с описанием, схемой, рисунком и определить, с системой какого изобретателя мы имеем дело. Системы бывают так не похожи одна на другую, что практически невозможно, например, пистолет системы Маузера перепутать с пистолетами систем

Кольта или Борхардта-Люгера и др., револьвер системы Нагана перепутать с револьвером системы Лефоше. Подобное утверждение можно распространить и на винтовки, ружья, артиллерийские орудия, холодное оружие. Небольшая разница может быть в том, что экземпляры холодного оружия имеют между собой большее сходство, чем огнестрельное оружие. В таком случае от исследователя требуется большая внимательность.

Мы наблюдаем, что оружие определенной системы как бы само себя удостоверяет. Совершенно необязательно, изучая, например револьвер конструкции С. Кольта, утверждать, что именно этот экземпляр изготовлен самим С. Кольтом, ведь мы изучаем только конструкцию. А изучаемый экземпляр может быть изготовлен где угодно – в России, Бельгии, Германии, разными оружейными фирмами США и др. Мы в исследовании достоверности в данном случае отталкиваемся от внешности и особенности общепринятых в мире систем оружия.

Проблема достоверности наиболее остро возникает тогда, если мы желаем оспорить авторство той или иной конструкции. То есть мы можем попытаться ответить на вопрос – действительно ли именно этот механизм изобрел Л. Наган или С. Кольт? Не является ли эта конструкция плагиатом чьих-либо технических мыслей? Но исследуемый предмет ответ на этот вопрос не дает. Можно, имея доступ к большим коллекциям оружия, попытаться сличить исследуемый механизм с другими механизмами. Плагиат можно обнаружить, если удастся найти конструкцию со сходным принципом действия и, что наиболее важно, со сходной компоновкой, причем обнаруженная конструкция должна иметь дату изобретения более раннюю, чем дата изобретения исследуемой. Такая задача невероятно сложная, если речь идет об общеизвестных и общепринятых в мире оружейных конструкциях, а как показывает опыт, и неблагодарная. (Вспомним попытки опорочить изобретения С.И. Мосина, Ф.В. Токарева, М.Т. Калашникова и др.).

Проблема подлинности подарочного и наградного оружия переплетается с проблемой достоверности, т.к. например, о подлинном пистолете времен гражданской войны в России 1918-1920 гг. могут рассказать вымышленную легенду, что он принадлежал якобы М.В. Фрунзе или В.И. Чапаеву. Чтобы ответить на вопрос принадлежности такого оружия, нельзя не привлечь письменные источники, свидетельствующие о жизни и деятельности предполагаемых владельцев исследуемых предметов. Например, ГЦМСИР имеет спортивную винтовку швейцарской фирмы Понсэ с качающимся затвором системы Пибоди [ГЦМСИР ГИК 30403]. Эта вин-

товка была обнаружена в Париже, в квартире на улице Мари-Роз, которую занимал В.И. Ленин в эмиграции. Французская компартия передала эту винтовку в дар И.В. Сталину к 70-летию со дня его рождения в 1949 г., в 1953 г. она поступила в Центральный Музей революции СССР. Автоматически владение этой винтовкой было приписано В.И. Ленину. Но в письменных источниках не было найдено ни одного свидетельства в пользу того, что В.И. Ленин имел ее. Так, в воспоминаниях Н.К. Крупской упоминались факты занятия Лениным охотой и владения им охотничьими ружьями. Но факта владения им спортивной винтовкой в эмиграции сведений не было найдено. Не было обнаружено упоминания об этой винтовке и в воспоминаниях других соратников В.И. Ленина. Поэтому пришлось сделать вывод, что винтовка могла принадлежать хозяину квартиры, которую занимал В.И. Ленин, поэтому она имела к нему косвенное отношение. Не вызывает сомнения, что винтовка изготовлена на фирме Понсэ по конструкции, разработанной Пибоди, следовательно, это – подлинник. Но принадлежность ее В.И. Ленину установить не удалось, следовательно – эти сведения не достоверные.

Проблемы подлинности и достоверности могут также переплетаться, если мы желаем установить принадлежность вещи тем или иным историческим событиям. Иногда предмет имеет надписи, нацарапанные или кустарно отгравированные на нем.

В фондах ГЦМСИР хранится сигнальная ракетница германского производства [ГЦМСИР ГИК 42542/17]. Систему ее установить не удалось, удалось установить, что ее изготовила фирма, обозначающаяся буквами: «J.K.», а также подлинность ее как оружия, которое участвовало в первой мировой войне 1914-1918 гг. на Западном фронте. Технически – это довольно простой по устройству казнозарядный одноствольный пистолет с качающимся на шарнире откидным стволом, внешним курком и «сосковым» спуском. Такая система оказалась очень живучей и распространенной во многих странах, в том числе в России. В России на базе такой ракетницы Ижевский машиностроительный завод выпускал однозарядные спортивные малокалиберные пистолеты до принятия самозарядного пистолета конструкции М.В. Марголина. На рукоятке ракетницы есть несколько нацарапанных слов. Некоторые из них плохо разборчивы, но хорошо читаются слова: «Alleman D. 1916» и «Somme». Какой можно сделать вывод даже из этих отрывочных сведений? Прежде всего, мы устанавливаем время бытования вещи – 1916 г., год первой мировой войны. Затем мы можем констатировать, что ракетница участвовала в знаменитой битве на р. Сомма в

1916 г. Слово «Alleman» мог написать только француз (немцы себя называют «Deutsch»). Это наводит на мысль, что ракетница стала боевым трофеем француза в битве на р. Сомме в 1916 г. Других сведений вещь не содержит. Но этих сведений может быть достаточно для того, чтобы утверждать, что перед нами подлинная вещь, содержащая достоверные сведения о своем участии (и участии владельцев) в битве на р. Сомма в 1916 г. в первой мировой войне.

Окончательный вывод о происхождении ракетницы нам дает письменный источник – список предметов, поступивших в музей с Выставки подарков И.В. Сталину к 70-ти летнему юбилею со дня рождения в 1949 г. В этом списке значится и ракетница. Это дает основание утверждать, что владелец пистолета был участником французского движения Сопrotивления, подаривший свое оружие к юбилею Сталина в 1949 г.

Г.Н. ШУМКИН
Институт истории и археологии УрО РАН

G. N. SHUMKIN
Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian
Academy of Sciences

**ПРОИЗВОДСТВО ФЕХТОВАЛЬНОГО ОРУЖИЯ
ЗЛАТОУСТОВСКОЙ ОРУЖЕЙНОЙ ФАБРИКОЙ
В 1860-1870-х гг.**

**MANUFACTURE THE FENCING WEAPONS ON ZLATOUST
ARMS FACTORY IN 1860-1870-IES.**

Заметная доля продукции Златоустовской оружейной фабрики приходилось на фехтовальное оружие, но ему, по сравнению с боевым оружием и предметами декоративно-прикладного искусства, исследователи уделяют не достаточно внимания. Цель данного сообщения – осветить некоторые аспекты производства фехтовального оружия на Златоустовской фабрике в период царствования Александра II.

Согласно «Штатам и основным положениям» 1847 г. (документу, на основании которого была организована работа казенных горных заводов Урала) Златоустовская фабрика должна была ежегодно производить по 250 прямых и кривых эспадронов и 500 рапир, на сумму в 630 руб., менее 1% от общего объема производства холодного оружия [Свод Военных постановлений. Устав хозяйственный. Кн. II. О хранении, свидетельстве и пересылке казенного имущества до отпуска оногo. СПб., 1859. С. 250]. Однако реальные объемы производства определялись не «Штатами», а нарядами, получаемыми фабрикой от военного ведомства. В 1858-1871 гг. на долю фехтовального оружия приходилось в среднем 15% продукции, изготовленной фабрикой по нарядам артиллерийского ведомства. По данным «Всепоddаннейших отчетов» горного ведомства после Крымской войны фабрика стабильно производила клинки для кривых эспадронов. В 1856-1862 гг. было изготовлено 8,5 тыс. таких клинков. На другие типы фехтовального оружия поступали разовые заказы. Так, в 1859 г. было изготовлено 2000 палашных, 1000 сабельных и 1000 шпажных фехтовальных клинков. Рапирные клинки произво-

дились в 1858 г. (500 шт.); 1862 (541), 1863 (1549 шт.); прямые эскадроны – в 1861 (620 шт.), 1862 (190) и 1863 г. (594 шт.). С 1864 г. фабрика изготовляла палашные, рапирные, сабельные фехтовальные клинки, а также фехтовальные клинки для ружей (гибкие штыки) и для пик. В 1864-1871 гг. было изготовлено 45,9 тыс. фехтовальных клинков: 13539 палашных, 14230 сабельных, 8626 рапирных, 3680 пик и 5917 гибких штыков.

До 1867 г. особые правила приемки действовали только для рапирных клинков: их испытание заключалось в «ударении с довольною силою широкою стороною клинка о бок кругляка, обвернутого двойным войлоком по два раза с обеих сторон». Остальные типы фехтовального оружия принимались на тех же основаниях, что и боевое: палаш или саблю «с довольною силою» ударяли по одному разу той и другой стороною клинка о бок деревянного конуса (чтобы проверить прочность присадки клинка к эфесу), клинок гнули в ящичке, им три раза рубили сухое дерево [Штаты и основные положения казенных горных заводов хребта Уральского. СПб., 1847. С. 254-255]. Если после этих испытаний клинок сохранял прежнюю форму, «не садился» (не тупился), на нем не проступали признаки дефекта металла, то он считался годным. Изготовленное на таких условиях фехтовальное оружие для обучения солдат и офицеров не годилось. Главный недостаток фехтовального оружия заключался в том, что «самое качество стали, употребляемой фабрикою для рапир мало соответствует, требуемым от них условиям», в результате получалось оружие «не вполне согласное с требованиями фехтовального искусства», что заставляло «войска, в случае покупки рапир преимущественно обращаться к изделиям золингенских фабрик» [Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 39. Оп. 1. Д. 50. Л. 24, 26 об.].

Приказом Военного министра от 8 июня 1867 г. на Златоустовскую фабрику был командирован учитель фехтования гвардейской кавалерии ротмистр Соколов. На него возлагались задачи «а) приготовить по 10 экземпляров окончательных образцов холодного боевого и фехтовального оружия для представления на Высочайшее Государя Императора утверждение и для рассылки на образец в те места, где оружие это будет готовиться по нарядам и б) составить и доставить в ГАУ для представления на Высочайшее утверждение инструкцию для приема и пробы вышеупомянутого оружия и чертежи оного». Тем же приказом упразднялась процедура приемки артиллерийскими приемщиками фехтовального оружия и

офицерского оружия, предназначенного для ношения вне строя. Чтобы понизить его цену, фабрике было разрешено продавать частным лицам «за своим браком» [ГАСО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 50. Л. 20-22].

К весне 1868 г. Соколов в сотрудничестве с инженерами фабрики и артиллерийскими приемщиками разработал новые образцы боевого (легкокавалерийская сабля и палаш) и фехтовального (палаш, сабля, рапира, штык и пика) оружия; новые правила приемки; а также специальный станок для испытания оружия. 4 апреля 1868 Александр II, «не изволив признать нужным изменять существующий образец холодного оружия», утвердил новые образцы фехтовального оружия [ГАСО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 50. Л. 47].

Контроль качества фехтовального оружия стал осуществляться на новых принципах. Поскольку «фехтовальное оружие есть оружие учебное, а не боевое», упразднялись требования «такой тщательности и щегольской отделки, какая требуется от клинков боевого оружия». Достаточной считалась точка и отделка клинков на полировальных кругах, «крупным наждаком с маслом для предохранения их в будущем от ржавчины». «Незначительные пленны, небольшие седины, черновины, волосовины, продольные небольшие трещины, не вредящие клинку в отношении прочности и волнистость в оборонительной только части», признавались несущественными, но клинки с такими дефектами подвергались усиленной пробе. Хорошим признавался «клинок, который, выйдя из точки, не будет иметь ни на которой стороне волн или углублений, а будет иметь со всех сторон ровную поверхность с постепенным утонением от ручки к концу». Забраковывались клинки «по наружному своему виду» «несходные» «с Высочайше утвержденными образцами», имевшие значительные трещины и «седины» и не выдерживавшие установленной пробы [ГАСО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 50. Л. 51-52].

Каждому типу фехтовального оружия был определен свой порядок испытания. Рапирные и палашные клинки вначале медленно сгибали на одну и на другую сторону, поставив пуговкой на землю, справа от правой ноги. Затем их упирали в гнездо на станке Соколова так, чтобы они сгибались в наступательной части до скобы станка (в рапирных и палашных клинках выделялась сильная, оборонительная часть – от ручки до середины – «она должна быть негибкая, а близ ручки эфеса становиться совсем неподвижною», и слабая, наступательная – от середины до пуговки, она «должна быть гибкая и упругая, в особенности к концу»). После этого испытания клинок должен был выпрямиться. Затем каждой стороною

дважды (сильною и слабою частями) били по клинку, вставленному в станок (имитация отбива оружия). Клинок должен скользить по другому клинку, не ломаться, не гнуться. Сабельными клинками «сильно» били пластью по доске станка одной и другой стороною так, чтобы клинок «ложился бы на доску всей поверхностью сразу, а не одной какой-либо частью своей». Потом ими дважды «сильно» рубили ребром по ребру, вставленной в станок сабли, сперва концом, потом серединою клинка. Штыки и пики били каждой стороною по доске станка, а затем кололи по подушке в станке так, чтобы штык или пика прогнулись до скобы [ГАСО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 50. Л. 53 об.-58].

Принятие новых образцов фехтовального оружия, а также новых принципов контроля качества позитивно отразились на динамике производства фабрики. Если до 1868 г. фабрика, в среднем, изготовляла 2–4 тыс. шт. фехтовального оружия, то с этого времени объем производства увеличился до 9 тыс. шт. Производство фехтовального оружия на фабрике стало сокращаться в конце 1870-х гг., а вначале 1880-х гг. было прекращено в связи с начавшимся массовым перевооружением армии шашкой нового образца.

А.В. ЩЕПОТЪЕВ, Л.В. ГЕТМАНЦЕВ
Тульская областная организация Общероссийской общественной организации – Общество «ЗНАНИЕ» России (г. Тула)
МБУК «Районный историко-краеведческий музей»
(г. Ахтубинск Астраханской области)

A.V. SHCHEROTEV, L. V. GETMANTSEV
Tula regional organization of all-Russian public organization the Society «ZNANIE» of Russia (Tula)
MBUK «local history Museum»
(the town of Akhtubinsk in Astrakhan region)

РОЛЬ ПОИСКОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ

THE ROLE OF SEARCH ACTIVITIES IN PATRIOTIC EDUCATION

Вопросам воспитания патриотизма, особенно среди молодежи, в советский период уделялось много внимания. В данном направлении велась соответствующая работа во всех учебных заведениях, учреждениях культуры и отдыха, пропагандировалась в СМИ и т.д. С распадом СССР в 1991 году в большинстве стран СНГ работа по патриотическому воспитанию существенно сократилась. Это обусловлено было, в первую очередь, по экономическим причинам: налаженные экономические связи между территориями (тогда еще республиками СССР) были практически разорваны. Основными задачами независимых стран было поднятие экономики, увеличение веса каждой страны на мировой арене и т.д.

Как показывает опыт последней четверти века – снижение роли и внимания государства к воспитанию молодежи может приводить к сложным вопросам взаимоотношения населения (особенно молодежи – наиболее активной части населения) с органами власти. Воспитание патриотичного толерантного к государству населения является важной задачей любого государства. Именно поэтому встает более остро и актуально вопрос о не только образовании молодого поколения, но и воспитании патриотизма, особенно среди молодежи [Щепотьев А.В., Надеин В.В. Развитие и пропаганда кол-

лекционирования как инструмент поднятия культурно-нравственного уровня молодежи // Электронный научно-образовательный журнал «Вестник ТИЭИ», № 5–2014, с. 98–102].

Патриотическое воспитание представляет собой систематическую и целенаправленную деятельность органов государственной власти, институтов гражданского общества и семьи по формированию у граждан высокого патриотического сознания, чувства верности своему Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Родины.

В России в последние годы ведется активная работа по патриотическому воспитанию молодежи, принимаются соответствующие нормативно-правовые акты. В настоящее время в России действует Постановление Правительства РФ от 30.12.2015 N 1493 «О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016 - 2020 годы», в котором подробно изложены основные направления патриотического воспитания. Одним из направлений патриотического воспитания является организация и обеспечение деятельности поисковых отрядов и объединений.

Организация поисковых работ осуществляется в местах боевых действий Великой Отечественной войны 1941 – 1945 годов, выявление, реставрация и передача боевой техники времен войны в музеи Российской Федерации. Для этих целей привлекаются активисты (в большинстве своем – молодежь).

Отметим, что поисковая работа может проводиться как в полевых условиях (фактический поиск останков погибших воинов, потерянной боевой техники, оружия, боеприпасов, вещей военной поры и т.д.), так и посредством кабинетных исследований, в рамках которых изучаются архивные данные, проходит работа с документами, выявление фактов, обобщение и анализ материала и т.д.

В качестве примера поисковых работ в полевых условиях можно привести работу Патриотического объединения поисковых отрядов «Щит» (г. Тула) и др.

Поисковые отряды и поисковые объединения успешно функционируют во многих городах и населенных пунктах, на территории которых проходили военные действия.

В качестве примера поисковой деятельности в виде кабинетных исследований можно привести изучение документов и определение важных и значимых эпизодов боевого пути 72-го отдельного зенитного бронепоезда ПВО, формирование которого проводилось на территории Тульской области, где он и начал свой боевой путь

(в музеях и архивах Тульской области выявить документы автограм данного исследования не удалось) [Щепотьев А.В., Гетманцев Л.В. Туляки – бойцы 72-го отдельного зенитного бронепоезда ПВО при защите станции Ахтуба. // Мир оружия. История. Герои. Коллекции. Материалы Международной научно-практической конференции, 20-21 октября 2016 г./ Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Тульский государственный музей оружия». – Тула, 2016. – 520 с., с. 497- 502].

Аналогичным положительным результатом кабинетных исследований можно назвать факт выявления и восстановления «добро-го» имени героя обороны Тулы – генерала Аркадия Николаевича Ермакова, который в 1941 году был обвинен по статье 193-21 пункт «б» Уголовного кодекса РСФСР: «Самовольное отступление начальника от данных ему на поле боя распоряжений, не в целях содействия неприятелю, но вопреки военным правилам». Ю.В. Апарин исследовал более подробно этот вопрос, через соответствующие правовые механизмы инициировал соответствующие мероприятия, в результате которых уголовное дело, возбужденное в отношении А.Н. Ермакова в 1941 году, было закрыто за отсутствием состава преступления и с генерала сняты надуманные обвинения [Апарин Ю.В. Суровая правда 1941. – Тула: Аквариус, 2016 – 352 с.]. Также через кабинетные исследования, посредством сбора и обобщения архивных данных Ю.В. Апарин в своей книге «Суровая правда 1941. – Тула: Аквариус, 2016. – 352 с.» раскрывает «белые» пятна в истории обороны Тулы, а также показывает об искаженных исторических фактах, которые получилось выявить, предоставить более достоверные сведения и ввести эти данные в научный оборот.

Романенко В.М. в своей книге «Танковый ас Дмитрий Лавриненко. – Серпухов: Изд-во ИП П.А. Кулаков, 2014. – 90 с.» изучает и раскрывает информацию о боевых действиях танка под командованием Д. Лавриненко под г. Серпухов, в местах, где в настоящее время располагается город – наукоград Протвино Московской области [Романенко В.М. Танковый ас Дмитрий Лавриненко. – Серпухов: Изд-во ИП П.А. Кулаков, 2014. – 90 с.]. После завершения кабинетных исследований, издания книги, подготовки и подачи соответствующих документов одной из школ г. Протвино Московской области было присвоено имя Героя СССР Дмитрия Лавриненко.

Еще одним примером может стать поиск и сбор информации о боевых действиях на железнодорожной станции Горбачёво Плавского района Тульской области. Активисты этого населенного пункта собирают информацию и документы о роли этого железнодорожного узла, о боевых действиях и налетах вражеской авиации

на железнодорожный узел. Собранная информация используется в краеведческих целях, а также для увековечивания памяти героев, защищавших этот населенный пункт. В эту работу также вовлечена местная молодежь.

И подобных примеров можно привести немало. Вовлечение молодежи в поисковую работу (полевую или кабинетную) будет эффективно как с точки зрения поиска и выявления захоронений солдат, военной техники, оружия, установления исторических фактов, так и с позиции воспитания подрастающего поколения. Вовлеченные в поисковую работу люди более глубоко изучают историю родного края, своей страны [Щепотьев В. И., Щепотьев А. В., Щепотьев А. И. Развитие волонтерства и добровольческой деятельности как инструмент воспитания патриотизма [Текст] // Актуальные вопросы современной педагогики: материалы X Междунар. науч. конф. (г. Самара, март 2017 г.). — Самара: ООО «Издательство АСГАРД», 2017., с.77–81].

Вовлеченные и увлеченные поисковой работой, люди меньше занимаются «вредными» привычками – на них просто не остается времени [Воронцова Н. В., Миненко К. С., Щепотьев А. В. Детерминанты преступного поведения несовершеннолетних // Педагогика высшей школы. – 2017. – №1., с. 7 – 9].

Посредством поисковой работы, соответствующей пропаганды достигаются результаты патриотического воспитания, прививается любовь к Родине.

Органы власти на всех уровнях понимают высокую значимость воспитания патриотизма и оказывают содействие в развитии всех социально значимых направлений патриотического воспитания.

А.В. ЩЕПОТЬЕВ, О.В. ЧЕРЕДНИЧЕНКО
Тульская областная организация Общероссийской общественной организации – Общество «ЗНАНИЕ» России (г. Тула)

A.V. SHCHEPOTEV, O.V. CHEREDNICHENKO
Tula regional organization of all-Russian public organization the Society «ZNANIE» of Russia (Tula)

**СОВЕТСКИЙ АС ПОГИБ ПРИ ИСПЫТАНИИ
АВИАЦИОННОЙ ТЕХНИКИ (БИОГРАФИЯ ВОЕННОГО
ЛЕТЧИКА
КОНИЩЕВА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА)
SOVIET ACE DIED IN THE TESTING OF AVIATION
TECHNOLOGY (BIOGRAPHY OF A MILITARY PILOT
KONISHCHEV NICHOLAS ALEXANDROVICH)**

Конищев Николай Александрович родился в Новоселках в 1923 году в семье Конищева Александра Григорьевича (отец) и Конищевой Евдокии Семеновны (мать). В семье было восемь детей. Семья трудилась на земельном участке весь день – жизнь была тяжелой. На дворе держали скотину (корову и лошадь) и птицу.

Семья Конищевых попала под раскулачивание, когда началась коллективизация. Жить стало еще труднее – нищета и голод пришли в их семью. Александр Григорьевич заболел от нервного напряжения и через два года умер. Евдокии Семеновне ничего не оставалось, как вступить в колхоз, чтобы прокормить семью.

Конищев Николай Александрович – один из сыновей Евдокии Семеновны – закончил семь классов школы, затем недолгое время работал в колхозе счетоводом, а в 1940 году поступил в летное училище. Началась Великая Отечественная война, Конищев прошел ускоренное обучение на курсах после чего ему было присвоено звание младшего лейтенанта. В рядах Красной армии – с 1941 года, непосредственно на фронт, в зону боевых действий Конищев Николай Александрович был направлен в 1943 году. Он был назначен на должность пилота 482 истребительного авиационного полка и направлен на Брянский фронт. В ходе одного боя, сбил один немецкий самолет Ю87, что подтверждается справкой 129-го Дорожного

строительного батальона. Продолжая бой с бомбардировщиками, подвергается атаке одновременно четырех ФВ-190. В результате этой атаки у самолета Конищева отбито хвостовое оперение. Ему пришлось выпрыгнуть с парашютом, приземлившись на вражеской территории.

Так 7 августа 1943 года он попал в плен.

Из плена Николаю помогла бежать партизанка Валя. Она привела его в свою деревню, находившуюся в нескольких километрах от концлагеря, и он спрятался в неглубоком погребе в сарае. Побег летчика был обнаружен немцами на второй день. Немцы искали сбежавшего по всей округе. Пришли они в дом и к Вале, угрожали родителям, ставили их к стенке, но родители не проронили ни слова. В своем укрытии Николай просидел около месяца, а за это время Валя подготовила переход через линию фронта [А. Остриков. Вот такая судьба // Сельская новь. № 22 от 22.02.1997 . С. 2]. И вот 13 сентября 1943 года Николай перешел линию фронта и возвратился в часть [http://moypolk.ru/soldiers/konishchev-nikolay-aleksandrovich/story].

В октябре 1943 года Николай Александрович был назначен командиром звена 482 истребительного полка и воевал до июня 1944 года.

За высокие боевые достижения Конищев Н.А. в 1943 году был награжден Президиумом Верховного Совета Союза ССР орденом Красной Звезды (Приказ частям 322 истребительной авиационной дивизии №03/н от 03.08.1943 г.)

В 1944 году Николай Александрович за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество был награжден Президиумом Верховного Совета Союза ССР орденом Красного Знамени (Приказ частям 3 Воздушной армии №080 от 15.03.1944 г.) В ожесточенном бою за один крупный населенный пункт сбил четыре самолета противника, после чего ему было присвоено звание старшего лейтенанта.

За время наступления наших войск Николай Александрович произвел более 50 успешных боевых вылета (30 вылетов – на прикрытие наземных войск, 17 вылетов – на разведку противника, 6 вылетов – на штурмовку войск противника). В четырех воздушных боях воевал с превосходящими силами противника и сбил лично 1 Ме-109; 1 ФВ-190; 2 Ю-87. Всего им было сбито 6 самолетов противника. [http://soviet-aces-1936-53.ru/abc/k.htm].

Затем Николай Александрович был направлен на Соль-Илецкие курсы командиров эскадрильи. В программу курсов

входило испытание самолетов иностранных марок. Испытывали самолеты, поставленные нашими союзниками. Для производства опытов и исследований, разрешения технических вопросов и задач по снаряжению авиации привлекали и опытных асов.

Так на одном из испытаний на полигоне случилось несчастье. В пикирующем полете отказало управление самолета, испытываемого летчиком Николаем Александровичем. Самолет не был выведен в обычное состояние. Николай Александрович выпрыгнул с парашютом, но попал под крыло самолета и погиб.

Эта страшная новость застала в дороге партизанку Валу, которая помогла бежать Николаю из плена (они переписывались и решили пожениться). Она ехала на встречу с женихом.

Николай Александрович был похоронен у здания Краснодарского обкома партии, затем перезахоронен в станице Ново-Титаровской Краснодарского края [http://moypolk.ru/soldiers/konishchev-nikolay-aleksandrovich/story].

За годы Великой Отечественной Войны Конищев Николай Александрович участвовал в боях без ранений. Погиб при испытании самолета иностранной марки.

А.В. ЩЕПОТЪЕВ, В.И. ЩЕПОТЪЕВ
Тульская областная организация Общероссийской общественной
организации – Общество «ЗНАНИЕ» России

A.V. SHCHEROTEV, V.I. SHCHEROTEV
Tula regional organization of all-Russian public organization the
Society «ZNANIE» of Russia (Tula)

**ДЕТСКАЯ ШАЛОСТЬ –
МАЛЕНЬКИЙ «КИРПИЧИК» ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ
A CHILDISH PRANK –
THE LITTLE «BRICK» OF THE GREAT VICTORY**

Щепотьев Иван Иванович родился в селе Нижние Деревеньки Льговского района Курской области в 1932 году. К началу Великой Отечественной войны ему исполнилось 9 лет.

Отца, Щепотьева Ивана Матвеевича, работавшего до войны на железной дороге, еще в 1941 году эвакуировали вместе с производством в г. Тулу, где он продолжал работать на железной дороге: восстанавливал разрушенные железнодорожные пути и железнодорожные мосты, а позднее, в 1943 году, был отправлен на фронт. Во время Великой Отечественной войны Иван Щепотьев жил с матерью Щепотьевой Марией Егоровной и двумя младшими братьями Щепотьевым Александром Ивановичем (1938 года рождения) и Щепотьевым Виктором Ивановичем (1941 года рождения), а также маминым дядей Воробьевым Леоном Ермолаевичем (1892 г.р., инвалид) в селе Нижние Деревеньки.

Курская область в 1941–1943 гг. находилась под оккупацией фашистов. В селе Нижние Деревеньки Льговского района Курской области немецкие войска появлялись нечасто, однако контролировали те места, наладив работу полицаев и т.д.

Как-то однажды, зимой 1942 года в село пришел небольшой отряд фашистов, которые остановились в одном из дворов для отдыха и приема пищи. Здесь же они и остались на ночлег. Так как была зима, то отряд немцев передвигался на лыжах. Лыжи фашисты поставили в форме пирамиды около дома, где остановились.

Щепотьев Иван Иванович (тогда еще 10-летний мальчик Ваня) со своим другом Славой Щепотьевым, увидели много комплектов лыж немецких солдат, стоявших пирамидой у дома. Они взяли себе покататься на горке по паре пару. Накатавшись, Ваня и Слава притащили себе по домам. Увидев лыжи и расспросив о том, откуда они, мать Ивана – Мария Егоровна, поняла, что если лыжи найдут у них, то из-за детской проказы могут быть большие неприятности: дальнейшее движение немецкого отряда будет затруднительно без лыж, т.к. отсутствие лыж могло послужить снижению маневренности всей группы.

Так как была зима, печь в избе была растоплена. Мария Егоровна быстро взяла топор, порубила лыжи и покидала все в печь, подмела даже мелкие щепки от рубки лыж и тоже смела их в печку. Порубленные лыжи сгорели быстро. Потом она сходила к соседке – матери Славы, все ей рассказала и та поступила таким же образом: порубила лыжи и сожгла их в печи. В тот день шёл снег, он замёл все следы...

На утро следующего дня, когда немцы начали собираться, то выяснилось, что лыж не хватает. Их начали искать, причем по всем дворам села. Заходили и в избу Щепотьевых. Но лыж, впрочем, как и их следа, не нашли. Отряд позднее ушел, но группа потеряла мобильность и скорость передвижения из-за недостающих лыж [Щепотьев А.В. Мой дед и его сыновья. // Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений. Сразу после войны./ Под ред. Ю.М. Осипова, Л.И. Ростовцевой. Тула: Аквариус, 2017. – 828с., с. 352 – 354.]

Так детская шалость детей внесла свой маленький вклад, маленький «кирпичик» в Великую Победу Великой Отечественной войны.

Конечно, потом мама наказала маленького Ивана, т.к. он не понимал всей глубины своего поступка и как он мог обернуться для всей семьи, если бы лыжи нашлись в их избе...

В период оккупации немцы заставляли Щепотьева Ваню работать: в зимние периоды – по уходу за лошадьми, а в летние месяцы – на колхозном поле (пахать, сеять, убирать хлеб, косить и убирать сено и т.д.).

После войны жизнь пошла в мирном русле. Иван отучился, стал работать на металлургическом предприятии в г. Оренбург, став к зрелому возрасту главным металлургом металлургического завода. За многолетний труд Щепотьев Иван Иванович был отмечен государственной наградой – медаль «Ветеран труда СССР», а за труд в годы Великой Отечественной войны – награжден медаль

«За доблестный труд в Великой отечественной войне 1941-1945 гг.». Умер Щепотьев Иван Иванович в возрасте 75 лет в 2007 году; похоронен в г. Оренбург.

Конечно, взятые у немцев и уничтоженные лыжи не нанесли большого урона немецкой армии, но усложнили передвижение немецкому отряду. Возможно, подобных историй и стечений обстоятельств было много во время войны, но и такие эпизоды хоть на миг, хоть чуть-чуть приближали Великую Победу над фашизмом.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

1. **АЛЬ СЕЛВИ ЕМАД НОМАН МУРШЕД** (Йемен) – студент ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет».
2. **БАЖЕНОВ Анатолий Матвеевич** – кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии и политологии, ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет».
3. **БАРЧЕВСКИЙ Сергей Викторович** – независимый исследователь (Москва).
4. **БАШМАКОВ Михаил Борисович** – методист музея 1-й категории отдела по просветительской работе Московского государственного объединенного художественного историко-архитектурного и природно-ландшафтного музея-заповедника (Коломенское, Измайлово, Люблино).
5. **ВЫПРЯЖКИН Артемий Владимирович** – научный сотрудник Малоярославецкого военно-исторического музея 1812 года (Калужская область).
6. **ГЕТМАНЦЕВ Леонид Вячеславович** – внештатный консультант, МБУК «Районный историко-краеведческий музей» (Ахтубинск, Астраханская обл.).
7. **ГЛАДИНА Александра Юрьевна** – научный сотрудник ФГБУК «Тульский государственный музей оружия».
8. **ГОЛОВНИН Петр Андреевич** – действительный член Русского Географического и Генеалогического Обществ, СПб Дворянского Собрания, директор ОО Ассоциации «Русско-Японский центр по науке и культуре».
9. **ГРИЦЕНКО Евгения Петровна** – кандидат культурологии, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела ФГБУК ГМПЗ «Музея-усадьба «Л. Н. Толстого „Ясная Поляна”».
10. **ГУРОВ Сергей Викторович** – инженер 2-й категории АО «НПО «СПЛАВ» (Тула).
11. **ДЕКТЯРЕВА Наталья Анатольевна** – главный хранитель музейных предметов МБУ «Краеведческий музей г.о. Сызрань».

12. **ДЁМУШКИН Михаил Сергеевич** – хранитель музейных предметов ФГБУК «Тульский государственный музей оружия».
13. **ДЕРГАЧЕВ Александр Сергеевич** – хранитель музейных предметов II категории ФГБУК «Тульский государственный музей оружия».
14. **ДЗИГОВСКАЯ Людмила Николаевна** – ведущий палеограф. ГУ «Государственный архив Тульской области».
15. **ДРАНИШНИКОВ Александр Александрович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории государства и права Института права и управления ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет».
16. **ЕРМАКОВ Александр Александрович** – заместитель директора по науке, Музейно-выставочный комплекс стрелкового оружия им. М.Т. Калашникова (Ижевск).
17. **ЕСКИНА Юлия Сергеевна** – магистрант гр. 142761/17 ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет».
18. **ЗЛИВКО Анна Владимировна** – архивист I категории, ФГБУК «Тульский государственный музей оружия».
19. **ЗУБАРЕВ Алексей Валерьевич** – хранитель музейных предметов ФГБУК «Тульский государственный музей оружия».
20. **ИВАНОВ Никита Михайлович** – делопроизводитель, специалист по учебно-методической работе, аспирант Историко-Архивного Института Российского государственного гуманитарного университета (Москва).
21. **КАСАТИКОВА Галина Евгеньевна** – методист Историко-мемориального музея Демидовых – филиал ГУК ТО «Объединение «Историко-краеведческий и художественный музей» (Тула).
22. **КИЛИЧЕНКОВ Алексей Алексеевич** – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России новейшего времени Российского государственного гуманитарного университета (Москва).
23. **КИЩЕНКО Валентин Валентинович** – коллекционер, врач акушер-гинеколог ГУЗ «Родильный дом № 1» (Тула).

24. **КЛАДОВ Илья Олегович** – научный сотрудник ФГБУК «Тульский государственный музей оружия».
25. **КОЛОКОЛОВ Александр Михайлович** – научный сотрудник Государственного военно-исторического и природного музея-заповедника «Куликово поле» (Тульская область).
26. **КОНДРАТЕНКО Сергей Юрьевич** – кандидат исторических наук, ГБУК г. Москвы «Центральная универсальная научная библиотека имени Н.А. Некрасова».
27. **КОРНЕЕВ Сергей Павлович** – кандидат технических наук, ассистент кафедры «Стрелково-пушечное вооружение» ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет».
28. **КОРНЕЕВА Наталия Павловна** – студент гр. 132141 ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет».
29. **КРАМАРЕВА Ирина Владимировна** – заместитель директора по научно-экспозиционной работе ГБУК «Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина».
30. **КРАПИВЕНЦЕВА Мария Борисовна** – хранитель музейных предметов II категории ФГБУК «Тульский государственный музей оружия».
31. **КРОТОВА Мария Владимировна** – кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник, ФГБУН «Институт народнохозяйственного прогнозирования» (Москва).
32. **КУЗНЕЦОВА Елена Ивановна** – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры истории государства и права Института права и управления ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет».
33. **КУПЦОВА Наталья Евгеньевна** – магистрант кафедры музеологии факультета истории искусства Российского государственного гуманитарного университета (Москва).
34. **КУРОЧКИН Алексей Юрьевич** – зам. главного редактора, журнал «Историческое оружиеведение» (Москва).
35. **МАНЬКО Сергей Павлович** – заведующий отделом истории Великой Отечественной войны ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (Керчь).

36. **МАХЕЛЬ Денис Александрович** – методист МУК «Венёвский краеведческий музей» (Тульская область).
37. **МЕЗЕНЦЕВ Евгений Вячеславович** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра военной истории России, Институт Российской истории РАН (Москва).
38. **МИЛОСЕРДОВ Дмитрий Юрьевич** – старший научный сотрудник отдела фондов Государственного Дарвиновского музея (Москва).
39. **МОШОНКИНА Елизавета Олеговна** – магистр МГХПА имени Строганова, факультет теории и истории искусств (Москва).
40. **НЕМОВА Светлана Николаевна** – ведущий специалист филиала «Тульский областной краеведческий музей» государственного учреждения культуры Тульской области «Объединение «Историко-краеведческий и художественный музей».
41. **НИКОЛАЕВ Александр Владимирович** – член Российского военно-исторического общества (Московское отделение).
42. **ОВОДКОВ Никита Алексеевич** – младший научный сотрудник, хранитель 1-го иностранного оружейного фонда Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург).
43. **ПАНИН Алексей Станиславович** – кандидат исторических наук, заведующий отделом «Тульский некрополь», МБУК «ТИАМ» (Тульский историко-архитектурный музей).
44. **ПЕРХАВКО Валерий Борисович** – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва).
45. **ПЕТРАКОВ Тимур Валериевич** – кандидат исторических наук, научный сотрудник ФГБУК «Тульский государственный музей оружия».
46. **ПЕТРУХИН Илья Николаевич** – председатель совета Тульской региональной общественной организации «Военно-исторический клуб «Стальной Орел»; член совета правления тульского отделения Российского военно-исторического общества.
47. **ПИНК Игорь Борисович** – кандидат исторических наук,

заместитель директора по научной и экспозиционно-выставочной деятельности, ФГБУК «Тульский государственный музей оружия».

48. **ПИТЬЕВА Марина Валентиновна** – директор МБУ «Краеведческий музей г.о. Сызрань».
49. **ПОЛОЗОВ Евгений Маркович** – ведущий специалист филиала «Тульский областной краеведческий музей» государственного учреждения культуры Тульской области «Объединение «Историко-краеведческий и художественный музей».
50. **ПОЛЧАНИНОВ Владимир Ростиславович** – коллекционер, сотрудник Морской Академии в Кингс-Пойнт (США).
51. **ПОЛЧАНИНОВ Ростислав Владимирович** – журналист, историк, коллекционер (США).
52. **РАСПОПОВИЧ Радослав** – доктор исторических наук, профессор, Исторический институт Университета Черногории.
53. **РЕМИЗОВА Мария Александровна** – научный сотрудник ФГБУК «Тульский государственный музей оружия».
54. **РОМАНОВ Олег Анатольевич** – кандидат политических наук, эксперт Союза Реставраторов Российской Федерации (Санкт-Петербург).
55. **САБУРОВ Леонид Давыдович** – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения культуры и искусства «Центральный музей Вооруженных Сил Российской Федерации» Министерства обороны Российской Федерации (Санкт-Петербург).
56. **САМАРЦЕВА Елена Игоревна** – доктор исторических наук, профессор, учёный секретарь ФГБУК «Тульский государственный музей оружия», профессор ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет».
57. **САМАРЦЕВА Мария Сергеевна** – аспирант ТулГУ, ведущий специалист филиала «Тульский военно-исторический музей» Государственного учреждения культуры Тульской области «Объединение «Историко-краеведческий и художественный музей».
58. **СЕРГИЕВСКИЙ Илья Александрович** – старший научный сотрудник научно-исследовательского института (военной

истории), Военная академия Генерального штаба ВС РФ; старший лейтенант (Москва).

59. **СЕРОВА Мария Александровна** – главный специалист по инновационной работе отдела развития Тульского областного художественного музея (ГУК ТО О «ИКХМ»).

60. **СКВОРЦОВА Елена Сергеевна** – кандидат исторических наук, второй секретарь (в отставке) Историко-документального департамента МИД России (Москва).

61. **СМИРНОВ Борис Евгеньевич** – кандидат педагогических наук, заведующий фондом оружия, Центральный Военно-Морской музей Министерства обороны России; капитан 2 ранга в отставке (Москва).

62. **ФУФАЕВ Алексей Николаевич** – продюсер телекомпания «Матч-ТВ» (Москва).

63. **ХАСИБУЛЛА АБДУЛЛА** (Афганистан) – студент ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет».

64. **ХАТКЕВИЧ Артур Андреевич** – директор Научно-просветительского центра «Музей Сибири и Дальнего Востока» (Москва).

65. **ХОТКО Самир Хамидович** – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнологии Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева (Майкоп).

66. **ЧЕРЕДНИЧЕНКО Ольга Викторовна** – волонтер, Тульская областная организация Общероссийской общественной организации – Общество «ЗНАНИЕ» России.

67. **ЧУБИНСКИЙ Александр Николаевич** – научный сотрудник, Музеи Московского Кремля.

68. **ЧУМАК Руслан Николаевич** – кандидат технических наук, начальник отдела фондов, Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург).

69. **ШАПИРО Бэлла Львовна** – кандидат исторических наук, старший преподаватель Российского государственного гуманитарного университета (Москва).

70. **ШАПОВАЛ Олег Владимирович** – военнослужащий, соискатель Российского государственного гуманитарного университета (Москва).

71. **ШЕПАРЕВ Роман Михайлович** – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, хранитель фонда оружия, Государственный центральный музей современной истории России (Москва).

72. **ШУМКИН Георгий Николаевич** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург).

73. **ЩЕПОТЬЕВ Александр Викторович** – кандидат экономических наук, доцент, Председатель правления Тульской областной организации Общероссийской общественной организации – Общество «ЗНАНИЕ» России.

74. **ЩЕПОТЬЕВ Виктор Иванович** – член Тульской областной организации Общероссийской общественной организации – Общество «ЗНАНИЕ» России.